НАПОЛЕОНЪ И ЖЕНЩИНЫ

№ 22

„СОВРЕМЕННЫЯ“ ПРОБЛЕМЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга историка и биографа Наполеона Фредерика Массона позволяет увидеть Наполеона не как абстрактную фигуру правителя и полководца, политика и вершителя судеб целых народов, но рассмотреть его личность, человеческие качества, понять его «душевные движения», узнать малоизвестные факты его бурной жизни. Для одних Наполеон был устрашающим противником и тираном, для других же любящим супругом, беспокоившимся за судьбу близких. Как подчеркивает Ф.Массон, если бы женщины не играли существенной роли в жизни Наполеона, он никогда не стал бы тем, кем мы его знаем – самым выдающимся из мужчин.

В книге император Франции предстает «как любовник и муж столь же необыкновенный, сколь необыкновенен он был как воин и государственный деятель» – мягкий и вспыльчивый, нежный и страстный, беспощадный и страдающий. Его отношение к Жозефине де Богарне и австрийской принцессе Марии-Луизе, юной Дезире и певице Грассини, актрисе мадемуазель Жорж, пани Валевской и многим другим ярко раскрывает характер его натуры. И влияние этих отношений – непосредственное или косвенное – на его идеи и деяния, как считает автор, «не может быть оспариваемо».

- Фредерик Масон
  - I. Молодость
  - II. Проекты женитьбы
  - III. Жозефина де Богарне
  - IV. Гражданка Бонапартъ
  - V. Госпожа Фуресъ
  - VI. Прощеніе
  - VII. Грассини
  - VIII. Актрисы
  - IX. Лектрисы
  - X. Коронованіе Жозефины
  - XII. Стефанія де Богарне
  - XIII. Элеонора
  - XIV. Гортензія
  - XV. Госпожа Валевская
  - XVI. Разводъ
  - XVII. Марія-Луиза
  - XVIII. Островъ Эльба
  - XIX. Сто дней

    - XX
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

Фредерик Масон
Наполеон и женщины

I. Молодость

Парижъ, четвергъ 22 ноября 1787 г.

Hôtel de Cherbourg, rae du Four – Saint – Honoré.

Выйдя изъ Итальянской оперы, я прогуливался, крупно шагая, по аллеямъ Пале-Рояля. Душа моя была взволнована бурными чувствами, которыя такъ характерны для нея, и благодаря этому я не замечалъ холода.[1] Но воображеніе остыло, я почувствовалъ осеннюю стужу и направился къ галлереямъ. Я былъ на пороге одной изъ этихъ железныхъ дверей, когда мой взглядъ улалъ на особу женскаго пола. Поздній часъ, ея костюмъ, молодость не дозволили усумниться въ томъ, что это проститутка. Я посмотрелъ на нее. Она остановилась, но не въ обычной вызывающей позе, а съ видомъ, соответствующимъ ея наружности. Это соответствіе меня доразило. Ея застенчивость ободрила меня и я заговорилъ съ ней… Я заговорилъ съ ней, я, более, чемъ кто-либо чувствующій отвращеніе къ ея ремеслу, я, считающій себя загрязненнымъ однимъ только взглядомъ… Но ея бледность, ея хрупкое телосложеніе, ея пріятный голосъ ие позволили мне колебаться ни одной минуты. Или это, – сказалъ я себе, – та, которая мне нужна для моихъ наблюденій, или это какая-нибудь дубина…

– Вамъ будетъ очень холодно, – сказалъ я ей, – какъ это вы могли решиться выйти?

– О, сударь, надежда мне придаетъ бодрости. Надо закончить вечеръ.

Безразличіе, съ которымъ она произнесла эти слова, прямота этого ответа подкупили меня и я пошелъ съ ней.

– Вы, повидимому, слабаго здоровья, меня удивляетъ, какъ ваше ремесло не утомляетъ васъ.

– А! Dame![2] Надо-же что ннбудь делать.

– Это – конечно, но разве нетъ ремесла более подходящаго для вашего здоровья?

– Нетъ, сударь, а голодъ – не свой братъ.

Я былъ въ восторге. Она мне, по крайней мере, отвечала – успехъ, которымъ не все мои полытки увенчивались.

– Вы, должно быть, откуда-нибудь съ Севера, что не боитесь холода.

– Я изъ Бретани, изъ Нанта.

– Я знаю эти края… Вы должны, Madi. (Sic), доставить мне такое удовольствіе – разсказать, какъ вы потеряли вашу д…

– Одинъ офицеръ лишилъ меня ея.

– Это васъ огорчаетъ?

– О, да, я васъ уверяю. – (Голосъ ея сделался гибкимъ и выразительнымъ, чего я ранъше не замечалъ). – Я васъ уверяю; сестра моя живетъ теперь хорошо, почему бы я не могла жить такъ же?

– Какъ вы попали въ Парижъ?

– Офицеръ, который меня обезчестилъ, – я ненавижу его, – бросилъ меня. Мать очень разсердилась, пришлось бежать отъ нея. Тогда мне попался другой, повезъ меня въ Парвжъ, бросилъ, его заменилъ третій, съ которымъ я прожила три года. Хотя онъ французъ, но дела держатъ его въ Лондоне, и теперь онъ тамъ. Пойдемъ къ вамъ.

– Но что мы будемъ у меня делать?

– Пойдемъ, погреемся, а вы получите[3] удовольствіе.

Я былъ далекъ отъ того, чтобы стать святошей. Я нарочно завлекалъ ее, чтобы она, – когда я приступлю къ ней съ разспросами, которые я заранее уже обдумалъ, – не убежала бы отъ меня, якобы изъ целомудрія, отсутствіе котораго у нея я хотелъ ей доказать…

* * *

Въ тоть день, когда Бонапартъ пишетъ это, ему восемнадцатъ летъ и три месяца; онъ родился 15 августа 1769 года.

Мы имеемъ право думать, что это – первая женщина, съ которой онъ сошелся, и, пробегая исторію его детства, убедимся, несомяенно, что есть достаточно основаній думать такъ. Онъ самъ отметилъ наиболее интересныя даты этого періода своей жизни, и те изъ нихъ, которыя можно было проверить, оказались абсолютно точными.

Онъ выехалъ изъ Аяччіо во Францію 15 декабря 1778 г. девяти съ половиною летъ отъ роду. Женщины, память о которыхъ онъ увезъ съ острова, были: его кормилица Камилла Карбонъ, вдова Иляри, его старыя няньки и маленькая подруга по школе Джіакоминетта, о которой онъ часто будетъ вспоминать на острове Святой Елены. Онъ осыпалъ потомъ всякимк милостями

свого кормилицу, дочь этой кормилицы, г-жу Тавера, и ея внучку, г-жу Поли, которой онъ самъ далъ при крещеніи имя Фаустины. Если онъ ничего не сделалъ для своего молочнаго брата, Игнатія Иляри, то тояым) потому, что последній въ ранней молодости перешелъ къ англичанамъ и поступилъ въ англійскій военный флотъ.

Изъ двухъ нянекъ, которыя его выростили, одна, Саверія, находилась до своего последняго дня при г-же Бонапартъ, другая, Маммучіа Катерина, умерла задолго до Имперіи, какъ и Джіакоминетга, изъ-за которой Наполеонъ получилъ въ детсгве столыіо щелчковъ по носу. За время пребыванія въ гимназіи въ Отене, где онъ живетъ съ 1 января по 12 мая 1779 г., въ гимназіи въ Брієнне, где онъ учится съ мая 1779 г. по 14 октября 1784 г.; въ военной школе въ Париже, где онъ проводитъ годъ, съ 22 октября 1784 г. по 30 октября 1785 г., – ни единой женщины. Допуская, какъ угверждаетъ г-жа Абрантесъ, что Бонапартъ, несмотря на строгій регламентъ Военной Школы, провелъ, нодъ предло гомъ вывиха, восемь дней въ квартире г. Пермонъ, № 5 на площади Коити, – надо иметь въ виду, что ему было тогда шестнадцать летъ.

Нечто подобное приключенію 22 яоября 1787 г. могло бы, следовательно, произойти только между его выходомъ изъ Военной Школы и возвращеніемъ въ Парижъ; но если Бонапартъ уехалъ въ Валеясъ 30 октября 1785 г., то изъ Валенса на Корсику онъ уехалъ во время семестра, 16 сентября 1786 г., пробывъ тамъ меньше года; онъ вернулся съ Корсики только 12 сентября 1787 г. и тогда отправился въ Парижъ.

Не на Корсике онъ узналъ женщину. И темъ более не въ Валенсе, где онъ пробылъ въ первый разъ десять месяцевъ. Онъ держался тамъ крайне робко, былъ немного меланхоличенъ, усиленно занимался чтеніемъ и письменными работами, но вместе съ темъ старался быть хорошо принятымъ въ обществе. Его Преосвященство де-Тардивонъ, аббать въ Сенъ-Рюфъ, которому онъ былъ рекомендованъ Марбефами, и который, будучи генераломъ конгрегаціи, имел посохъ и митру, задавалъ тонъ въ Валенсе, – ввелъ его въ лучшіе дома города, къ г-же Грегуаръ дю Коломбье, къ г-же Лобери де Сенъ-Жерменъ и къ г-же де Лорансенъ.

Эти дамы, особенно две последнія, придерживаются наилучіпаго тона въ городе и, принадлежа къ мелкому дворянству или къ буржуазіи, живущей по-дворянски, – относятся съ предубежденіемъ къ нравамъ офіцеровъ, которыхъ принимаютъ у себя, и никогда не допустили бы своихъ дочерей до близости съ молодыми людыга, новеденіе которыхъ казалось бы имъ

подозрительнымъ.

Что касается Каролины дю Коломбье, которой ея мать предоставляла сравнительно больше свободы, то у Бонапарта, можетъ быть, и возникали смутныя мысли о бракѣ съ нею, хотя ему было тогда семнадцать летъ, а ей – гораздо больше. Но если она ему нравилась, и, въ свою очередь выказывала ему свое расположеніе, то его ухаживаніе за нею было вполне целомудренное, скромное, несколько ребяческое, совершенно въ духе Руссо – Руссо m-lle Галлей. Когда Бонапартъ собиралъ вишни съ m-lle дю Коломбье, не думалъ-ли онъ: «Почему мои губы – не вишни! Я бросалъ бы ей ихъ отъ всей души!» Она не замедлила выйти замужъ за г-на Гарампель де Брессьё, бывшаго офицера, который увезъ ее въ свой замокъ близъ Ліона. Приблизительно черезъ двадцать летъ, въ конце XII года, Наполеонъ, – не видавшій все это время ту, съ которой онъ собиралъ вишни, – получилъ, будучи въ булонскомъ лагере, письмо, въ которомъ она представляла ему своего брата. Онъ ответилъ немедленно же; обещая, что воспользуется первымъ же случаемъ быть полезнымъ г-ну дю Коломбье, онъ нисалъ г-же *Каролине* де Брессьё: «Память о вашей матери и о васъ всегда была мне близка, Я вижу изъ вашего письма, что вы живете близъ Ліона; я долженъ упрекнуть васъ за то. что вы не пріехали туда, когда я тамъ былъ, потому что мне всегда будетъ очень пріятно видеть васъ».

Предложеніе не пропало даромъ; когда Императоръ, отправляясь въ Миланъ на коронацію, проезжалъ 22 жерминаля XIII г. (12 апреля 1806 г.) черезъ Ліонъ, она представилась ему одной изъ первыхъ; она очень изменилась, очень постарела и сильно подурнела – Каролина былыхъ временъ. Темъ ве менее, она получила все, о чемъ просила: исключенія изъ списка эмигрантовъ, место для своего мужа, чинъ поручика для своего брата. Въ январе 1806 г., ні новый годъ, она напомнила о себе Императору, справившись у него о его здоровьи. Наполеонъ ответилъ самъ почти тотчасъ же. Въ 1808 г. онъ назначаетъ ее придворной Дамой въ свиту Императрицы Матери, поручаетъ г-ну де Брессьё быть председателемъ избирательнаго собранія въ Изере, делаетъ его въ 1810 г. барономъ Имперіи.

Такова его глубокая признателыюсть къ темъ, которые въ молодые годы относились къ нему хорошо; среди нихъ не было ни одного человека, не облагодетельствованнаго имъ, ни одного, о комъ онъ не вспомнилъ бы во время своего пребыванія въ плену. Женпршамъ онъ выказываетъ еще болыную, – если только это возможно, – признательность и даже тогда, когда у него есть мотивы быть недовольнымъ ими, достаточно имъ оказать ему любезность, чтобы онъ забылъ обо всемъ. Такъ, m-lle де Лобери де

Сенъ-Жерменъ, о браке съ которой онъ, возможно, мечталъ, предпочла ему двоюроднаго брата, г-на Башассонъ де Монталиве, родомъ, какъ и она, изъ Валенса и тоже связаннаго узами родства съ Бонапартомъ. Наполеонъ не чувствуетъ себя оскорбленнымъ. Известно, сколько онъ сделалъ для г. де Монталиве, который былъ, благодаря ему, последовательно префектомъ Ла-Манша и Сены-и-Уазы, главнымъ директоромъ ведомства путей сообщенія, министромъ внутреннихъ делъ. графомъ Имперіи, и получилъ отъ него въ даръ 80.000 франковъ. Что касается г-жи де Монталиве, – о которой онъ самъ говорилъ, что «некогда высоко ценилъ ея добродетели и восхищался ея красотою», – то онъ назначилъ ее въ 1806 г. придворной дамой Императрицы. Но она поставила ему условія: «Вашему Величеству, – сказала она ему, – известны мои взгляды на назначеніе женщины. Милость, которую вы были столь добры оказать мне и которой позавидовалъ бы всякій. станетъ несчастьемъ для меня, если я буду вынуждена отказаться ухаживать за моимъ мужемъ, когда съ нимъ бываютъ припадки подагры, и кормить моихъ детей, когда Провиденіе пошлетъ ихъ мне». Императоръ наморщилъ-было брови. но тотчасъ же, поклонившись, ответилъ милостиво: «А, вы мне ставите условія, г-жа Монталиве, я не привыкъ къ этому. Все равно, я подчиняюсь. Будьте же придворной дамой. Все будетъ устроено такъ, чтобы вы могли быть супругой и матерью, какъ вы хотите». Г-жа де Монталиве, можно сказать, никогда никакой службы и не несла, но это нисколько не мешало Наполеону относиться къ ней съ особымъ вниманіемъ. Онъ любилъ эту семью: «Она отличается строгоя честностью, это люди, способные искренно любить; я твердо верю въ ихъ привязанность».

Таковы воспоминанія, которыя Наполеонъ увезъ ивъ Валенса и которыя запечатлелись въ его сердце. Эти молодыя девушки могли гордиться такими воспоминаніями о нихъ. Никакихъ другихъ знакомствъ, о которыхъ было бы известно; ни о какихъ другихъ встречахъ не упоминаетъ онъ въ своихъ сокровенныхъ запискахъ, въ которыхъ онъ является намъ, подобно Ипполиту. гораздо более влюбленнымъ въ славу, чемъ въ женщинъ. Объ этомъ свидетельствуетъ следующее место этихъ записокъ: «Если бы мне пришлось сравнивать века Спарты и Рима съ нашими теперешними временами, я сказалъ бы: здесь царствовала любовь, тамъ – любовь къ родине. Противоположное действіе этихъ страстей, несомненно, позволяетъ намъ считать ихъ несовместимыми. Верно, во всякомъ случае, то, что народъ, всецело отдавшійся волокитству, утратилъ степень мужества, необходимую для того, чтобы было мыслимо самое существованіе патріотовъ. Таково состояніе, до котораго мы дошли теперь».

Почти съ увѣренностью можно думать, что дѣвица, встрѣченная имъ въ Пале-Рояле, – первая, съ которой онъ сошелся. Какъ ни вульгарно это приключеніе, оно бросаетъ яркій свѣтъ на его характеръ. Здѣсь проявляются его женоненавистничество, его критическій умъ, неожиданные обороты мысли, тотъ методъ допроса, къ которому онъ всегда будетъ прибѣгать, а также и его память, позволившая ему воспроизвести съ поразительной точностью сказанныя этой женщиной фразы, слова, даже воскліцанія, эти dame! въ которыхъ чувствуется Бретань.

Встрѣчалъ ли онъ ее потомъ? – Сомнительно.

Въ его бумагахъ, относящихся къ этому періоду его пребыванія въ Парижѣ, мы находимъ разсказъ о томъ, какъ онъ разсуждалъ о патріотизмѣ съ какой то дѣвицей, но, сказать по правдѣ, это – кушанье не изъ привычныхъ для посѣтительницъ Галлерей. Пробывъ въ Парижѣ отъ октября до декабря 1787 г., Бонапартъ снова уѣзжаетъ на Корсику, куда пріѣзжаетъ 1 января 1788 г. Онъ проводитъ тамъ полгода и возвращается въ свой полкъ въ Оксоннъ 1 іюня. 8а это время – никакихъ слѣдовъ любовныхъ похожденій. Напротивъ, утверждаютъ, что въ Серръ, куда онъ былъ посланъ съ отрядомъ въ началѣ 1789 г., онъ былъ въ связи съ нѣкоей дамой Л-зъ, урожденной Н-съ, (женой сборщика соляного налога[4]); съ одной фермершей, къ которой онъ ходилъ пить молоко, и, наконецъ, съ барышней изъ той семьи, въ которой онъ жилъ». Это довольно много для такого короткаго срока, какъ двадцать пять дней, въ теченіе которыхъ онъ, какъ показываютъ его тетрадки, работалъ съ великимъ усердіемъ. Темъ не менѣе, черезъ четырнадцать лѣтъ, 16 жерминаля XIII года (6 апреля 1805 г.), когда Наполеонъ проѣзжалъ черезъ Серръ по дорогѣ въ Миланг, г-нъ де Теаръ, его камергеръ, представилъ ему, какъ утверждаютъ, *дѣвиц,* и онъ пожаловалъ ей стипендію въ одной изъ правительственныхъ школъ для ея сына, которому было приблизительно двенадцать лѣтъ. Возрасть, приписываемый этому ребенку, не даетъ повода думать, что Наполеонъ могъ считать себя его отцомъ. Предполагай онъ что-нибудь подобное, онъ сдѣлалъ бы больше, не дожидаясь даже, чтобы его попросили.

На Корсикѣ, гдѣ онъ проводитъ цѣлый годъ (1790), въ Оксонѣ, потомъ въ Валенсѣ и снова на Корсикѣ, въ Парижѣ приблизительно въ 1792 г. – ничего; ничего и въ теченіе первой кампаніи на югѣ противъ федералистовъ, ничего въ Тулонѣ.

Приходится, слѣдовательно, рѣшительно перескочить черезъ четыре года. Лейтенантъ сталъ бригаднымъ генераломъ. Бонапартъ командуетъ артиллеріей Итальянской Арміи. Къ этой

арміи Конвентъ прикомандировалъ одного изъ своихъ вліятельныхъ членовъ, гражданина Луи Тюрро – онъ же Тюрро де Линьеръ; послѣдній, вмѣстѣ съ молодой женой, на когорой только что женился, Филицатой Готье, дочерью одного версальскаго врача, пріѣхалъ въ Каиро, въ Пьемонте, где находился Бонапартъ, въ самомъ концѣ II года, вѣроятно на 5-ой санкюлоттаде 21 сентября 1794 года. Бонапартъ очень нравится народному представителю, еще больше нравится его женѣ. Она вполнѣ заслуживаетъ вниманія. «Пріятное лицо и голосъ, бѣлокурые волосы, умница, патріотка, философка». – всего этого больше, чемъ достаточно, чтобы понравиться. Это не связь, потому что г-жа Тюрро большая ветренница, но это больше чемъ случайное приключеніе; воспоминаніе, которое мужъ и жена сохранили о молодомъ, талантливомъ офицере, таково, что тринаддатаго вандеміера, когда Конвентъ находится въ опасности, Тюрро, – не менѣе настойчиво, чемъ Баррасъ, – предлагаетъ довѣрить Бонапарту командованіе войсками и ручается за него вмѣстѣ съ корсиканскѣми депутатами.

Бонапартъ помнитъ объ этой услугѣ. Какъ главнокомандующій Итальянской Арміи, онъ увозитъ съ собою Тюрро, – который не былъ переизбранъ, – въ качествѣ амбарнаго пристава. Но Тюрро и на этотъ разъ везетъ съ собою жену, которая, за недостаткомъ генералбвъ, довольствуется темъ, что попадается подъ руку. Отсюда – постоянныя сцены и Тюрро, какъ говорятъ, умираетъ, измученный горемъ.[5] Жена его возвращается въ Версаль; при Имперіи она жила очень бѣдно, перепробовала все пути, чтобы привлечъ къ себѣ вниманіе, но такъ и не нашла себѣ покровителя. Какъ-то на охотѣ Наполеонъ произнесъ ея имя въ присутствіи Бертье; послѣдній зналъ ее съ детскихъ летъ, будучи, какъ она-же, родомъ изъ Версаля, но до этого момента отказывалъ ей въ содействіи; теперь же онъ поспешилъ представить ее. «Императоръ сделалъ для нея все, что она просила; онъ осуществилъ все ея мечты и даже больше того». Ея мечта – это пенсія въ 6000 франковъ, которая и была ей пожалована 14 сентября 1810 г.[6]

Такимъ образомъ, любовь у Наполеона въ юности сводится или къ флирту, не имегощему никакихъ послѣдствій, или къ банальнымъ приключеніямъ.[7]

За исключеніемъ г-жи Тюрро, которая бросается ему на шею и можетъ дать поводъ думать, что Наполеонъ имеетъ успехъ у женщинъ, другія женщины совершенно не обращаюгь вниманія на этого офицера – малорослаго, очень худого, очень беднаго, плохо одетаго, не занимающагося своей наружностью. Онъ и самъ не думаетъ объ этомъ, будучи занятъ исключительно своими

успехами по службе. Есть у него и другая очень важная причина быть целомудреннымъ – его бедность, поэтому онъ, какъ и вообще бедняки, чтобы обладать женщиной, мечтаетъ о женитьбе.

II. Проекты женитьбы

Въ Марселе, у своей невестки, жены Жозефа, Бонапартъ забавлялся игрой въ женитьбу съ ея сестрой, хорошенькой, молоденькой девушкой шестнадцати летъ, по имени Дезире-Евгенія-Клара. Девочка приняла игру въ серьезъ; все детское быстро исчезло въ ней, любовь поразила ее вдругъ, какъ ударъ молніи. «О, мой другъ, – пишетъ она Наполеону: – заботься о себе для твоей Евгеніи, которая не могла бы жить безъ тебя. Исполняй такъ же хорошо клятву, данную тобою мне, какъ я исполняю клятву, данную мною тебе».

Эти необычайно нежныя письма, полныя неподдельнаго чувства (подписанныя именемъ Евгенія, потому что, следуя моде того времени, молодая девушка, которую называли въ семье Дезире, хотела какъ бы принять второе крещеніе для своего возлюбленнаго, носить для него одно имя, котораго не произносили бы другія уста), были найдены въ черновикахъ черезъ шестьдесятъ пять летъ въ бумагахъ той, которая ихъ писала и хранила, какъ реликвіи. Они вполне отражаютъ эпоху, наступившую после техъ дней, когда смерть приковывала къ себе все взоры и все мысли; изъ потребности жить и любить въ эту эпоху женщины отдавались любви, какъ единственной религіи, державшейся еще на развалинахъ цивилизованнаго общества.

Знакомство произошло въ январе и феврале 1795 г. Предложеніе, если таковое формально было сделано, имело место 21 апреля – въ тотъ день, когда Бонапартъ проезжалъ черезъ Марсель, направляясь въ Парижъ. Жозефъ и его жена, Жюли Кляри, принимали въ этомъ участіе: они также предполагали устроить этотъ бракъ и оппозиціи со стороны семьи Кляри бояться не приходилось. Отецъ, какъ утверждаютъ, сказавшій, что «съ него достаточно одного Бонапарта», умеръ 20 января 1794 г. (1 плювіоза II г.) – Дезире, – которой было тогда не тринадцать летъ, какъ она впоследствіи говорила, писала и печатно официально заявляла, а шестнадцать-семнадцать, такъ какъ она родилась 9 ноября 1777 года, – зависела, следовательно, только отъ матери и брата; можно даже думать, что съ такой головой на плечахъ, какая была у нея, она зависела только отъ самой себя.

Возрастъ ея не могъ служить препятствіемъ: девушки редко тогда выходили замужъ старше восемнадцати летъ, а докладчикъ перваго Гражданскаго Уложенія устанавливалъ для женщины брачный возрастъ въ 13 летъ. Что касается выгодности брака, то разъ Жюли удовольствовалась старшимъ, у котораго не было

никакого положенія, Дезире вполне могла выйти за младшаго, который былъ, по крайней мере, бригаднымъ генераломъ.

Бонапартъ, пріехавшій въ Парижъ въ мае, живетъ тамъ въ большой немилости, очень сильно нуждается и цепляется всеми силами за этотъ бракъ. Если последній не состоится, ему остается только отправиться служить въ Турцію или заняться, какъ делаютъ другіе, спекуляціей съ національными имуществами. Даже когда его положеніе несколько улучшается, когда Комитетъ Общественнаго Спасенія привлекаетъ его къ составленію плановъ военныхъ действій, онъ чувствуетъ, насколько это место, доставшееся ему случайно, непрочно и недолговременно. Одна только Дезире можетъ помочь ему, и онъ торопитъ брата получить отъ нея ответъ. Въ каждомъ письме къ Жозефу онъ посылаетъ ей поклокны. Она, со своей стороны, также пишетъ ему, проситъ прислать ей его портретъ; онъ заказываетъ таковой, посылаетъ ей. Когда она отправилась съ сестрой и шуриномъ въ Геную и не подаетъ о себе долго вестей, онъ пишетъ: «Чтобы попасть въ Геную, надо переплыть реку Лету». Она молчитъ и онъ постоянно упрекаетъ ее за то, что она не пишетъ. Потомъ вдругъ онъ выражаетъ желаніе иметь окончательный ответъ; пусть Жозефъ поговоритъ съ братомъ Евгеніи: «Сообщи мне результаты – тогда все будетъ ясно».

На другой же день, не дождавпшсь даже полученія Жозефомъ его письма, онъ пишетъ: «Надо или кончать съ этимъ деломъ, или все порвать. Я жду съ нетерпеніемъ ответа». Потомъ проходитъ месяцъ и кроме поклоновъ – ничего. Дело въ томъ, что между нимъ и этой молоденькой марсельской барышней, – можетъ быть и не хорошенькой, но милой, съ ея словно углемъ нарисованными бровями, нежными глазами, вздернутымъ носомъ, ртомъ съ приподнятыми углами губъ, целомудренной, сдержанной и вместе съ темъ очень нежной, – Парижъ, огромный, неведомый Парижъ, куда Бонапартъ явился въ стоптанныхъ сапогахъ, въ поношенной форме, со свитой изъ двухъ голодныхъ адъютантовъ, – поставилъ своихъ женщинъ, созданныхъ изъ граціи, изящества и лжи, женщинъ, на накрашенныхъ лицахъ которыхъ глаза горятъ такимъ волшебнымъ блескомъ, туалеты которыхъ обрисовываютъ округлыя формы, подчеркивая все, что можетъ возбудить желаніе, скрывая, или вернее, прикрашивая все, что должно быть скрыто; женщинъ, созданныхъ для веселья и наслажденій, которымъ светская жизнь придала утонченность, которыя, подобно плодамъ, выросшимъ въ оранжерее, достигшимъ полной и пышной зрелости, разукрашеннымъ торговцемъ, покрытымъ обманчивымъ румянцемъ и подозрительнымъ пушкомъ, никогда не знавшимъ солнечнаго

луча, кажутся гораздо более аппетитными, чемъ первые, несколько зеленые плоды молодыхъ дикихъ деревцевъ, опаленные солнцемъ, потрескавшіеся подъ ветромъ, грубоватые и немного терпкіе, оставляющіе во рту вкусъ свежести и силы лесныхъ первинокъ.

«Только здесь, – пишетъ Бонапартъ, – и больше нигде на свете женщины заслуживаютъ держать въ своихъ рукахъ кормило… Женщине надо шесть месяцевъ Парижа, чтобы познать, чемъ ей обязаны и какова ея власть». И черезъ несколько дней: «Женщины здесь прекраснее, чемъ где-либо, и играютъ огромную роль».

Несомненно, здесь оне прекраснее, чемъ где-либо ва свете – и на много лрекраснее – женщины тридцати, тридцати пяти, даже сорока летъ, опытныя въ искусстве влюблять въ себя гораздо больше, чемъ въ искусстве любить; и онъ, яе имея ничего, кроме своей руки, предлагаетъ последнюю г-же Пермонъ, предлагаетъ, какъ разсказываютъ, г-же де ла Бушарди, ставшей впоследствіи г-жей де Леспарда, пока не наступаетъ вандеміеръ, когда онъ даетъ увлечь себя г-же де Богарне.

Молчаніе тогда для Дезире, молчаніе полное и абсолютное, а съ ея стороны – скорбная жалоба, тихая, нежная, она звучитъ въ ушахъ, какъ разбитая арфа:

«Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, а я еще имею слабость все прощать вамъ. Вы, значитъ, женаты! И отныне бедной Евгеніи не будетъ позволено любить васъ, думать о васъ… Единственное, что остается мне въ утешеніе, это знать, что вы уверены въ моемъ постоянстве; помимо этого я не желаю ничего, кроме смерти.

«Жизнь – чудовищная мука для меня съ техъ поръ, какъ я лишена возможности посвятить ее вамъ… Вы – женаты! Я не могу свыкнуться съ этой мыслью, она убиваетъ меня, я не могу ее пережить. Я покажу вамъ, что я более верна клятвамъ и, несмотря на то, что вы порвали соединявшія насъ узы, я никогда не дамъ слово другому, никогда не вступлю въ бракъ… Я желаю вамъ всякаго благополучія, всякаго счастья въ вашей женитьбе; я желаю, чтобы женщина, которую вы избрали, сделала васъ такимъ же счастливымъ, какимъ предполагала сделать я и какимъ вы заслуживаете быть; но, будучи счастливы, не забывайте Евгенію и пожалейте о ея судьбе».

Бонапартъ, не умевшій забывать, испытывалъ угрызенія совести каждый разъ, когда вспоминалъ объ этой любви, которую онъ внушалъ, несомненно, въ гораздо большей степени, чемъ чувствовалъ самъ, въ которой отъ ребяческой забавы перешелъ незаметно для себя къ серьезнымъ намереніямъ и, наконецъ, невольно разбилъ сердце молодой девушки. Повидимому, всю

жизнь онъ думалъ о томъ, какъ искупить вину, какъ добиться прощенія. Уже въ 1797 г. въ Милане онъ пытается выдать получше замужъ Дезире, которая въ этогъ моментъ, въ ноябре, находится въ Риме съ сестрой и шуриномъ Жозефомъ, посланникомъ при Піе VI. Онъ даетъ очень теплое рекомендательное письмо генералу Дюфо, «прекрасному человеку, отличному офицеру. Бракъ съ нимъ былъ-бы весьма выгоденъ». Дюфо является, производитъ недурное впечатленіе, дело идетъ къ помолвке, но происходитъ ужасная сцена 28 декабря – и платье Дезире залито кровью ея жениха.

Отвергнувъ целый рядъ предложеній, Дезире, наконецъ, соглашается, въ то время, когда Бонапартъ находится въ Египте, выйти замужъ за Бернадотта; это – прекрасная партія, несомненно; но генералъ – невыносимейшій среди мелочныхъ и педантичныхъ якобинцевъ. Беарнезецъ, въ которомъ не осталось отъ Гасконца ни живости, ни очаровательной находчивости, у котораго за, разсчитанной утонченностью всегда таится какая-нибудь двойная игра, который считаетъ г-жу де-Сталь первой среди женщинъ, потому что она – самая педантичная среди нихъ, и въ медовый месяцъ свой онъ заставляетъ молодую жену писать подъ его диктовку. Изъ Каира, где онъ узнаетъ объ этомъ браке, который не можетъ ему нравиться, потому что Бернадоттъ былъ и остался его врагомъ, Бонапартъ шлетъ Дезире пожеланія счастья: «Она его заслуживаетъ». Когда онъ возвращается изъ Египта, то одна изъ первыхъ просьбъ, съ которой къ нему обращаются, исходитъ отъ Дезире. Она желаетъ. чтобы онъ былъ крестнымъ отцомъ сына, котораго она родила. Сынъ! Сына ему будетъ недоставать во всей его жизни, его недостаетъ ему и теперь. И Дезире, – словно мстя этимъ ненавистной ей Жозефине, которую она называетъ *старухой,* – кичится передъ нимъ своимъ сыномъ, а онъ, какъ если бы это его нисколько не задевало, охотно принимаетъ кумовство и, весь подъ властью Оссіановскихъ песенъ, даетъ ребенку имя Оскара. Это не много, конечно. Но онъ сделаетъ больше.

«Если Бернадоттъ былъ французскимъ маршаломъ, княземъ Понтекорво и королемъ, то причина этому – его бракъ, – сказалъ Наполеонъ. – Все его ошибки за время Имперіи были прощены ему благодаря этому браку».

И какія ошибки! Съ первыхъ же дней после 18 брюмера Бернадоттъ открыто высказываетъ свою враждебность Наполеону. Темъ не менее, онъ на другой день назначается членомъ Государственнаго Совета, потомъ – главнокомандующимъ Восточной арміи. Тамъ онъ не только проявляетъ оппозиціонность, но открыто составляетъ заговоръ противъ

Перваго Консула, пытается поднять противъ него армію. Теперь известны все обстоятельства этого дела. Каково же наказаніе? Никакого. Единственно съ целью удалить Бернадотта, Бонапартъ хочетъ назначить его посломъ въ Соединенные Штаты. Бернадоттъ не отказывается ехать, но разыгрываетъ комедію, которая удается, какъ нельзя лучше, и устраиваетъ такъ, что предназначенные для него фрегаты всегда оказываются неготовыми къ отправке.

Черезъ годъ – дело Моро, и если Бернадоттъ опять отделывается ничемъ, то потому, что такъ желаетъ Бонапартъ, потому что онъ все время помнить Евгенію, считаетъ своимъ долгомъ покровительствоватъ ей. Онъ делаетъ болыие того. Онъ откупаетъ у Моро все его именія, его земли въ Гробеза, его отель на улице д'Анжу. За этотъ отель онъ уплатилъ 400.000 франковъ и даритъ его Бернадотту.

Наступаетъ Имперія: для Евгеніи онъ делаетъ Бернадотта маршаломъ Имперіи. grand aigl и главой восьмой когорты Почетнаго Легіона, председателемъ избирательной коллегіи департамента Воклюзъ, кавалеромъ Чернаго Орла; для нея онъ делаетъ его собственникомъ ежегоднаго дохода въ 300.000 франковъ, жалуетъ 200.000 франковъ наличными и самостоятельное княжество Понтекорво; для нея прощаетъ после Ауэрштедта, лрощаетъ после Ваграма, прощаетъ после Вальхерена; прощаетъ две военныя ошибки, которыя были, несомненно, не только ошибками, – прощаетъ разоблаченный заговоръ, въ которомъ Бернадоттъ, Фуше, Талейранъ вместе съ роялистами пускаютъ въ ходъ те же пружины, которыя позволятъ въ 1814 г. вернуться Людовику Желанному.

И черезъ его голову для нея – вся его заботливость, все его милости, которыя казались бы непонятными, если бы не эта, постоянно владевшая имъ, мысль: получить прощеніе. Когда черезъ два дня после битвы при Шпандене, въ которой Бернадоттъ былъ раненъ, Наполеонъ пишетъ ему, то делаетъ это для того, чтобы сказать, что «онъ съ удовольствіемъ узналъ, что г-жа Бернадоттъ находится при такихъ обстоятельствахъ около него»; чтобы прибавить: «Передайте, прошу васъ, г-же маршальше искреннейшій приветъ и маленькій упрекъ. Она могла бы написзать мне несколько словъ о томъ, что новаго въ Париже; но я откладываю объясненіе съ нею по этому поводу до перваго свиданія».

Его вниманію къ ней нетъ конца: после Эрфурта онъ даритъ ей одну изъ трехъ великолепныхъ шубъ, преподнесенныхъ ему русскимъ Императоромъ. При всякомъ случае, – хотя она почти и не появляется при дворе, потому что ненавидитъ Жозефину и

всехъ Богарне и не скрываетъ это, – онъ делаетъ ей драгоценные подарки: севрскія вазы, гобелены. И разве не о ней, наконецъ, думаетъ онъ, когда – после Вальхерена! – предполагаетъ отправить Бернадотта въ Римъ въ качестве генералъ-губернатора, – т.-е. въ качестве одного изъ высшихъ сановниковъ Имперіи, – чтобы держать въ Квиринале Императорскій дворъ съ цивильнымъ листомъ въ три милліона, и темъ самымъ ровняетъ его съ Боргезе, который находится въ Турине, съ Элиза, который находится во Флоренціи, иочти съ Евгеніемъ, который находится въ Милане.

Когда Бернадоттъ, – после того какъ Евгеній отказался совершшъ вероотступничество, – избирается, благодаря, по. меньшей мере, дружественному нейтралитету Бонапарта, наследственнымъ владетельнымъ княземъ Швеціи, – политика Императора въ этотъ моментъ кажется некоторымъ непонятной и темной. Они не считаются съ темъ, что происходитъ въ его сердце. «Его манитъ честь видеть женщину, которой онъ интересуется, королевой, а своего крестника – королевскимъ принцемъ. Онъ самъ тщательнейшимъ образомъ разрабатываетъ все подробности представленія Дезире, когда она является проститься уже какъ шведская принцесса, и – милость, не имеющая прецендентовъ, – приглашаетъ ее на семейный обедъ; онъ жалуетъ Бернадотту милліонъ франковъ, откупаетъ у него все именія, которыми самъ-же, сверхъ меры, наделилъ его; ведетъ съ нимъ переговоры отаосительно возвращенія Понтекорво; жалуетъ титулъ и даритъ деньги брату Бернадотта.

Онъ имеетъ, несомненно, право писать Евгеній: «Вы давно уже могли убедиться въ моемъ расположеніи къ вашей семье».

Черезъ четыре месяца Бернадоттъ вступаетъ въ соглашеніе съ Россіей противъ Наполеона., меньше чемъ черезъ годъ появляются все признаки близкаго разрыва между Франціей и Швеціей. Дезире лшпь съ большимъ трудомъ согласилась ехать ненадолго въ Стокгольмъ: «Я думала, – говорила она, – что Швеція – нечто въ роде Понтекорво – страна, названіе которой войдетъ въ нашъ титулъ». Теперь она спешитъ вернуться въ свой отель въ улице д'Анжу.

Тогда Наполеонъ съ безконечными предосторожностями предлагаетъ своему министру иностранныхъ делъ сообщить какъ можно осторожнее шведскому послу, что онъ находитъ прискорбнымъ, что принцесса пріехала во Францію, не получивъ на то разрешенія, что это не соответствуетъ обычаю, что онъ выражаетъ сожаленіе по поводу того, что она оставляетъ мужа въ такой важный моментъ. Но Дезире не обращаетъ на все этоникакого вниманія и устраивается все-таки въ Париже на

жительство. Въ ноябре, когда готова вспыхнуть война, Императоръ пишетъ снова; онъ посылаетъ Камбасереса сказать испанской королеве (Жюли Кляри), что онъ желаетъ, чтобы принцесса покинула Парижъ и вернулась въ Швецію, что ей неудобно находиться здесь въ такое время.

И все-таки Дезире остается. Она продолжаетъ заказывать платья у Леруа, принимать своихъ друзей, держать открытымъ салонъ. Она отправляется на воды съ сестрой, возвращается въ Отэйль, пріезжаетъ въ Парижъ, какъ если бы ничего не произошло. Она находитъ даже въ высшей степени страннымъ, что французы, которыхъ она принимаетъ, позволяютъ себе порицать бывшаго маршала Имперіи, ставшаго генералиссимусомъ соединенныхъ армій Северной Германіи. Правда, если верить хорошо осведомленнымъ людямъ, она, передавая Бернадотту заклинанія Наполеона, не разъ служитъ, въ то же время, посредницей между мужемъ, Фуше и Талейраномъ.

Если бы было доказано, что Дезире пользовалась расположеніемъ Императора, чтобы сознательно служить посредницей въ интриге заговорщиковъ, давно уже находившихся между собою въ сношеніяхъ, то что пришлось бы думать о ней? Предпочтительнее будетъ думать, что она осталась въ Париже только изъ страстной привязанности къ Парижу, чтобы не разставаться съ сестрою, съ племянницами, со светомъ, сь своими привычками.

Она была тамъ въ 1814 г., получила, подобно другимъ, свою долю визитовъ Императора Александра; она была тамъ въ 1815 г., въ теченіе Ста Дней, и 17 іюня, наканyне Ватерлоо, заказала у Леруа амазонку и пеньюаръ съ валансьенскими кружевами.

На этотъ разъ забыла Евгенія…[8]

III. Жозефина де Богарне

Въ конце вандеміера IV г., (октябрь 1795 г.; случай свелъ виконтессу де Богарне съ Бонапартомъ. Последній внезално выдвинулся изъ мрака неизвесгаости; имя его, неизвестное еще вчера, – имя, которое Барасъ даже плохо знаетъ, которое онъ пишетъ *Буона-Парте,* – разнесла по всей Франціи пушка, раздавившая секціи, враждебныя Конвенту.

Штабъ-генералъ Внутренней Арміи, въ близкомъ будущемъ – главнокомандующій, онъ отдаетъ приказъ о разоруженіи парижанъ; на штабъ-квартиру является мальчикъ и проситъ разрешенія оставить ему шлагу отца.

Бонапартъ принимаетъ ребенка, заинтересовывается имъ, исполняетъ его просьбу. Чтобы поблагодарить его, является съ визитомъ мать нальчика – дама, очень важная дама, бывшая виконтесса, вдова председателя Конституанты, придворнаго, главнокомандующаго Рейнской Арміи. Для Бонапарта очень много значитъ титулъ, знатность, воспитаніе, непринужденный и благородный тонъ, которымъ она его благодаритъ. Пріехавши только что изъ революціонной арміи двадцати шестилетній провинціалъ, которому ни одна женщина, – действительно женщина, – не выказывала вниманія, въ первый разъ оказывается лицомъ къ лицу съ однимъ изъ обольстительныхъ, изящныхъ и чудныхъ существъ, которыхь онъ виделъ лишь издалека или изъ партера; и при этомъ онъ находится въ такомъ положеніи, которое возбуждаетъ въ немъ гордость, – въ положеніи покровителя и эта роль, въ которой онъ выступаетъ въ первый разъ, чрезвычайно по-душе ему.

Она въ это время находится въ самомъ критическомъ положеніи и видитъ, съ кемъ имеетъ дело. Креолка съ Мартиники, выданная замужъ шестнадцати летъ за виконта Богарне заботами очень опытной въ этихъ делахъ тетки, живущей открыто съ маркизомъ де Богарне, отцомъ виконта, – Жозефина Таше де ля Пажери пріехала въ Парижъ въ 1779 г. и съ самаго же начала жизнь ея сложилась очень бурно; мужъ ее обманулъ, покинулъ, разошелся съ ней, хотя она ни въ чемъ не была виновата передъ нимъ; никакихъ светскихъ развлеченій, – потому что, живя у тетки, положеніе которой было двусмысленно, она не имела доступа ни ко двору, где не была даже представлена, ни въ общество. Оставшись безъ мужа, она пріобрела больше свободы – и, говорятъ, широко пользовалась ею. Потомъ путешествіе, продолжительное пребываніе на Мартинике; затемъ, съ наступленіемъ Революція, – примиреніе съ виконтомъ,

депутатомъ Генеральныхъ Штатовъ, председателемъ Конституанты, генераломъ-главнокомандующщмъ Рейнской арміи; и тогда – неболыной промежутокъ времени, когда она счастлива, имеетъ салонъ, – единственный въ ея жизни промежутокъ, когда она видитъ светъ въ истинномъ смысле этого слова. Потомъ – терроръ: Богарне арестованъ, гильотинированъ, она тоже заключена въ тюрьму и спасается только чудомъ.

Что делаетъ она, выйдя после 9 термидора изъ кармелитской тюрьмы, имея уже более тридцати летъ отъ роду, съ двумя детьми на рукахъ, разоренная до тла? Пользуясь связями съ некоторыми женщинами, – связями, завязанными главнымъ образомъ въ тюрьме. потому что другихъ у нея нетъ, – она бросается въ светъ. Деньги, получаемыя съ острововъ, займы, заключаемые направо и налево, долги, делаемые везде и всюду, позволяютъ ей вести жизнь на довольно широкую ногу. Она оставляетъ свою квартиру на Университетской улице, снимаетъ у Луизы-Жюли Карро, жены Тальма, за 4000 ливровъ въ годъ серебромъ или 10.000 ассигнаціями, маленькій отель въ улице Шантерейнъ, № 6, и селится въ немъ 10 вандеміера III года (октябрь 1794 г.).

Но прошелъ годъ, долги ростутъ и – ни откуда ничего! Съ поразительной беззаботностью креолки, она не умеетъ или не желаетъ считать, надеется на то, что ее спасетъ какое-нибудь чудо, – чудо, подобное тому, которое встретила ея тетка Реноденъ, въ лице маркиза де Богарне. Посещая места, где веселятся, вращаясь среди публики. которая тогда считалась светомъ, – среди публики увеселительныхъ садовъ, где за двадцать су можно попасть въ хорошее общество, – она выкапываетъ знакомства, позволяющія ей вернуть несколько клочковъ земли, которые принадлежали ея мужу; постепенно она и ихъ продаетъ. У нея ничего нетъ, – ни капитала, ни постояннаго дохода; при выходе замужъ она получила отъ своихъ родителей номинальное приданое въ сто тысячъ франковъ, съ которыхъ ей должны были платить пять процентовъ; но отецъ ея умеръ, мать бедна и, къ тому же, Острова блокированы англичанами. Она получила еще отъ своей тетки, г-жи Реноденъ, голую недвижимую собственность, – но съ техъ поръ эта собственность была продана, – и долговыя обязательства, но они погибли. Впро чемъ, нельзя жить съ голой собственности. Г-жа Реноденъ немного, правда, помогаетъ ей; имеются еще займы, имеются снисходительные банкиры, принимающіе векселя на Мартинику, советующіе даже отправиться въ Гамбургъ, где легче можно пристроить ихъ. Но кредитъ истощается и годы уходятъ. Какую карту остается ей поставить?

Въ этотъ моментъ, чтобы отдать визитъ *виконтессе де Богарне,*

генералъ Бонапартъ звонитъ у воротъ отеля въ улице Шантерейнъ. Онъ совершенно не знаетъ, что отель принадлежитъ гражданке Тальма, которая, еще въ те времена, когда она была mademoiselle Жюли, получила его отъ щедраго содержателя въ награду за свое распутство. Онъ и не замечаетъ, что отель, – съ его тысячью двумя стами метровъ земли (601 сажень), расположенный въ затерянномъ квартале, на самомъ краю Парижа, въ двухъ шагахъ отъ улицы Сенъ-Лазаръ, во всю длину которой тянутся еще сады, – стоитъ едва какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ франковъ – цена, которую уплатили за него въ 1781 г., цена, которую за него заплатятъ въ 1796 г.

Войдя въ дверь, открытую привратаикомъ, – такъ какъ имеется привратникъ, – генералъ идетъ по какому-то длинному узкому проходу, съ одной стороны котораго – конюшня, и въ ней две семилетнія лошади черной масти и рыжая корова, съ другой – каретникъ, въ которомъ имеется одна-единственная плохонькая карета.

Проходъ, расширяясь, приводитъ въ садъ. Въ центре – жилое помещеніе, состоящее изъ нижняго этажа съ четырмя высокими окнами и низкаго второго этажа (кухня – въ подвале)! Бонапартъ поднимается по лестнице въ четыре ступеньки на крыльцо, окруженное, на подобіе террасы, простой баллюстрадой, и проникаетъ въ переднюю съ довольно скудной меблировкой, состоящей изъ фонтана изъ красной меди, нижней части дубоваго шкафа и шкафа изъ сосноваго дерева. *Камердинеръ,* Гонтье, вводитъ его въ маленькій салонъ – столовую, где онъ можетъ сесть около круглаго стола изъ краснаго дерева на одномъ изъ четырехъ стульевъ, обитыхъ чернымъ волосомъ, если ему не угодно разсматривать на стенахъ эстампы, вделанные въ черныя и позолоченныя деревянныя рамы. Во всемъ этомъ мало роскоши; но разставленные здесь и тамъ столы и столики изъ краснаго дерева или изъ желтаго гваделупскаго лавра съ мраморными крышками и съ украшеніями изъ золоченной меди, говорятъ о былой пышности; въ двухъ большихъ съ стеклянными дверцами шкафахъ. вделанныхъ въ стену, – чайный приборъ, вазы, множество столовыхъ принадлежностей изъ накладного серебра изображаютъ серебряную посуду. Изъ посуды-же действительно серебряной въ доме имеются лишь четырнадцать ложечекъ и пятнадцать вилокъ, супная ложка, шесть ложечекъ для рагу, одиннадцать кофейныхъ ложечекъ. Но онъ ничего этого не знаетъ.

* * *

Жозефина, принаряженная камеристкой, гражданкой Луизой Колтуанъ, выходитъ изъ апартаментовъ, торопится въ столовую принять посетителя, котораго приводитъ сама судьба. Она не можетъ принять его въ другомъ месте, потому что въ нижнемъ этаже имеется сверхъ этой комнаты только маленькій салонъ въ виде полу-ротонды, изъ котораго она сделала туалетный кабинетъ, и спальная. Комната эта мила, но очень проста; въ ней – мебель, обитая синей нанкой, украшенная желтыми и красными оборочками, кушетка одноцветная съ двумя спинками, красивая мебель изъ краснаго дерева и гваделупскаго лавра, а изъ предметовъ искусства – маленькій бюстъ Сократа изъ белаго мрамора около арфы Рено. Въ туалетной комнате помимо фортепіано Бернара, нетъ ничего, кроме зеркалъ: зеркало на большомъ туалетномъ столе; зеркало на комоде изъ краснаго дерева, на ночномъ столике и на камине трюмо изъ двухъ небольшихъ зеркалъ.

Какъ! Такая обстановка у этой щеголихи? Да, только всего. И она естъ изъ глиняныхъ тарелокъ, за исключеніемъ торжественяыхъ дней, для которыхъ у нея имеется дюжина тарелокъ изъ синяго и белаго фарфора; столовое белье состоитъ изъ восьми скатертей (въ числе ихъ – четыре съ красными крапинками), настолько истертыхъ, что при описи все вместе – салфетки и скатерти – будетъ оценено въ четыре ливра. Но Бонапартъ ничего этого незнаетъ; онъ не знаетъ, что у этой чудной, изящной женщины, которую онъ видитъ передъ собою, безконечная грація которой туманитъ ему голову, изысканный туалетъ которой такъ ласкаетъ его глазъ, имеется въ гардеробе только четыре дюжины рубашекъ, (некоторыя изъ нихъ уже поношенныя), две дюжины носовыхъ платковъ, шесть нижнихъ юбокъ, шесть ночныхъ кофточекъ, восемнадцать косыночекъ изъ линона, двенадцать паръ шелковыхъ чулокъ разныхъ цветовъ. Напротивъ, изъ верхняго платья у нея имеется: шесть шалей изъ муслина, два платья изъ тафты коричневаго и лиловаго цвета, три муслиновыхъ платья сь цветной вышивкой, три платья изъ гладкаго мус лина, летнее платье изъ легкой тафты, одно изъ линона съ белой вышивкой. Это убожество нижняго и сравнительное обиліе верхняго платья, сделаннаго, впрочемъ, изъ легкой и дешевой матеріи, здесь – вся Жозефина: у нея шестнадцать платьевъ и шесть нижнихъ юбокъ.

Но что нужды! Бонапартъ видитъ лишь платье или, вернее, лишь женщину: красивые каштановые волосы, не особенно, правда, густые, но ведь это – время напудренныхъ белокурыхъ лариковъ; кожа довольно темная, уже дряблая, но гладкая, белая, розовая, благодаря притираніямъ; зубы плохіе, но ихъ никогда не

видно, потому что очень маленькій ротъ всегда растянутъ въ слабую, очень нежную улыбку, которая такъ соответствуетъ удивительной нежности глазъ съ длинными веками, съ очень длинными ресницами, тонкимъ чертамъ лица, звуку голоса, такого пріятнаго, что впоследствіи слуги часто останавливались въ корридорахъ, чтобы послушать его. При этомъ – маленькій носъ, задорный, тонкій, подвижной, съ вечнотрепещущими ноздрями, съ немного приподнятымъ кончикомъ, плутовской, вызывающій желаніе.

Но голову нельзя даже и сравнивать съ тонкимъ, гибкимъ, не тронутымъ жиромъ теломъ, оканчивающимся маленькими, узкими, стройяыми, полными и нежными ногами, которыя такъ и напрашиваются на поцелуй; черезъ ботинокъ угадываешь, видишь, чувствуешь ихъ; тело ничемъ не стеіснено – ни корсетомъ, ни лифчикомъ для лоддерживанія груди, впрочемъ, очень низко расположенной и плоской. Но манера держать себя затмеваетъ все; особую грацію, свойственную ей одной, она проявляетъ во всемъ, что делаетъ: «Она граціозна даже, когда ложится спать». И эта грація зависитъ отъ пропорціональности гибкихъ членовъ и стройной таліи, пропорціональности настолько полной, что забываешь о незначительномъ росте – такъ свободны и изящны ея движенія. Долговременное изученіе тела, кокетство, придающее утонченность каждому жесту, не упускающее изъ виду ни единой мелочи, постоянно настороже, обдуманное до мельчай шихъ подробностей; какая-то необъяснимая лень въ движеніяхъ, благодаря которой женщина-креолка является женщиной въ ея сущности; сладострастіе, которое словно легкій и вместе съ темъ опьяняющій ароматъ, разливается вокрутъ нея при каждомъ лениво-небрежномъ движеніи ея легкихъ и гибкихъ формъ, – все это соединилось въ ней какъ бы для того, чтобы сводить съ ума мужчинъ вообще, и въ особенности этого, свежаго и более неопытнаго, чемъ кто-либо другой. И поэтому-то она, какъ *женщина,* соблазняетъ его съ первой же встречи, какъ *дама* – ослепляетъ и внушаетъ уваженіе своимъ видомъ, полнымъ достоинства, своими, какъ онъ говоритъ, «спокойными и благородными манерами стараго французскаго общества».

Она чувствуетъ, что онъ увлеченъ, что онъ принадлежитъ ей; и когда онъ приходитъ опять и опять – и завтра, и после завтра, и потомъ каждый день, – когда онъ видитъ вокругъ г-жи де Богарне бывшихъ придворныхъ, крупныхъ сеньеровъ, по сравненію съ нимъ, «мелкимъ дворяниномъ» (его собственное выраженіе), когда онъ видитъ Сепора, Монтескью, Коліанкура, обращающихся съ ней дружески, какъ съ равной, несколько по-товарищески, онъ

не схватываетъ глав-наго оттенка ихъ отношенія къ ней, не замечаетъ, что эти мужчины, которгіе всегда будутъ пользоваться въ его глазахъ престижемъ, приходятъ сюда по-холостецки, не приводятъ съ собою своихъ женъ. Онъ вышелъ изъ чисто якобинской среды, въ ней жилъ, опираясь на нее, – въ Воклюзе, Тулоне, Ницце, Париже, – выдвинулся впередъ, и онъ безконечно доволенъ темъ, что находится въ такой компаніи. Все эти апарансы, – а здесь все сводится къ нимъ, – роскошь, окружающая хозяйку, ея дворянское происхожденіе. ея посетители, место, занимаемое ею въ свете – все это онъ принимаетъ за нечто существенное, и въ этомъ ему помогаютъ его чувства.

Черезъ пятнадцать дней после перваго визита они уже въ связи; когда пишешь объ этомъ, кажется, что дело еще не должно бы было зайти далыне дружбы, но въ то смутное время, какъ сказалъ одинъ современникъ, оттенки, переходы почти не соблюдались. Все шло ускореннымъ шагомъ.

«Они страстно любили другъ друга». Онъ – это понятно. Но почемубы не думать, что и она была тогда искренна? Бонапартъ – свежій плодъ, дикарь, котораго можно приручить, левъ – герой дня. – котораго можно водить на цепі. Для нея, женщины уже зрелой, этотъ пробуждающійся темпераментъ, пылкая страсть, жаркіе, какъ на *экваторе,* поцелуи, сыплющіеся на все ея тело, это бешенство постояннаго вожделенія – не есть ли все это дань, наиболее способная ее тронуть, лучше всего доказывающая, что она еще прекрасна и всегда будетъ пленять?

Но если онъ хорошъ, какъ любовникъ, то годится ли онъ въ мужья? И вотъ онъ предлагаетъ руку, умоляя принять ее. Въ конце-концовъ, что она теряетъ? Она – въ крайности и ставитъ рискованную ставку. Онъ молодъ, честолюбивъ, онъ – главнокомандующій Внутренней арміи; въ Директоріи помнятъ, что онъ разработалъ планъ последняго итальянскаго похода, и Карно намеренъ назначить его главнокомандующимъ въ будущую кампанію. Бытъ можетъ, это спасеніе. Да и чемъ она себя связываетъ? Бракомъ? Но ведь имеется и хорошее средство подъ рукой – развод, потомучто ни о священнике, ни о церковномъ обряде нетъ и речи. Что же это въ такомъ случае? Договоръ, длящійся до техъ поръ, пока сторонамъ угодно соблюдать его, но не связывающій ничемъ совесть женщины, не имеющій никакого значенія для света, среди котораго она прежде вращалась, если допустить вообще, что этому свету есть до нея дело; но, вместе съ темъ, это – договоръ, который принесетъ очень много, если хорошо вести игру, потому что этотъ молодой человекъ можетъ очень высоко подняться; договоръ, который даетъ, по крайней мере, пенсію, если онъ будетъ убитъ.

Темъ не менее ей приходится принять предосторожности: прежде всего, скрыть свой возрастъ, лотомучто ни этому двадцаттшестилетнему молодому человеку, ни кому бы то нибыло другому она не хочетъ признаться, что ей больше тридцати двухъ летъ. Тогда Кальмела, ея доверенное лицо, второй опекунъ ея детей, отправляется въ сопровожденіи некоего Лезура къ нотаріусу: «Они удостоверяютъ, что знаютъ лично Марію-Жозефину Таше, вдову гражданина Богарне, а именно, что она родомъ съ острова Мартиника, среди острововъ Ванъ, и что въ данный моментъ у нея нетъ возможяости добытъ актъ, свидетельствующій о ея рожденіи, такъ какъ островъ въ настоящее время занятъ англичанами». Это – все; никакихъ другахъ показаній, никакой даты. Имея въ рукахъ этотъ актъ, удостоверенный нотаріусомъ, Жофефина сможетъ объявить чиновнику, что родилась 23 іюня 1767 г., тогда какъ она родилась 23 іюня 1763 г. Проверять этого никто не будетъ.

Что касается состоянія, то и здесь она предпочитаетъ создать иллюзію богатства. Это, казалось бы, не такъ легко, но Бонапартъ принимаетъ все, что она делаетъ; и вотъ, при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи одного лишь Лемарруа, адъютанта генерала, составляется брачный договоръ, такой странный, съ какимъ никогда ни одному нотаріусу не приходилось иметь дела: никакой общности имуществъ, подъ какимъ бы то видомъ и въ какой бы то форме ни было; абсолютная раздельность имущества; будупщмъ супругомъ даны будущей супруге все полномочія; опека надъ детьми отъ перваго брака оставляется исключительно за матерью; въ случае вдовства ей причитается рента въ сто ливровъ изъ имущества мужа, а также она получаетъ обратно все, на что она докажетъ свои права.

Личнаго имущества – никакого: все, чемъ будущая супрзта обладаетъ, принадлежало ей совместно съ ея покойнымъ мужемъ, г. де Богарне. Описи этого имущества сделано не было и лишъ после описи она решитъ, принимаетъ ли она его или отказывается отъ него. Когда опись черезъ два года после этого была сделана, она отказывается, но эти два года дали ей больше. Бонапартъ гораздо меньше стесняется признать, что его состояніе ничтожно: «Съ своей стороны будущій сулругъ заявляетъ, что не имеетъ никакой недвижимости, а также никакой движимости, кроме гардероба и военнаго снаряженія, каковые оцениваетъ по ихъ номинальной стоимости въ… Это действительно, какъ сказалъ нотаріусъ г-же Богарне, – Плащъ да Шпага. Но генералъ находигъ этозаявленіе лишнимъ и просто на просто вычеркиваетъ въ контракте соответствующій параграфъ.

Контрактъ помеченъ 18 вантоза IV г. (8 марта 1796 г.) На

другой день – свадьба передъ гражданскимъ чиновникомъ, который охотно даетъ жениху двадцать восемь летъ, тогда какъ ему двадцать шестъ, а невесте – двадцать девять, тогда какъ ей тридцать два. У этого мэра была страсть уравнивать. Варрасъ, Лемарруа (несовершеннолетній), Тальянъ и Кальмеле, неизбежный Кальмеле, – свидетели. Никакого упоминанія о согласіи родителей брачущихся: ихъ и не спрашивали.

Черезъ два дня генералъ Бонапартъ одинъ отправляется въ путь, въ Итальянскую Армію. Г-жа Бонапартъ остается въ улице Шантерейнъ. Къ счастью, въ счетъ медоваго месяца былъ взятъ авансъ.

IV. Гражданка Бонапартъ

Отъ Парижа до Ниццы – одиннадцать ночевокъ и съ каждой ночевки, почти съ каждой почтовой станціи, на которой онъ ждетъ перепряжки, летитъ письмо по адресу гражданки Бонапартъ, – улица Шантерейнъ, отель гражданки Богарне. Въ этихъ письмахъ – только страсть; ни следа честолюбія, настолько тотъ, кто ихъ пишетъ, увереньъ въ своемъ успехе. Никакого сомненія въ своихъ силахъ, никакихъ сомненій насчетъ будущаго: уверенность настолько полная, что онъ не находитъ даже нужнымъ говорить о ней. Никакихъ размышленій о будущемъ, никакихъ указаній на свои планы, ни тени тревоги относительно ихъ осуществленія; словно какой-нибудь принцъ, летъ двести тому назадъ, мчится одержать победу: только она и онъ, только любовъ.

Въ Ницце, начиная съ первыхъ же дней, когда онъ бросаетъ бандамъ, изъ которыхъ долженъ создать армію, свои краткія изреченія, въ которыхъ – все ихъ мечты и все ихъ вожделенія; когда онъ однимъ движеніемъ бровей приводитъ къ повиновенію крамольныхъ генераловъ, которые думали было помыкать имъ; когда онъ отдаетъ одинъ за другимъ приказы объ обученіи, экипировке, прокормленіи ободранныхъ солдатъ, которыхъ оиъ поведетъ, для начала, на приступъ Альпъ, – письмо за письмомъ къ Жозефине: «Когда я бываю готовъ проклясть жизнь, я кладу руку на мое сердце; тамъ бьется твой портретъ я на него смотрю и любовь для меня – безмерное, лучезарное счастье, за исключеніемъ того времени, когда я разлученъ съ моей подругой». Когда на портрете разобьется стекло, это приведетъ его въ страшное отчаяніе, потому что онъ увидитъ въ этомъ предвестіе смерти; онъ никогда не оставляетъ его, никогда не снимаетъ, всемъ показываетъ. Онъ молится передъ нимъ каждый вечеръ. Это – обожаніе правовернаго, экзальтація верующаго. Еслибы солдаты знали это, они не посмеялись бы надъ нимъ: они его возраста, его расы; чудесными виденіями полны ихъ головы, какъ и его. Онъ – тотъ генералъ, который нуженъ этой удивительной арміи. Наверху онъ, съ его двадцатью шестыо годами, съ его неподвижнымъ лицомъ – очень худымъ, очень бледнымъ, – подъ длинными волосами съ седоватымъ налетомъ пудры, съ глубокими глазами, блескъ которыхъ проникаетъ въ самую душу, покоряетъ и «устрашаетъ». Ниже – авантюристы въ роде Ожеро, дезертира всехъ европейскихъ армій, стараго вояки, со всеми на ты, съ ухватками забіяки; въ роде Массены, ловкаго пройдохи, при случае – пирата, жаднаго до женщинъ, каковы бы

оне ни были, до денегъ, откуда бы оне ни исходили.

Они очень хотели бы низвергнуть его, этого бывшаго дворянчика, котораго имъ навязываютъ въ командиры. Но онъ фиксируетъ ихъ глазами и передъ укротителемъ звери припадаютъ къ земле. Солдатъ и офицеровъ (въ ихъ массе, конечно, потому что и срединихъ есть разбойники въ роде Ляндріё) не приходится укрощать: они покорены съ первыхъ же словъ. Большинство ихъ – изъ арміи Восточныхъ Пиринеевъ, въ которой они прошли піколу самопожертвованія, и въ душе у каждаго – часгица души Овернской Башни. Они думаютъ только о славе и отечестве. Въ этой войне видели офицеровъ, отвергавшихъ повышеніе, какъ оскорбленіе, капраловъ, менявшихъ распорядокъ битвы, солдатъ, вдругъ иревращавшихся въ генераловъ и стратегов. Электрическій токъ генія перебегаетъ по рядамъ арміи, у всехъ – одинаковое презреніе къ смерти, радость передъ лицомъ ея, веселый стоицизмъ. и во всехъ молодыхъ сердцахъ – одинаково восторженное отношеніе къ любви.

И въ этомъ смысле Бонапартъ достоинъ командовать ими. Победить, завоевать – это средство скорее увидеть ее, обладать ею, иметь ее около себя, постоянно съ собою.

Для нея за эти пятнадцать дней, въ апреле 1796 г., – шесть победъ, двадцать одно отобраннос знамя, Пьемонтъ, доведенный до капитуляціи. «Да будетъ же воздана вамъ благодарность за все это, солдаты!» Да, да будетъ воздана имъ благодарность, потому что скоро пріедетъ Жозефина. Жюно, котораго генералъ посылаетъ въ Иарижъ отвезти трофеи, привезетъ ее. Ему нужна его жена: «Скорее! Предупреждаю тебя, если ты будешь медлить, то найдешь меня больнымъ. Усталость и твое отсутствіе – все сразу это слишкомъ много!» Не надо думать, что онъ хитритъ, чтобы заставить ее пріехать: непрестанная лихорадка жжетъ его, упорный кашель истощаетъ его; и снова одна, все та же мысль: «Ты пріедешь, правда? Ты будешь здесь, около меня, на моемъ сердце, въ моихъ объятьяхъ! Лети на крыльяхъ! Пріезжай, пріезжай!»

Нетъ женщины для него, кроме этой женщины; въ Каиро къ нему приводятъ любовницу пьемонтскаго офицера; она очень молода, дивно хороша. При виде нея загорается его взоръ, но это – лишь молнія; онъ удерживаетъ около себя офицеровъ, принимаетъ пленницу со спокойнымъ достоинствомъ, велитъ отвести ее на аванпосты, вернуть любовнику.

Можетъ быть – это политика; но когда въ Милане Грассини усиленно предлагаетъ ему себя, когда, отчаявшись, она бросаетъ такіе чарующіе, полные лиризма звуки, что покоряетъ своимъ

пеніемъ всю армію, онъ награждаетъ певицу и отвергаетъ любовницу. Въ одной женпщне воплотилось для него все, что можеть быть женственнаго, въ томъ наслажденіи, котораго онъ ждетъ отъ нея, – все возможное наслажденіе.

Что же она делаетъ, почему не едетъ?

Дело въ томъ, что перспектива мотаться съ солдатами по полямъ нисколько не прельщаетъ ее. Насколько лучше – пользоватьея, сидя въ Париже, всеми ихъ трудами и какъ хорошо это – достигнуть, наконецъ, цели посредствомъ простой ставки въ игре и считаться одной изъ самыхъ высокопоставленныхъ львицъ, одной изъ царицъ новаго Парижа! Бонапартъ прислалъ ей доверенность, да, впрочемъ, кто откажетъ въ кредите жене главнокомандующаго Итальянской Арміи? Она – участница всехъ празднествъ, всехъ увеселеній, всехъ пріемовъ въ Люксембурге, где при Баррасе возстановлена королевская пышность и где рядомъ съ хозяйкой, г-жей Тальянъ, ей пріуготовлено лучшее место.

Она – въ первомъ ряду, когда Жюно представляетъ Директоріи двадцать одно знамя, и она выходитъ подъ руку съ Жюно, получая свою долю въ тріумфе. Потомъ – первыя представленія, и когда она входитъ въ ложу, весь партеръ встаетъ, толпа громкими кликами приветствуетъ ее; потомъ – официальныя празднества, праздникъ Признательности и Победъ, словно ей посвященный; а главное – Парижъ или, вернее, только Парижъ, Парижъ, который захватилъ ее въ такой степени, что она не могла бы жшъ вне Парижа, и отныне въ теченіе восемнадцати летъ, которыя ей остается жить, она всегда будетъ думать только объ одномъ: не оставлять Парижа.

Онъ ждетъ, надеется, неистовствуетъ, его мучатъ ревность, безпокойство, страсть, онъ шлетъ письмо за письмомъ, гонитъ курьера за курьеромъ. Что она делаетъ? Что думаетъ? Значитъ, она взяла себе новаго любовника – «девятнадцати летъ», несомненно? «Если это такъ,… бойся кннжала Отелло…», а она съ легкой шепелявостью креолки замечаетъ на это: «Смешной онъ – Бонапартъ!»

Но нужно все-таки изобрести какой-нибудь предлогъ: Жозефъ Бонапартъ – въ Париже и торопитъ еесъ отъездомъ; Жюно, какъ ни пріятно ему щеголять здесь въ гусарской форме, уезжаетъ въ армію. После Кераско – Лоди, и теперь армія – въ Милане. Ее ждетъ теперь не бивуакъ, а дворецъ. Что придумаепіь? Болезнь – это старо, но болезнь, вызванная началомъ беременности, – это прелестно, и узнавъ эту новость, Бонапартъ теряетъ голову. «Я такъ виноватъ передъ тобой, – пишетъ онъ, – что не знаю, какъ искупить мою вину. Я обвиняю тебя за то, что ты сидишь въ

Париже, а ты больна! Прости меня, мой добрый другъ; любовь, которую ты внушила мне, отняла у меня разсудокъ, и я никогда не верну его. Отъ этой болезни не выздоравливаютъ. Меня мучаютъ предчувствія настолько мрачныя, что я хотелъ бы только увидетъ тебя, прижать тебя къ моему сердцу и умереть вместе съ тобою… Ребенокъ, прелестный, какъ и его мать, увидетъ день въ твоихъ объятіяхъ. Несчастный, я удовольствовался бы однимъ днемъ!» И въ тотъ же вечеръ – Жозефу: «Мой другъ, я въ отчаяніи. Моя жена – все, что я люблю на этомъ свете, – больна. У меня голова идетъ кругомъ. Меня не покидаютъ ужасныя предчувствія. Умоляю тебя сказать мне, какъ обстоятъ дела, какъ ея здоровье. Если мы действительно были съ самаго нашего детства соединены узами крови и самой нежной дружбы. то я лрошу тебя, не жалей своихъ заботъ для нея, делай для нея все – то, что сделалъ бы съ гордостью я самъ. Твое сердце не можетъ стать ноимъ, но ты одинъ можешь меня заместить. Ты – единствеяный человекъ на земле, къ которому я питаю истинную и прочную дружбу. После нея, после моей Жозефины, ты одинъ только близокъ мне. Успокой меня. Скажи мне правду. Ты знаешь мое сердце. Ты знаешь, какое оно горячее. Ты знаешь, что я никогда не любилъ, что Жозефина – первая женщина, которую я обожаю. Ея болезнь приводитъ меня въ отчаяніе. Все оставили меня, никто мне не пишетъ. Я одинокъ и весь во власти моихъ страховъ, моего горя. Ты тоже не пишешь мне. Если она настолько здорова, что можетъ перенести путешествіе, то я страстно желаю, чтобы она пріехала. Мне нужно видеть ее, прижать ее къ моему сердцу. Я люблю ее безумно и не могу дольше жить вдали отъ нея. Если она меня уже не любитъ, мне большне нечего делать на земле. О, мой добрый другъ, я полагаюсь на тебя! Устрой такъ, чтобы мой курьеръ не оставался и шестичасовъ въ Париже я чтобы онъ ехалъ сюда вернуть мне жизнь!..»

Онъ не можетъ больше ждать; онъ грозитъ, еслн его жена не пріедетъ, подать въ отставку, все бросить и пріехать въ Парижъ. Жозефина понимаетъ, что кончено съ отговорками; что последній предлогъ, беременность, – лучшій, который затрагиваетъ Бонапарта за самое живое ме сто, – исчезъ, если только когда-нибудь было что-нибудь похожее на беременность; что ссылками на болезнь нельзя провести Жозефа, потому что она продолжаетъ выходить, не отказывается ни отъ одного праздника и прекрасно переносйгь все развлеченія. Надо, следовательно, ехать; въ отчаяніи, вся въ слезахъ, съ плачемъ, после прощальнаго ужина въ Люксембурге она садится въ карету съ своей собакой Фортюнэ, Жозефомъ, Жюно, гражданиномъ Ипполитомъ Шарлемъ, помощникомъ генералъ-адъютанта Леклерка, и гражданкой

Луизой Компуанъ. Последняя, – камеристка, – естъ за однимъ столомъ съ своей госпожей и одета совершенно такъ же, какъ. она. Ея комната, въ улице Шантерейнъ, совершенно не похожа на комнату служанки; занавесы и портьеры изъ сіамеза, алебастровые шандалы на медныхъ позолоченныхъ подножкахъ, амуры и жардинъерки изъ севрскаго фарфора, комодъ regence съ медными ручками, личинками, ножками и съ доской изъ стараго мрамора делаютъ ея комнату элегаятнее комяаты ея госпожи. Что такое Луиза Компуанъ для Жозефины? – Несомненно, – только наперсница, за которой она ухаживаетъ и которой будетъ уплачивать пенсію до 1805 г., несмотря на разрывъ съ ней. Во время путешествія, очень продолжительнаго и, повидимому, нарочно затягиваемаго, Жюно принимается за m-lle Луизу, и Жозефина, – хотя г. Шарль, какъ можно судить по последующему, и не былъ для нея безразличенъ, – приходитъ, какъ разсказываютъ, въ бешенство, видя, что у нея отбиваютъ – или ей предпочитаютъ – ея фаворитку.

Выехавъ въ самомъ конце іюня (мессидоръ, IV г.), поездъ 8 іюля (20 мессидоръ) еще не въ Милане, но уже близокъ къ последнему, я Бонапартъ, вынужденный итти навстречу арміи Вурмсера, умоляетъ Жозефину прибыть къ нему въ Верону: «Ты нужна мне, – говоритъ онъ ей, – потому что я скоро сильно заболею»… Она ждетъ его темъ не менее въ Милане, куда онъ и мчится. Два дня сердечныхъ изліяній, любви, страшныхъ ласкъ. Потомъ, тотчасъ же, – тяжкій кризисъ, связанный съ Кастильоне. Никогда положеніе не было такъ серьезно, никогда опасность не была такъ велика. Речь идетъ ужъ не о томъ, удастся ли избежать пораженія, а о томъ, удастся ли избежать разгрома. И среди приказовъ, которые онъ бросаетъ, чтобы собрать свои дивизіи, среди всехъ комбинацій, которыя онъ придумываетъ, чтобы смягчить разгромъ; въ тотъ моментъ, когда онъ ставитъ на карту свое будутцее, когда счастье его начинаетъ, повидимому, изменять ему; когда Бонапартъ въ первый разъ, кажется, начинаетъ сомневаться въ самомъ себе, каждый день – письмо, длинное, любовное письмо: «0, прошу тебя, дай мне разглядеть въ тебе хотя бы некоторые изъ твоихъ недостатковъ; будь не такъ прекрасна, не такъ мила, не такъ нежна, главное, не такъ добра; главное – не будь никогда ревнива, не плачь никогда: твои слезы отнимаютъ у меня разсудокъ, жгутъ мне кровь… Пріезжай ко мне, чтобы раныпе чемъ умереть, мы могли, по крайней мере, сказать себе: мы были столько дней счастливы!»

И завтра, и после завтра и все дни, когда онъ разлученъ съ нею, – все та же безумная страсть, все тотъ же дождь поцелуевъ, осыпающій каждый изгибъ ея, боготворимаго имъ, тела!.. Чтобы

побудить ее пріехать хотя бы на одну ночь, на одинъ часъ, онъ проситъ, умоляетъ, приказываетъ. Она, немного более покорная, – потому что здесь, въ завоеванной Италіи, передъ лицомъ фанатизированной арміи, она смутно чувствуетъ, что онъ принадлежитъ къ расе Вождей и что надо, по крайней мере, казаться повинующейся, – делаетъ надъ собою усйліе, отправляется къ нему, и начинается это необычайное путешествіе среди полчищъ солдатъ, путешествіе беглянки и тріумфаторши, когда ее то принимаютъ, какъ повелительницу, магистраты новой Италіи, то обстреливаютъ съ австрійскихъ баттарей; переезды въ каретахъ, то и дело переворачиваюшихся, среди армій, то победоносныхъ, то разбитыхъ, – и любовь подъ бой барабановъ, бьющихъ атаку, подъ трескъ ружейной перестрелки, среди зарева бомбардируемыхъ городовъ.

Когда она съ Бонапартомъ, «онъ проводигь день въ поклоненіи ей, словно божеству; когда она уезжаетъ, онъ шлетъ гонца за гонцомъ. Изъ каждой изъ этихъ безвестныхъ деревень, названія которыхъ онъ сделаетъ безсмертными, – письма, въ которыхъ уверенія въ любви, въ доверіи, въ признательности, переплетаются съ проклятьями ревности, съ безумными ласками. Къ ней, къ любовнице уже пожившей, светской и опытной, къ ней несется крикъ его ненасытнаго чувства – совсемъ молодого, совсемъ свежаго, чувства двадцати шести летняго мужчины, жившаго до техъ поръ целомудренно; это – непрерывныч стонъ желанія, которое разжигаютъ болезнь, лихорадка, непрерывный умственный трудъ.

Совершенно незаметно для себя, онъ, говоря о своей страсти, заимствустъ выраженія изъ Новой Элоизы и писаніями Руссо еще больше взвинчиваетъ свой и безъ того повышенный стиль: и это не потому, что онъ не искрененъ, не потому, что любовь для него – лишь предлогъ къ стилистическимъ упражненіямъ; нетъ, онъ такъ любитъ, онъ – подъ властью этого языка и онъ не можетъ – и никогда не сможетъ – говорить о любви иначе. Въ это время онъ – сынъ Жанъ-Жака и что бы ни происходило, онъ останется веренъ его духу, и какъ у всехъ техъ, которые *собирали барвинокъ*, сердце у него на всю жизнь сохранитъ ароматъ его.

Жозефину барвинокъ не интересуетъ. Она не того поколенія, у нея другая родина, иное воспитаніе и нетъ въ ней присущей ему наивности. Эта вечная экзальтація тяготитъ ее и надоедаетъ ей. Конечно, мило – быть такъ любимой; это казалось интереснымъ и новымъ, но это утомляетъ; и его безразсудная страсть, съ ея грубостью и наивностью, не способна разбудить уже притупившіяся чувства. Правда, у нея есть теперь всякіе доходы – подарки оть городовъ и подарки владетельныхъ особъ,

подношенія генераловъ, взятки поставщиковъ; хотя она и расходуетъ деньги безъ счета, но она мало смыслитъ въ денежныхъ дѣлахъ. Она настолько же расточительна, насколько легкомысленна; ее всегда можно соблазнить и всегда ее что-нибудь соблазняетъ; она беретъ изъ учтивости и даетъ изъ каприза. Она не особенно сознаетъ, что поступаетъ худо, потому что она просто повинуется инстинкту; но она устраивается все же такъ, чтобы Бонапарту ничего объ этомъ не было известно. Она знаетъ его щепетильность и находитъ ее странной, такъ какъ судитъ по нравамъ той среды, въ которой жила и того общества, которое посещала; но приходится принимать его такимъ, каковъ онъ есть. Въ одинъ изъ первыхъ-же дней, по поводу ящика съ медалями, полученнаго Жозефиной, онъ сдѣлалъ ей очень суровый выговоръ и медали пришлось возвратить. Отныне онъ ничего не будетъ знать; а если у него возникаютъ подозрѣнія, то ловкая ложь, при содействіи сообщниковъ, которыми обзавелась Жозефина, прикроетъ жемчужныя колье, брильянтовыя парюры, ценныя картины и неоценимыъ древности.

И много еще кое-чего не знаетъ Бонапартъ. Едва-ли онъ даже знаетъ, что существуетъ г. Шарль, тотъ самый г. Шарль, адъютантъ Леклерка, который пріехалъ съ Жозефшой изъ Парижа. Г. Шарль остался въ Милане, щеголяетъ по улицамъ его въ кокетливой форме копнаго егеря и каждый разъ, когда генералъ отлучается изъ дворца Сербельони, туда является г. Шарль. Жозефина угверждаетъ, правда, что г. Шарль приходитъ только для того, чтобы позабавить ее, развлечь, посмешить, что она относится къ нему чисто платонически. Г. Шарль – молодой человекъ маленькаго роста, очень плотный, крепкій, невозмутимо-самоуверенный, удивительно подвижной, живой, пронырливый, сыплющій каламбурами, большой искусникъ по части всякихъ штукъ и фокусовъ, надувательства, вышучиванія, однимъ словомъ, что называется. *забавникъ*.

Онъ служитъ связью между Жозефиной, которая всегда нуждается въ деньгахъ, и поставщиками, которые воображаютъ, что Жозефина можетъ быть имъ полезна. Онъ расточителенъ, словно откупщикъ, но делаетъ это весело, въ открытую, какъ гусаръ, вздумавшій заниматься делами. Какой контрастъ! И какъ будто нарочно для Жозефины созданы эти две крайности! Но вотъ у Бонапарта возникаютъ подозрения насчетъ г. Шарля, какъ были у него подозренія насчегь Мюрата. Г. Шарля, какъ говорятъ, арестовываютъ; но не за сношеніями съ поставщиками? Во всякомъ случае, онъ покидаетъ армію, возвращается въ Парижъ, где Жозефина пристраиваетъ его къ Компаніи Бодена, даетъ ему возможность занять очень видное положеніе въ интендантской

области.

Г. Шарль былъ развлеченіемъ, лучше котораго и желать нельзя: онъ былъ изъ Парижа, который любила Жозефина, Парижа разгульнаго, шумнаго, веселаго, Парижа – кутилы. Ей нуженъ былъ г. Шарль, чтобы переносить какъ-нибудь скуку, которая ееизводила. «Я сильно скучаю», – пишетъ она своей тетке. Да, все нагоняетъ на нее скуку: и безумная страсть молодого мужа, и Миланъ, и Генуя, где Сенатъ принимаетъ ее, какъ королеву, и Флоренція, где Великій Герцогъ принимаегь ее, какъ кузину, и Момбелло, где она держитъ свой дворъ, и Пассеріано, и Венеція, все нагоняетъ на нее скуку, все, кроме Парижа. И однако, когда Бонапартъ отправляется въ Парижъ, она не сопровождаетъ его. У нея явилась фантазія поехать въ Римъ, – по крайней мере, такъ говорить она, – и только черезъ восемь дней после мужа она пріезжаетъ въ улицу Шантерейнъ – улицу Победы – въ отель, на меблировку и декорированіе котораго она заочно, путемъ письменныхъ сношеній, выбросила 120.000 франковъ, который весь стоилъ 52.400 франковъ и который Бонапартъ купитъ только черезъ четыре месяца, 31 марта 1798 г.

Такимъ образомъ изъ каприза, изъ-за своихъ удобствъ она пренебрегла превратившимся въ апофеозъ проездомъ черезъ Швейцарію и Италію, пренебрегла и возвращеніемъ въ отечество объ-руку съ человекомъ, именемъ котораго полонъ Парижъ и имя котораго она носитъ… Прошелъ месяцъ, какъ Бонапартъ покинулъ Миланъ, а она все еще не возвращается: она пріехала только въ конце декабря.[9]

Хотя любовь Наполеона теперь – уже не бешеная страсть первыхъ дней, его жена, все-таки, – едиственная женщина, которую онъ любитъ. Онъ признается въ этомъ открыто: «Я люблю мою жену», – говоритъ онъ г-же де Сталь. Съ женой онъ не разстается ни на минуту, и его не раздражаетъ, когда говорятъ, что онъ очень ревнивъ. Между темъ, она уже не красива. «Ей около сорока летъ и ихъ вполне можно efl дать». Что нужды! Для Бонапарта она никогда не состарится и когда пройдетъ страсть, отъ прежней любви у него останется къ ней такая горячая благодарность, что на всю жизнь, чтобы ни делала Жозефина и чтобы ни случилось. она останется обожаемой, останется единственной женщиной, имеющей власть надъ его чувствами и надъ его сердцемъ.

V. Госпожа Фуресъ

Въ Тулоне 29 флореаля VI г. съ мостика Океана, – корабля, которому онъ вверилъ свою судьбу, – Бонапартъ смотритъ на платокъ, которымъ машетъ Жозефина, до техъ поръ, пока онъ не скрывается у него изъ глазъ. Онъ еще любитъ эту женшину, уже не съ темъ пыломъ, съ которымъ любилъ ее первое время, но съ признателъностыо удовлетворенной страсти и обласканнаго сердца. Онъ любитъ ее, какъ воплощеніе нежности иизящества, какъ существо женственное въ истинномъ смысле этого слова, первое, которое отдалось ему, которымъ онъ такъ полно обладалъ.

Съ нею у него условлено, что какъ только онъ завоюетъ Египетъ, – а онъ и не сомневается въ томъ, что завоюеть его, – она пріедетъ къ нему; что онъ пришлетъ за нею фрегатъ; что въ ожиданіи этого она отправится на воды. Если Жозефина и была искренна, когда обещала, то вскоре-же мысль объ отъезде, о долтомъ пути и его опасностяхъ, начинаетъ смущать и пугать ее. Въ Париже ею снова овладели прежнія привычки, общество, светъ, а особенно миланскія связи. Бонапартъ, съ своей стороны, начинаетъ кое-что подозревать.

Уже при переезде изъ Тулона на Мальту и въ Александріи его охватываетъ безпокойство. Прежнія подозренія снова приходять на умъ. Онъ хочетъ все знать, онъ разспрашиваетъ, ему разсказываютъ. Обращаясь къ темъ, которыхъ считаетъ своими друзьями, которые меныне другихъ способны оть него скрыть правду, онъ выспрашиваетъ у каждаго изъ нихъ въ отдельности по несколько разъ все, что говорилосъ о ней въ Италіи.

То, что было до его женитьбы на Жозефине, не интересуетъ, не задеваетъ его. Когда 23 преріаля VI г. онъ пишетъ ей изъ Милана: «Все мне было пріятно, даже воспоминаніе о твоихъ ошибкахъ, и о той прискорбной сцене, которая произошла за пятнаддать дней до нашей свадьбы», онъ даетъ здесь ключъ къ своему собственному характеру, къ своему собственному взгляду на любовь. Его право на сердце, чувства, умъ этой жевщины начинается съ того дня, когда она свободно наложила на себя клятвенное обязательство, когда она приняла его любовь, когда она, казалось, разделила ее; но съ этого дня она ему принадлежитъ и если она его обманываетъ, съ ней все покончено[10]

Какъ только у Бонапарта раскрываются глаза, какъ только иллюзія его разсеевается, онъ начинаетъ подумывать о разводе. Онъ считаетъ разорванвой связь, соединявшую его съ женой. Если

бы онъ продолжалъ ничего не знать, то несомненно, онъ остался бы веренъ ей въ Египте, какъ былъ веренъ въ Италіи, но теперь, зачемъ сдерживать себя? Изъ-за чего, – среди глубокаго унынія, овладевшаго арміей въ Египте, – отказывать себе въ развлеченіяхъ, которыя несколько месяцевъ тому назадъ возмутили бы его совесть, какъ измена верной супруге, которыя теперь, на его взглядъ, – лишь естественная слабость двадцати девятилетняго мужчины.

Ему приходитъ фантазія познакомиться съ азіатскими женщинами, какъ делали многіе офицеры. Ему приводятъ полдюжины ихъ, но манеры, жирное тело ихъ отталкиваютъ его. Онъ не прикасается къ нимъ и тотчасъ же отсылаетъ ихъ обратно. Съ этого времени нетъ ему равнаго по брезгливости, по чувствительности ко всякимъ запахамъ, по необычайной чуткости и впечатлительности.

Онъ встречаетъ нечто более интересное въ Tivoli égyptien Это – садъ, по образцу парижскаго Tivoli; устроилъ его одинъ эмигрантъ, изъ бывшихъ телохранителей, некогда товарищъ Бонапарта по бріеннской школе, получившій разрешеніе следовать за арміей. Какъ и въ Париже, здесь имеются клубъ, всякаго рода игры, деревянныя лошадки, разнаго рода качели, затемъ жонглеры, змеезаклинатели, певицы и танцовщицы; публика есть мороженое, слушая военную музыку. Все это было бы прелестно, будь здесь женскій персоналъ парижскихъ садовъ любви; но европейскихъ женщинъ – мало или нетъ вовсе, и армія скучаетъ, а многіе офицеры, отчаявшись, женятся законнымъ бракомъ на египтянкахъ.

Все европеянки, которыхъ можно видеть въ Тиволи, прибыли вместе съ арміей. Но передь отъездомъ былъ отданъ строжайшій приказъ оставить всехъ офидерскихъ женъ при полковыхъ складахъ; и только те, следовательно, прибыли въ Каиръ, которыя хитростью, въ мужскомъ платье, обошли приказъ, ускользнули отъ дозоровъ и переехали, спрятавшись где-нибудь въ трюме.

Это – женщины отважныя, съ душею воина, привыкшія къ приключеніямъ и способныя, какъ жена генерала Вердье, стрелять изъ ружья. Между ними самая хорошенькая – молоденькая женщина съ белокурыми волосами, съ ослепительно-белой кожей, съ чудными зубами, и въ обычное время очень привлекательная, а здесь – обожаемая.

Имя ея – Маргарита-Полина Белиль; ученица одной модистки въ Каркасоне, она женила на себе племянника своей хозяйки, хорошенькаго лейтенанта 22 полка конныхъ егерей, по имени Фуресъ. Въ самый разгаръ медоваго месяца – приказъ отправляться въ Египетъ. Молодая жена переоделась въ форму

коннаго егеря и пробралась на судно, на которомъ былъ и ея мужъ. Въ Каире она опять облеклась въ женское платье, «не водится съ другими офицерами; на эту пару указываютъ, какъ на образецъ, достойный подражанія». На праздніке 20 фримера VII г (1 декабря) на Эсебеки, – где после смотра Конте пускаетъ воздушный шаръ, который, какъ онъ надеялся, долженъ былъ невероятно изумить каирцевъ, но даже не заставилъ ихъ повернуть головы, – два молоденькихъ лейтенанта главнокомандующаго, Мерленъ и Евгеній Богарне, показываютъ другъ другу г-жу Фуресъ; они восхищаются ею такъ шумно, что Бонапартъ смотритъ на нее въ свою очередь и наводитъ справки о ней.

Въ тотъ же вечеръ онъ снова встречаетъ ее въ Tivoli égyptien, бросаетъ на нее выразительные взгляды, подходитъ къ ней, говоритъ любезности, долго стоитъ около нея. Потомъ услужливые люди, въ которыхъ неть недостатка, вмешиваются въ дело.

Разсчетъ или добродетель, – но дамочка не сдается сразу. Для этого нужны уверенія, объясненія, шсьма, богатые подарки. Наконецъ, дело налаживается. 17 декабря Фуресъ получаетъ приказъ сесть – на этотъ разъ въ одиночестве – на шебеку *Охотникъ*, капитана Лорана, съ порученіемъ достичь береговъ Италіи и отвезти депеши Директоріи; въ Париже онъ долженъ повидать Люсьена и Жозефа Бонапартовъ и въ скорости-же вернуться въ Дамьеттъ. Онъ вернулся скорее, чемъ думали.

Тотчасъ же после отъезда Фуреса Бонапартъ пригласилъ дамочку, а также и многихъ другихъ французскихъ дамъ, обедать. Она – рядомъ съ нимъ и онъ очень любезно потчуетъ ее. Но вдругъ, симулируя неловкое движеніе, онъ опрокидываетъ графинъ съ ледяной водой и увлекаетъ ее въ свои аппартаменты подъ темь предлогомъ, что ей необходимо привести въ порядокъ туалетъ. «Апаралсы были, – разсказываютъ, – приблизительно соблюдены». – Именно, приблизительно. Только отсутствіе генерала и г-жи Фуресъ длилось слишкомъ долго, чтобы приглашенные, оставшіеся за столомъ, могли сомневаться насчетъ действительнаго характера происшествія.

Сомненія стали еще менее возыожнн, когда увидели, что спешно меблируется домъ по соседству съ дворцомъ Эльфи-Бей, въ которомъ жилъ генералъ; г-жа Фуресъ только что успела поселиться въ немъ, какъ возвращается Фуресъ.

Охотникъ поднялъ паруса 28 декабря и на другой же денъ былъ захваченъ англійскимъ судномъ *Левъ*; у англичанъ, прекрасно осведомленныхъ о томъ, что происходило во французской арміи, хватило ехидства отпустить Фуреса, взявь съ

него слово, что онъ не будетъ служить во враждебной арміи, пока длится война.

Фуресъ, котораго Мармонъ тщетно старался удержать въ Александріи, пріехалъ въ Каиръ совершенно взбешенный и заставилъ свою супругу жестоко поплатиться за все волъности, которыя она себе позволила. «Чтобы избавиться отъ его вспышекъ», г-жа Фуресъ потребовала развода, который и былъ объявленъ въ присутствіи военнаго комиссара при арміи. По возвращеніи изъ экспедиціи въ Сирію, мужъ былъ снова уполномоченъ отправиться во Францію, и морскому комиссару былъ посланъ спешный приказъ облегчить ему путешествіе.

После своего развода г-жа Фуресъ, – которая снова приняла свою прежнюю фамилію Белиль, а въ арміи, какъ прежде въ Каркассоне, была известна только подъ красивымъ именемъ Белилотъ, – держала себя совершенно открыто какъ фаворитка. Она роскошно одевалась, обставила себя съ невероятной пышностью, угощала у себя обедами генераловъ, съ придворными почестями принимала армейскихъ франпуженокъ, на прогулкахъ или каталась съ Бонапартомъ въ карете, у портьеры которой скакалъ дежурный адъютантъ – Евгеній Богарне, наравне съ другими – или гарцовала въ генеральской форме, въ треуголке, на арабской лошади, обученной для нея. «Вотъ наша генеральша», – говорили солдаты. Остряки называли ее *Кліупатрой*.

На шее, на длинной цепочке, она носила миніатюрный портретъ своего любовника. Это была открытая связь, никого, впрочемъ, не удивлявшая. При каждомъ генеральномъ штабе республиканскихъ армій можно было встретить, после 92 года, молодыхъ женщинъ въ мужскомъ платье, служащихъ иногда адъютантами, – напримеръ, девица де Фернигъ, – а чаще несущихъ иную службу – каковы Иллирина де Моранси, Ида Сенть-Эльмъ и многія другія.

Мужской костюмъ былъ тогда необходимъ въ гардеробе женщины, живущей свободно, и обычай привозить съ собой на войну любовницу или даже жену укоренился среди генераловъ такъ глубоко, что въ теченіе испанскихъ походовь вплоть до конца Имперіи ни одинъ изъ нихъ не отступилъ отъ этого обычая. Примеръ: Массена въ 1810–1811 г. Евгенія, впрочемъ, сердили немного эти прогулки, но онъ остался все-таки адъютантомъ при своемъ отчиме и только былъ освобожденъ отъ участія въ кавалькадахъ.

Бонапартъ былъ такъ влюбленъ въ Белилотъ, что не скрывалъ отъ нея намеренія развестись съ Жозефиной и жениться на ней, – на ученице изъ мастерской каркассонской модистки, – если

только она родитъ ему ребенка. Но – вотъ беда! «Глупенькая не умеетъ этого сделать», – говоритъ онъ съ досадой. Темъ, кто передавалъ ей эти слова, она отвечала: «Право же, я тутъ не при чемъ!"

Во время экспедиціи въ Сирію, она оставалась въ Каире и Бонапартъ писалъ ей самыя нежныя письма. По возвращеніи, после Абукира, отправляясь на судне Muiron во Францію, генералъ приказалъ, чтобы бывшая г-жа Фуресъ пріехала къ нему какъ можно скорее, на первомъ же судне, которое будетъ готово. Онъ оставилъ ей тысячу луидоровъ на путешествіе.

Клеберъ посмотрелъ на это дело иначе. Преемникъ Бонапарта въ командованіи арміей, онъ смотрелъ, несомненно, на обладаніе Белилотъ, какъ на одну изъ прерогативъ главнокомандующаго и всеми средствами препятствовалъ ея отъезду.

Наконецъ, онъ решилъ отправить ее къ Мену, коменданту Розеты, съ рекомендательнымъ письмомъ, гласившимъ:

> Каиръ, 9 вандеміера VIII г.
>
> Это письмо передастъ вамъ, дорогой генералъ, гражданка Форе; она желаетъ переехать во Францію, соединиться съ героемъ, любовникомъ, котораго она потеряла изъ виду, и, разсчитывая на вашу обязательную любезность, надеется, что вы дадите ей возможность сделать это путешествіе какъ можно скорее и въ подходящей компаніи; обо всемъ этомъ она сумеетъ попросить васъ лучше, чемъ я.
>
> Сердечно приветствую васъ,
>
> Клеберъ.

Мену ответилъ 18-го.:

> «Дорогой генералъ, красотка пріехала, но я ее не виделъ. Я окажу ей, и не видя ея, все услуги, которыя будутъ въ моей власти, лишь-бы только не вышло какихъ-нибудь осложненій съ ея мужемъ. Я давно уже знаю, и на собственномъ опыте убедился, что ни къ чему хорошему не приводитъ, когда вмешиваешься въ подобныя дела. Будьте уверены, что объ этомъ деле заговорятъ во Фращіи; *человекъ, о которомъ идетъ речь*, имеетъ много враговъ, и въ Законодательномъ Корпусе найдется кто-нибудь, чтобы произнести объ этомъ любовномъ похожденіи, по крайней мере, двухчасовую речь. Вы, конечно, представляете себе, что могутъ сказать объ этомъ тамъ! Намъ, *маленькимъ людямъ*. здорово достанется, если мы какъ-нибудь впутаемся въ

эту драку».

Какъ видимъ, для Мену очень мало значилъ этотъ «Человекъ, о которомъ идетъ речъ». Ровно черезъ месяцъ после этого онъ написалъ бы иначе. Наконецъ, какъ говорятъ, благодаря Деменету, г-же Фуресъ удалось сесть вместе съ Жюно и несколькими учеными, членами экспедиціи, – Рижель, Ляломанъ, Корансезъ-сынъ – на нейтральный корабль *Америка*. Но, несмотря на нейтральный флагъ, *Америка* была захвачена англичанами.

Белилотъ попала въ пленъ, затемъ была освобождена, и, наконецъ, доставлена во Францію. Она пріезжаетъ туда, когда все уже кончено; произошло примиреніе между Жозефиноп и Бонапартомъ, и 18-ое брюмера сделало ея любовника первымъ сановникомъ Республики, человекомъ, который долженъ всемъ давать примеръ достойной жизни и строгихъ нравовъ.

Утверждаютъ, что онъ запретилъ тогда Белилотъ пріезжать въ Парижъ. Она не преминула. впрочемъ, показываться съ пріятелями и во французскомъ, и въ другихъ театрахъ. Но консулъ отказался принять ее.

Но зато онъ щедръ былъ на деньги: онъ даетъ ей каждый годъ и каждый разъ, когда она проситъ. Въ 1811 г., 11 марта, онъ даритъ ей изъ Театральной Кассы еще 60,000 франковъ. Онъ покупаетъ для нея дачный домъ въ окрестностяхъ Парижа и принимаетъ участіе въ ея браке съ однимъ очень страннымъ и мало разборчивымъ господиномъ – Анри де Раншу, бывшимъ пехотнымъ офицеромъ.

Свадьба происходитъ въ Бельвиле въ 1800 г. И мужъ, приключенія котораго заслуживаютъ быть разсказанными,[11] настолько они занимательны, назначается 11 брюмера X г. (19 октября 1801 г.) помощниковъ комиссара по торговымъ сношеніямъ въ Сантандере. Черезъ три года онъ назначается тамъ же на штатное место. Въ 1807 г. онъ переведенъ въ Кареагенъ. Г-жа де Раншу протестуетъ противъ этого перемещенія въ любопытномъ письме, адресованномъ Талейрану. «Въ Кареагене, – пишетъ она, – климатъ еще хуже, чемъ въ Сантандере». Она сильно безпокоится о здоровье своего мужа. Ея здоровье также плохо. Она просить предоставить ея мужу тамъ же место генеральнаго консула; переездъ былъ бы для нихъ очень обременителенъ и они не смогутъ жить прилично въ Кареагене, такъ-какъ вынуждены довольствоваться жалованьемъ, причитающимся имъ по должности. Императоръ не откажетъ ей въ этой милости – *первой, о которой она проситъ*. Талейранъ ничего не ответилъ, и Белилоть обращается прямо къ Императору, умоляя его исполнить *последнюю просьбу*, съ

которой она обращается къ нему: дать мужу должность генеральнаго консула въ Данциге или Гамбурге. Эта последняя просьба – отъ сентября 1807 г.; только 27 іюня 1810 г. Раншу получаетъ место консула въ Готембурге.

Жена его не последовала за нимъ, поселилась въ Париже и, повидимому, очень мало думаетъ о переезде въ Швецію.

Она занимаетъ прекрасную квартиру въ улице Наполеонъ, живетъ на барскую ногу, тратитъ деньги направо и налево, безумно отдается светской жизни, удовольствіямъ, порхаетъ по баламъ, спектаклямъ, моднымъ гуляньямъ, принимаетъ у себя многихъ русскихъ, между прочимъ, Чернышева, Нарьппкина, Демидова, Тетенборна, хотя не пренебрегаетъ при этомъ и французами. Любовникомъ ея состоитъ въ 1811 г. майоръ Поленъ, адъютантъ Бертрана, и почти въ то-же самое время – Пейрюссъ, братъ кассира государственнаго Казначейства. Это не мешаетъ ей бегать за Императоромъ, ловить его взглядъь ждать его улыбки. На всехъ публичныхъ зрелищахъ, на которыхъ можно ждать его появленія, она помещается въ первомъ ряду, устраиваетъ такъ, что ее приглашаютъ на все маскарадные балы, на которыхъ можно надеяться встретить его. Однажды вечеромъ, на одяомъ изъ этихъ баловъ, она узнаетъ его, хотя на немъ было домино серо-железнаго цвета, заговариваетъ съ нимъ, кокетничаетъ, и по одному слову, которое онъ ей сказалъ, или которое можетъ быть только ей послышалось, решаетъ, что ей удалось разбудить въ немъ воспоминаніе о прошломъ. «Описать то радостное состояніе, въ которомъ я ее нашелъ на другой день, – не въ моей власти», – пишетъ Поленъ. Кто знаетъ? Можетъ-быть, именно на другой день онъ послалъ ей 60.000 франковъ.

Поленъ, украшенный эполетами съ крупными кистями, которыя добыла ему Белилотъ, уезжаетъ въ Иллирію, а она беретъ себе другого любовника, двухъ другихъ любовниковъ. Одинъ изъ нихъ, Реверонъ Сенъ-Сиръ, помогалъ ей въ составленіи романа, который она решила написать, названіе этого романа – Lord Wentworth, и корректуру она посылаетъ Полену, чтобы развлечь его; друіой – корсиканецъ Лепиди, адъютантъ герцога Падуанскаго, хорошенькій, какъ ангелъ, но довольно глупый. «Люблю красивыхъ животныхъ», – говоритъ она.[12]

Но вотъ Раншу, который, ничего не замечая, позволилъ побывать у себя целому полку, раскрываетъ, наконецъ, все и ссылаетъ добродетельную супругу въ Крапоянъ, въ домъ одного нотаріуса, у котораго снялъ для нея комнату. Тамъ она выставляетъ себя жертвой Наполеояа, выдаетъ себя за фрейлину Императрицы, живетъ съ одной прислугой и забавляется темъ, что удивляетъ местное общество своимъ поведеніемъ. Она

усаживается читать газеты передъ домомъ, въ которомъ живетъ, куритъ у окна своей комнаты, водитъ съ собою на прогулку болыпую собаку съ шелковистою шерстью, которую беретъ съ собою даже въ церковь. Нетъ такой эксцентричности, которой она не позволила бы себе. Все это кончается полнымъ прекращеніемъ сожительства и разделомъ имущества и, темъ самымъ. она лишается пристанища, туалетовъ и денегъ.

Последнія она находитъ, впрочемъ, въ достаточномъ количестве, чтобы пріехать въ 1813 г. въ Верону къ Полену, который въ одинъ прекрасный день, во время болыпого смотра, получаетъ таинственную записочку, уведомляющую его о ея пріезде. Ихъ жизнь полна восторженной, пылкой любви, но вскоре Полену приходится сопровождать своего генерала въ германскую армію. Г-жа де Раншу возвращается тогда въ Парижъ и хотя и поддерживаетъ, повидимому, наилучшія отношенія съ братьями Пейрюссъ и съ некоторыми изъ ихъ друзей, ее видятъ въ то-же время въ модныхъ клубахъ. Она бываетъ у баронессы Жираръ, у графини Оюси, у баронессы Буайе. Дело въ томъ, что она очень умна и очень привлекательна и нравится женщинамъ такъ же, какъ и мужчинамъ. Она выпустила у Dolone свой романъ Lord Wontworth и сразу прослыла писательницей.

Она также рисуетъ и недурно, какъ можно судить по мило исполненному портрету, на которомъ она изобразила себя обрывающей маргаритку: странная мысль, потому что, если она ищетъ *страстно,* то находитъ *нисколъко.* Но если одна маргаритка оборвана, то лужокъ еще целъ. Она прелестна на этомъ портрете – съ живымъ лицомъ, немножко полноватымъ – немножко лицомъ модистки, – но очень свежимъ и эффектнымъ подъ белокуро-пепельными волосами, заплетенными и завитыми по-детски; съ большими светло-голубыми глазами, деланно-целомудренными, на манеръ *Разбитыхъ вазъ,* глазами, которымъ черныя какъ смоль брови придаютъ какой-то особенный блескъ; съ нежнымъ и привлекательнымъ теломъ, съ поистине прекрасными руками; все это въ целомъ очень мило, очень пріятно, и свежестью, эффектностью, граціей покрывается то. чего не хватаетъ въ смысле благородства.

Следуетъ упомянуть еще, что ея волосы, будучи распущены, могутъ покрыть ее совершенно всю, могутъ служить ей королевской[13] мантіей, когда Нашествіе вновь приведетъ въ Парижъ ея друзей – русскихъ. Она, повидимому, хорошо жила эти два года, 1814 и 1815-ый, но къ 1816 г. начинается нужда, потом – почти нищета. Тогда она распродаетъ свою обстановку, очень дорогую. уезжаетъ въ Бразилію съ некіимъ Жаномъ-Августомъ Белляромъ, отставнымъ офицеромъ гвардіи. Въ Париже ходятъ

слухи, что деньги, реализованныя отъ продажи имущества, она собирается употребить на то, чтобы завязать сношенія со Святой Еленой и устроить Наполеону побегъ. Но она и не думаетъ объ этомъ, Императоръ внушаетъ ей отвращеніе, она выставляетъ на видъ свои крайне белыя убежденія. Когда г-жа Абрантесъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ объ этихъ слухахъ въ хвалебномъ тоне, г-жа де Раншу протестуетъ. Это можетъ повредитъ ей въ глазахъ поліціи, которая следитъ за ней, какъ за «старой подругой Бонапарта», и въ 1825 г., когда она возвращается съ Белляромъ, ни на минуту не упускаетъ ее изъ виду.

Утверждаютъ, что Белляръ, называющій себя полковникомъ, состоитъ ея любовникомъ уже пятнадцать летъ; что Полина имеетъ дочь приблизительно двадцати летъ, которую выдаетъ за m-lle де Лоншанъ, и себе также присваиваетъ имя Лоншанъ; что она ведетъ широкій образъ жизни и не водитъ знакомства съ подозрителъными людьми.

На деле, целью ея путешествій было, по-видимому, поправить свои дела. Она набираетъ съ собой множество всевозможныхъ дешевыхъ товаровъ, выменіваетъ ихъ въ Бразиліи на полисандру и аламу, возвращается съ запасомъ дерева. Продаетъ его, покупаетъ мебель, возвращается, чтобы продать ее, и такъ ездитъ взадъ и впередъ до 1837 г., когда обосновывается въ Париже. Она продолжаетъ писать, издаетъ новый романъ Une Châtelaine deXII-e siecle, и въ своей скромной квартире въ улице Виль – л'Эвекъ, окруженная обезьянами и птицами, живущими на свободе около нея, ведетъ до девяностодвухлетняго возраста (умерла она только 18 марта 1869 г.) такое существованіе, которому позавидовали бы многіе. Она вполне сохранила свои умственныя способности, пишетъ, рисуетъ, играетъ на арфе, скупаетъ картины, поддерживаетъ сношенія съ женщинами, съ которыми некогда была знакома, завязываетъ даже новыя дружескія связи – между прочимъ, съ m-lle Розой Бонэръ.

Ея художественный вкусъ виденъ по темъ довольно многочисленнымъ картинамъ, которыя она завещала музею въ Блуа (къ Блуа она была привязана благодаря своей подруге, баронессе Вимпфенъ). Много копій, много картинъ, причисляемыхъ, какъ говорятъ, къ школе Рафаеля, Тиціана, Леонарда, Буше; несколько полотенъ, приписываемыхъ Прюдону, несколько – Рейнольдсу. Тербургу, Жану Мелю, Карло Марати, Жора; две современныя картины: одна – Розы Бонэръ, другая – Контъ-Каликса; *Младенецъ Іисусъ* въ нескольких видахъ, *Цыгане, Венеры, Амуры, Психеи, Отшельники, Уроки на флейте* – ничего, что напоминало бы время, проведенное въ Египте и дворецъ

Элъфи-Бей, и человека, которымъ должна бы быть полна ея жизнь. Г-жа де Раншу – графиня де Раншу, какъ она себя называетъ, – передъ смертью сжигаетъ все письма, которыя писалъ ей генералъ Бонапартъ.

Она хотела, повидимому, уничтожить до последняго воспоминанія все, что касается этой любви, которая одна только и придаетъ ей некоторый интересъ въ глазахъ исторіи – этой очень юной, очень чувственной любви, въ которой еще не мало наивности, но въ которой проявляется уже, – ставшее съ техъ поръ такимъ повелительнымъ, – желаніе Бонапарта иметь ребенка, которого онъ могъ-бы сделать наследникомъ своего имени и своей славы.

VI. Прощеніе

Жозефина обедала въ Люксембурге, у президента Директоріи Гойе, когда пришло совершенно неожиданное для нея известіе, что Бонапартъ высадился во Фремю. Она какъ-бы забыла о существованіи Бонапарта, казалось, даже не думала, что онъ можетъ вернуться, устроила свою жизнь по своему вкусу и вела себя какъ вполне утешившаяся вдова.

Въ Египте мужъ подумывалъ уже о разводе, а во Франціи жена делала въ это время все необходимое для разрыва.

Разойдясь съ Баррасомъ, который болыне не могъ быть любовникомъ, вліяніе котораго, къ тому же, падало, а полномочія близились къ концу, она ухватилась за супруговъ Рёбелль въ такой степени, что готова была навязать имъ для ихъ сына свою дочь Гортензію; потомъ, когда Рёбелль, при государственномъ перевороте въ преріале VII г… палъ, она страстно привязалась къ супругамъ Гойе, какъ только Гойе вошелъ въ составъ правительства.

Этотъ буржуа изъ г. Реннъ, такъ кичившійся своими чистыми нравами и спартанской честностью, былъ министромъ юстиціи при Терроре и это онъ придумалъ те статьи закона, примененія которыхъ требовалъ потомъ Фукье-Тенвилль. Это былъ казуистъ гильотины. Ничто въ такой степени не придаетъ отпечатка строгости, какъ постоянная погоня за законностью: это – лицемеріе, потребное для того, чтобы прикрывать должностныя преступленія. И Гойе действительно слылъ за человека строгахъ нравовъ. Благодаря этому, онъ попалъ въ члены Директоріи, расположилъ къ себе Жозефину, которая посвящала вго въ свои любовныя дела; и Гойе, покровительствуя ей, советовалъ развестись и выйти замужъ за г. IIIарля. Разводъ – законенъ, освященъ Республикой и позволяетъ женщине, которая была любовницей кого-нибудь, стать его сожительницей.

Жозефина колебалась, почти сдаваясь. Пока что, она порвала отношенія со своими деверями, Жозефомъ и Люсьеномъ, а они въ еще большей степени порвали съ нею. Она могла быть уверена, что отъ нихъ не получитъ ничего, не получитъ даже денегъ, въ которыхъ она нуждалась и которыхъ ей всегда было мало. Имъ отъ нея нечего было ждать и если они ее терпели, пока генералъ былъ во Франціи, то теперь всеми силами старались выбросить ее изъ семьи, членомъ которой она ими никогда не признаваласъ. И она шла поэтому къ Гойе, который, какъ членъ правительства, могъ быть въ высшей степени полезенъ ей. Правда, Гойе былъ противникомъ Бонапартовъ; но чемъ враждебнее относился онъ

къ нимъ, темъ более подходящимъ человекомъ онъ былъ для Жозефины. Если завоеватель Египта вовсе не вернется, кто знаетъ, не придется ли ей попытать счастье въ этомъ направленіи; если онъ возвратится, то г-жа Гойе, – о которой никогда не говорили худого, потому что отъ сплетни она была защищена своей безвестностью, нравами, привычками, повадками мелкой, очень мелкой реннской буржуазки, – окажется прекраснымъ прикрытіемъ, покроетъ своимъ добрымъ именемъ двусмысленныя посещенія, подозрительную дружбу, многочисленныя любовныя связи.

Отношенія, такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ становились интимнее и какъ разъ во время семейнаго обеда на нихъ свалилась новость: Бонапартъ высадился и едетъ въ Парижъ. Какъ бы ни мчались курьеры, онъ едетъ, несомненно. следомъ за ними: не для того онъ нарушилъ карантинъ, чтобы задерживаться по дороге въ городахъ изъ-за торжественныхъ пріемовъ. Разсуждать, советоваться Жозефине некогда. Къ тому же ей остается одно – взять дерзостью, что она и делаетъ даже по отношенію къ Гойе, котораго хочетъ сделать своимъ вольнымъ или невольнымъ соучастникомъ: «Президентъ, – говоритъ она ему, – не думайте, что Бонапартъ едетъ сюда съ намереніями, пагубными для свободы; но мы должны объединиться и помешать всякимъ негодяямъ захватить его въ свои руки».

Гойе, несомненно, еще послужитъ ей, но сначала необходимо захватить Бонапарта. Жозефина требуетъ немедленно-же почтовыхъ лошадей. Она хочетъ лететь навстречу выходцу съ того света и, вместо всякихъ объясненій, пасть въ его объятья, разбудить въ немъ угасшую любовь, подчинить его себе, какъ любовнице, въехать въ его карете въ Парижъ, объ руку съ нимъ явиться въ улицу Шантерейнъ и вместе съ нимъ принять одураченныхъ Бонапартовъ, которые и на этотъ разъ не посмеютъ все ему разсказать, а если и вздумаютъ разсказывать, то Наполеонъ не станетъ ихъ слушать. Ни малейшихъ колебаній, никакихъ промедленій – какъ тогда, когда надо было ехать въ Италію; теперь съ ней нетъ ни Луизы Компуанъ, ни Фортюнэ, никакого багажа, и карета ея мчится по Бургундской дороге.

Бонапартъ едетъ черезъ Бурбоннэ и тогда какъ, торопя почтальоновъ, Жозефина пожираетъ глазами горизонтъ, ища на немъ ожидаемую карету, ея мужъ – уже въ улице Победы. Она спешитъ вернуться, но ей приходится ехать до Ліона, потому что две дороги, разделяющіяся у Фонтенебло, только тамъ соединяются. Уже три дня какъ Наполеонъ, – решившій порвать съ Жозефиной на основаніи того, что онъ узналъ въ Египте, – разспрашиваетъ своихъ братьевъ, сестеръ, мать. Никакихъ

сомненій относительно поведенія Жозефины въ Милане, относительно ея еще более предосудительной жизни въ теченіе последнихъ семнадцати месяцевъ. Повидимому; щадя либо Наполеона, либо ее, братья не говорятъ всего, что знаютъ; впрочемъ, всего они, вероятно, и не знаютъ; но того, что они разсказали. достаточно. Решеніе Наполеономъ принято, оно, повидимому, непреклонно к вся семья горячо одобряетъ его.

Тщетно друзья, которымъ онъ разсказываетъ о своихъ невзгодахъ, доказываютъ, что восторженный пріемъ, оказанный ему народомъ при его возвращеніи, обязываетъ его, требуетъ отъ него известныхъ действій; что нація уповаетъ на него, какъ на своего спасителя, и ждетъ отъ него не скандаловъ; что его первый долгъ – укрепитъ государство; что разрывъ съ женою можно отложить; что выставить себя обманутымъ мужемъ, значитъ съ первыхъ же шаговъ поставить себя въ смешное положеніе, а во Франціи смешное убиваетъ. Но все это не заботитъ Бонапарта: «Она уйдетъ, – говоритъ онъ: – что мне до того, что будутъ говорить? Поболтаютъ день-два, на третій – перестанутъ». Никакіе доводы не могутъ ни тронуть, ни смягчить его. Никакіе интересы, въ важности которыхъ его стараются убедить, не могутъ заглушить въ немъ справедливое негодованіе. Чтобы избежать встречи, которая могла, пожалуй, его растрогать, – потому что онъ знаетъ власть этой женщины надъ его чувствами, боится ея власти надъ его сердцемъ, – онъ оставляетъ у привратника ея вещи, драгоценности – все, что принадлежитъ ей; назначаетъ на следующій день свиданіе братьямъ, чтобы покончить съ формальностями, и, запершись въ своей комнате, въ первомъ этаже, – ждетъ.

Пріезжаетъ, наконецъ, Жозефина, совершенно потерявшая голову. Ей предстоитъ сыграть последнюю игру, которая на три четверти проиграна. Въ пути, быть можетъ, впервые въ жизни, она задумалась надъ своимъ положеніемъ, и весь ужасъ его внезапно всталъ передъ нею. Если ей не удастся увидеть его снова, завоевать его, куда она пойдетъ? Что будетъ съ нею? Забавы, вроде г-на Шарля, хороши на день, на месяцъ, на годъ. Какъ она могла быть такъ глупа – не потому, что взяла его въ любовники, а потому, что афишировалась съ нимъ! И это, и Баррасъ, и другіе, и война, объявленная ею Бонапартамъ, и долги, особенно долги!

У нея голова идетъ кругомъ. Не умея считать, постоянно покупая, никогда не платя, воображая, что уплачено все, когда отдана только ничтожная часть долга, она уже тащитъ за собою, какъ будетъ тащить въ теченіе всей Имперіи, до своего последняго часа, целый хвостъ кредиторовъ, которые постоянно толкаютъ ее на новые расходы, счета которыхъ она безъ конца

удлиняетъ, ни на минуту не задумываясь о срокахъ платежей. Когда наступаетъ срокъ уплаты, она плачетъ, рыдаетъ, теряетъ голову, придумываетъ самыя безразсудныя комбинаціи, клянется и Богомъ, и чортомъ, и разъ ей удалось выгадать хотя бы немного времени, считаетъ, что все спасено. Въ такомъ положеніи она находится въ данный моментъ. Однимъ только поставщикамъ она должна, какъ утверждаютъ, милліонъ двести тысячъ франковъ, что вполне возможно, такъ какъ это обычные размеры ея банкротствъ. Но есть нечто худшее, чего не знаютъ: она купила въ кантоне Гляббэ, въ департаменте Диль, на 1. 195.000 франковъ національныхъ имуществъ и две трети этой суммы должна уплатить она, – тогда какъ остальную треть взяла на себя ея тетка, г-жа Реноденъ, – теперь уже г-жа де Богарне, – у которой нетъ для этого ни единаго су. Она купила 2 флореаля VII г. у гражданина Лекутэля землю и именіе Мальмезонъ, обязуясь уплатить 225.000 франковъ за основное имущество, 37.516 франковъ за зеркала, мебель, домашнюю утварь и припасы и 9.111 франковъ пошлинъ. Въ счетъ этого долга она уплатила 37.516 франковъ причитавшихся за обстановку, «продавъ принадлежавшіе ей брильянты и драгоценности». Но остальное подлежитъ взысканію, а кто же заплатитъ?

Несомненно, она можетъ сказать, что генералъ, посетивший Мальмезонъ до своего отъезда въ Египетъ, предлагалъ 250.000 франковъ за самое именіе – приблизительно ту сумму, въ какой обязалась и она. Но после того, какъ онъ виделъ Мальмезонъ, Бонапартъ виделъ Ри, ему очень понравилась мысль купить этотъ замокъ, а потомъ онъ увлекся какимъ-то именіемъ въ Бургундіи. Къ тому же, онъ не далъ ей никакихъ полномочій покупать отъ его имени. Деньги онъ довериль своему брату Жозефу; черезъ Жозефа же онъ выплачивалъ Жозефине ея годовую пенсію въ 40.000 франковъ; о своихъ проектахъ онъ сообщалъ только Жозефу; потому что за все это время не было изъ Египта ни единаго письма отъ него къ жене. Если Жозефъ и выпустилъ изъ рукъ 15.000 франковъ для внесенія задатка Лекутэлю, то квитанція, отъ 17 мессидора VII г., написана на имя генерала, и Жозефина должна эти 15.000 франковъ, потому что она сама пожелала заключить бракъ на основе раздельнаго владенія.

Ничто не принадлежитъ ей, даже отель въ улице Победы; онъ былъ купленъ на деньга Бонапарта. Ей остаются ея драгоценности, собранныя въ Италіи, которыя она любитъ показывать и которыя, по отзывамъ современницы, достойны фигурировать въ сказкахъ *Тысяча и одна ночь:* ей остаются еще картины, статуи и старинныя вещи – военная добыча ея похода. Но что это – въ сравненіи съ темъ, что она должна? Что это – въ

сравненіи съ темъ, чего она лишается?

И вотъ она – на мостовой, а возрастъ ея уже яе тотъ, когда можно разсчитывать на удачу. Годы наложили печать на кожу, испорченную притираніями. Талія все еще изящна и гибка, но лицо портится. Креолка, въ шестнадцать летъ уже замужемъ, въ двенадцать – уже созревшая (Терсье разсказываетъ, что ухаживалъ за нею около 1776 или 1778 г.), она выглядитъ гораздо старше, чемъ женщины того же возраста въ нашемъ климате, въ тридцать семь летъ она уже почти старуха. Следовательно, если она проиграетъ, – спасенья нетъ; и тогда, понявъ вдругъ, что передъ нею пропасть, она цепляется, какъ за последнюю надежду, за то, что увидевъ ее, Наполеонъ, можетъ быть, умилостивится.

Она проникла въ отель, но ей нужно теперь прорваться въ комнату Бонапарта. Передъ дверью, въ которую она тщетно стучалась, она склоняется на колени; слышатся ея стоны и рыданія.

Онъ не отпираетъ. Эта сцена длится много часовъ, целый день. Онъ не отвечаетъ. Наконецъ. Жозефина, изумленная, готова покориться, уйти, уехать; но ея горничная, Агата Рибль, приводитъ ее снова къ запертой двери, бежитъ за детьми – Евгеніемъ и Гортензіей, – и стоя вместе съ своею матерью на коленяхъ, они тоже начинаютъ умолять его. Дверь открывается, появляется Бонапартъ съ протянутыми руками, безмолвный, съ глазами, полными слезъ, съ лицомъ, искаженнымъ долгой и жестокой борьбой съ собственнымъ сердцемъ.

Это – прощеніе, и не то прощеніе, о которомъ нотомъ сожалеютъ, которое не мешаетъ возвращаться къ прошлому, пользоваться имъ, какъ оружіемъ; нетъ, это прощеніе, полное великодушія, прощеніе окотчательное, забвеніе всехъ совершенныхъ ошибокъ; это – всепрощеніе. Бонапартъ обладаетъ изумительной способностью уметь не вспоминать и, разъ онъ вернулъ свое доверіе, считатъ небывшими ошибки или преступленія, которыя ему угодно было оставшъ безъ наказанія, выбросить изъ своей непоколебимой памяти. Онъ не только прощаетъ свою жену; онъ – добродетель более редкая – относится съ полнымъ пренебреженіямъ къ ея сообщникамъ. «Никогда онъ не лишилъ никого изъ нихъ ни жизни, ни свободы». Онъ не сделалъ ничего. что могло бы повредить имъ; темъ не менее, встречая кого-нибудь изъ нихъ, онъ внезапно бледнелъ.

Это не ихъ вина, – онъ это признаетъ, – а его. Онъ плохо стерегъ свою жену! Въ гаремъ могъ пробраться мужчина. Онъ *долженъ* былъ быть настойчивъ. Этого требуетъ его полъ; женщина должна была пасть это предопределено ея природой. Если женщина не любима, надо ее удалить, разойтись съ нею;

если она еще любима, остается только простить ее и снова взять къ себе. А упреки – къ чему они? Передъ лицомъ факта Бонапартъ безоруженъ: онъ принимаетъ его и подчиняется ему. Онъ покоряется обстоятельствамъ, мирясь съ недостатками людей; онъ не требуетъ отъ женщинъ девственности или даже целомудрія, которыхъ у нихъ уже нетъ. Эта черта въ его характере быть можетъ менее французская, чемъ восточная, но это – такъ. Но только отныне онъ будетъ принимать свои меры и, зная – или, вернее, думая, что знаетъ, – что такое женская нравственность и женская добродетель, возведетъ въ основное правило: никогда ни одинъ мужчина не долженъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, оставаться наедине съ его женой; его жена должна охраняться, быть подъ надзоромъ день и ночь. Это – основное условіе его супружеской безопасности; и если онъ не применяетъ строго этого правила къ Жозефине, отъ которой не разсчитываетъ уже иметь детей, то мы увидимъ, какъ онъ будетъ придерживаться его со второй своей женой.

Жозефина торжествуетъ, она торжествуетъ надъ Бонапартами, которые всегда были противъ этого брака, желали разрыва, подготовляли и почти добились его. Она заставляетъ и Наполеона участвовать въ ея торжестве: когда на другой день после этой замечательной сцены и примиренія, рано утромъ, Люсьенъ, наиболее пылкій сторонникъ развода, является по вызову къ брату, его вводятъ въ спальню Жозефины, где Наполеонъ принимаетъ его, лежа еще въ постели.

Стоитъ-ли говорить о долгахъ, и можно ли представить себе, чтобы простивъ все то, что онъ простилъ, Наполеонъ остановился передъ деньгами? Онъ уплачиваетъ 21 брюмера 1.195.000 франковъ за национальныя имущества въ департаменте Диль, которыя впоследствіи послужатъ приданымъ Маріи-Аделаиде, – она же Адель, – побочной дочери покойнаго г. де Богарне, когда Жозефина выдастъ ее замужъ 8 фримера XIII г. за Франсуа-Мишеля-Августина Леконта, пехотнаго капитана, назначеннаго по этому случаю окружнымъ сборщикомъ въ Сарля. Онъ уплачиваетъ долгъ, следуемый за Мальмезонъ, – 225.000 франковъ – пустяки; онъ уплачиваетъ 1.200.000 франковъ поставщикамъ, но предусмотрительно собираетъ все счета, прюсазываетъ привести ихъ въ порядокъ и, благодаря этому, вычтя стоимость предметовъ недоставленныхъ и понизивъ некоторыя слйшкомъ высокія цены, отделывается половиной: 600.000 франковъ ровнымъ счетомъ.

Этого было бы, несомненно, достаточно, чтобы заставитъ Жозефину задуматься, если она вообще на это способна: мужъ, который такъ уплачиваетъ более двухъ милліоновъ долговъ, – это такой содержатель, какого не легко найти и который

заслуживаетъ, чтобы для него кое-чемъ пожертвовать. Жозефина это сделаетъ и ея *видимое* поведеніе до развода не дастъ ея противникамъ повода для нареканій. Она слишкомъ боится потерять свое *положеніе,* какъ она выражается.

Что касается Гойе, то имъ она доказала свою признательность. 17 брюмера, вечеромъ, она пригласила ихъ на 18-е утромъ завтракать и, когда Гойе не явился, она убеждала г-жу Гойе уговорить мужа принять видное место въ новомъ правительстве. Гойе, верный своимъ строгимъ нравамъ, съ негодованіемъ отказывается; но поупрямившись два года, онъ обращается все-таки съ просьбой къ Первому Консулу, и Жозефина добивается для него должности генеральнаго комиссара въ Амстердаме, где ему такъ понравилось, что онъ провелъ тамъ десять летъ и провелъ бы всю жизнь, если бы должность не была въ 1820 году упразднена. Тогда онъ, какъ разсказываютъ, отказался ехать въ Нью-Іоркъ, но принялъ хорошую пенсію, которая уплачивалась ему въ теченіе всей Реставраціи. Онъ былъ темъ не менее добродетельнымъ республиканцемъ и согласно его воли, ему были устроены гражданскія похороны.

VII. Грассини

Бонапартъ могъ простить; онъ могъ заставить себя забыть, но онъ не можетъ въ VIII году быть такимъ же, какимъ онъ былъ при первой встрече съ Жозефиной, когда онъ, съ его неопытностью въ любви и светской жизни, съ его только что пробуждающиьшся чувствами, съ его цельнымъ характеромъ, былъ совершенно опьяненъ обладаніем любимой женщиной и женщиной светской. Съ г-жей Фуресъ онъ наслаждался цветомъ юности, ни съ чемъ несравнимой свежестью восемнадцати летъ и сравненіе постоянно у него на уме. Ему понравилось разнообразіе и онъ уже не хочетъ и не можетъ быть вернымъ мужемъ.

Онъ желалъ бы, чтобы Жозефина была для него отныне не столько любовницей, сколько другомъ, нестолъко супругой, сколько наперсницей – женщиной, способной дать добрый советъ, которой онъ могъ бы вечеромъ, въ минуты откровенности, высказать волнующія его думы, отъ которой могъ бы узяать, что творится въ свете, все еще мало ему знакомомъ; внимателъной, нежной сиделкой, которая, въ случае болезни, окружала бы его ласковой, почти материнской заботливостью, выслушивала, жалела, баюкала, на колени которой онъ склонялъ бы свою усталую голову, а она ласкала бы его своими нежными и мягкими руками, какъ ребенка.

А ночью иногда она была бы еще и супругой и даже любовницей, потому что и теперь, и всегда она будетъ для него самой желанной, но любовницей, съ которой ему не приходилось бы ни стеснять, ни приневоливать себя; которая, не выказывая скуки, выслушива ла бы его жалобы и переносила бы его шутки; всегда была бы готова съ бодрымъ видомъ переносить путешествія, походы, вечную перемену местъ; всегда ждала бы его и никогда его не заставляла бы ждать; не деля съ нимъ его лихорадочной деятельности, была бы ему безпрекословной помощнщей во всемъ, что онъ вздумаетъ предпринять; ездила бы вместе съ нимъ въ карете, въ которой онъ любитъ мчаться во весь карьеръ; игралабы въ бары, – сопровождала бы его на охоту; посещала бы съ нимъ театры, всегда съ улыбкой на губахъ, всегда съ лаской въ голосе.

Наконецъ, Жозефине онъ отводитъ особую роль и въ своихъ политическихъ планахъ. Франціи, которую онъ претендуетъ перестроить, не достаетъ двухъ изъ ея основныхъ элементовъ: дворянства и духовенства. Онъ берется самъ присоединить последнее; онъ разсчитываетъ, что жена его привлечетъ первое. Совершенно не считаясь съ той таинственной іерархіей, которой

подчинено было старое французское общество, съ теми неуловимыми оттенками, которыми отличались одна отъ другой его группы, и непроходимыми пропастями, ихъ разделявшими, онъ смотритъ на это общество, какъ на нечто цельное: Жозефина, – думается ему, – вышла изъ этого общества, она сможетъ привлечь его къ нему; по отношенію къ. эмигрантамъ, придворнымъ или дворянамъ, по отношенію ко всемъ, принадлежавшимъ къ свету, она будетъ естественной и наиболее подходящей посредницей: она будетъ разсыпать вокругъ себя благодеянія, расточать милости, возстановлять нарушенную справедливость, она привлечетъ мало-по-малу изъ враждебнаго лагеря всехъ дезертировъ, возврата которыхъ на родину желаетъ Бонапартъ, а позже послужитъ связью между темъ, что осталось отъ стараго строя, и темъ изъ новаго, что уже создалось.

Несомненно, роль прекрасяая и вполне по ней. Жозефина обладаетъ непринужденностью, учтивостью, изяществомъ, необходимыми, чтобы игратъ эту роль; она обладаетъ необычайнымъ даромъ сказать во-время и кстати нужную любезность; щедростью, уменіемъ мило преподнести подарокъ, очень приветливо принять, способностью вращаться въ любой среде, совершенно свободно въ ней держаться. Но въ сущности говоря, у нея нетъ техъ связей, которыя предполагаетъ за нею Бонапартъ: те, которыня она завязала во времена Революціи, не могутъ служить ему и. прияесли бы только вредъ новому правительству, не порви съ ними консулъ въ первый же день.

Вначале она была очень одинока; но по мере того, какъ Бонапартъ возвышается, перегородки падаютъ, оттенки сглаживаются, разгораются честолюбія. Среди эмиграціи, какъ и въ Париже. каждый старается выискивать, не имелъ-ли онъ хотя бы отдаленнаго касательства къ этимъ Богарне или къ этимъ Таше; собираются справки объ отдаленныхъ родственныхъ связяхъ, которыя до техъ поръ не признавались; пользуются подчиненными, бывшими слугами, и вскоре образуется потокъ, несущій весь нуждающійся и клянчащій старый светъ либо къ желтому салону въ Тюильери, либо къ штукатуренному салону въ Мальмезоне.

Не следуетъ думать, что потокъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ Жозефине, тому, что она – урожденная Таше и бывшая Богарне; онъ существуетъ исключительно потому, что Бонапартъ связалъ Жозефину съ своей судьбой. Къ ней идутъ потому, что она – г-жа Бонапартъ и близка къ владыке; къ ней шли бы, каковы бы ни были ея имя, происхожденіе и прошлое, единственно потому, что она сателлитъ планеты, света которой жаждутъ. Между темъ Жозефина, быть можетъ и искренно,

приписываетъ своимъ личнымъ заслугамъ значительную долю этого движенія; она увѣряетъ Бонапарта, что оказываетъ ему въ этой области неоцѣнимыя услуги и, – что всего страннее, – ей удается въ этомъ увѣрить его. Онъ убѣжденъ, что самъ завоевалъ ду-ховенство, онъ можетъ вѣрить, что жена завоевываетъ ему дворянство.

Какая женщина не удовольствовалась бы такимъ почетнымъ положеніемъ, какая женщина не была бы удовлетворена подобными миссіями, такими разнообразными и въ то же время важными? Не имѣлъ ли Консулъ основаніе думать, что отныне Жозефина, памятуя о прощеняыхъ ей измѣнахъ и будучи благодарна за это прощеніе, понимая, съ годами, разницу ихъ лѣтъ, снисходя къ его слабостямъ, которыя не чужды были и ей, – не будетъ обращать вниманія на его прихоти, которыя не могли подрывать ни ея положеніе, ни его привязанность къ ней и которыя, – въ виду того, что Бонапартъ очень боялся огласки и понималъ, чемъ обязанъ самому себе, – должны были навсегда остаться тайной?

Но Жозефина смотритъ на дѣло совершенно иначе. Не потому, что у нея снова возникло физическое влеченіе къ мужу или что восхищеніе имъ и благодарность къ нему зародили въ ней нежную и глубокую духовную любовь, переходящую въ безумяую ревность; она думаетъ только о себѣ, о своемъ *положеніи;* она думаетъ, что есди Бонапартъ станетъ физически равнодушенъ къ ней, то разведется съ нею. И она живетъ среди ужасовъ, въ постоянной тревогѣ, слѣдуетъ за нимъ сама, заставляетъ другихъ слѣдить за нимъ, опускается до шпіонства, надоѣдаетъ ему сценами, слезами, нервными припадками; откровенничаетъ со всѣми окружающими и, за отсутствіемъ фактовъ, выдаетъ за подлинную дѣйствительность картины разврата, созданныя ея собственымъ воображеніемъ, увѣряя, что сама ихъ видѣла, клянясь, когда надо, что оне – сама правда.

Между тѣмъ, первыя любовныя похожденія Консула вовсе не опасны. Въ Миланѣ, на другой день или черезъ день после тріумфальнаго въѣзда туда, 14 или 15 преріаля, былъ импровизированъ концертъ, на которомъ, въ его присутствіи, пели самые известные въ Италіи артисты – Маркези и Грассини. Последней – двадцать семь лѣтъ (она родилась въ Варезе въ 1773 г.); физически она уже не то, чемъ была два года тому назадъ, когда, восхищенная Наполеономъ, тщетно пыталась въ этомъ же Миланѣ привлечь его вниманіе и отбить его у Жозефины.

Она уже несколько толста и тяжеловата; крупное лицо съ резко-выраженными чертами, съ черными, какъ уголь, бровями,

съ густыми черными волосами, еще более пополнело. Красота, несомненно, еще осталась, но та, которая встречается въ Италіи на каждомъ шагу: огненные глаза, темная кожа, внешность, – кажется, впрочемъ, обманчивая, – женщины, способной сильно любить. Она имела множество любовниковъ, но не изъ корыстныхъ побужденій, – ибо она совершенно не продажна, – а потому, что и она, и они просто ошибались другъ въ друге. Среди нихъ нетъ ни одного, котораго она не объявляла бы «ангеломъ» въ тотъ день, когда сходилась съ нимъ, но ея «медовые месяцы» никогда не бывали продолжительнее одной недели.

Если красота Грассини уже въ періоде упадка, то ничто не можетъ сравниться съ чистотой и выразительностью ея голоса, и ея талантъ – въ полномъ расцвете. Она не принадлежитъ къ числу хорошихъ знатоковъ музыки, малодумала о принципахъ искусства, но она – само искусство. Ея голосъ, контральто, способный волновать, какъ ничей другой, одинаково сильный и чистый на всехъ нотахъ, самъ по себе – гармонія.

Слушая ее, слышишь не певицу, а музу. Никто не фразируетъ такъ, какъ она, никто такъ не хорошь въ *серьезной* опере (въ опере-буффъ она слаба), ни у кого нетъ такого трагическаго размаха, какъ у нея, и никто не умеетъ, какъ она, потрясти театралъный залъ. Бонапартъ, начиная съ этого момента, и потомъ въ теченіе всей своей жизни – безконечно любитъ музыку, особенно музыку вокальную. Изъ всехъ видовъ искусства это – одинственный, который ему лично особенно нравится. Другимъ видамъ онъ покровительствуетъ изъ политическихъ соображеній, изъ страсти ко всему грандіозному и изъ желанія обезсмертить себя: что касается музыки, то ею онъ наслаждается сильно и глубоко, любитъ ее для нея самой за те ощущенія, которыя она ему даетъ. Она успокаиваетъ его нервы, убаюкиваетъ его сладкими грезами, разгоняетъ тоску, воспламеняетъ сердце.

Не важно, что онъ поетъ фальшиво, плохо запоминаетъ мотивы и совершенно не знаетъ нотъ. Музыка волнуетъ его настолько, что онъ теряетъ надъ собою власть, теряетъ въ такой степени, что жалуетъ орденъ Железной Короны сопранисту Крешгентини. Она была ему ближе, чемъ многимъ, претендующимъ на званіе знатоковъ музыки.

Грассини, какъ женщина, соблазняетъ его гораздо меньше, чемъ певица. Она готова ему отдаться, она ждала уже два года: можно судить по этому, продолжительно ли было сопротивленіе. На другой день после концерта она завтракала въ комнате Консула съ Бертье въ качестве третъяго лица, и на этомъ утреннемъ завтраке было условлено, что она поедетъ въ Парижъ раньше Бонапарта и что ей устроятъ ангажементъ въ театре

Республики и Искусствъ.

Пріездъ ея былъ известнымъ образомъ обставленъ; о немъ даже сообщено было въ 4-мъ Бюллетене Итальянской Арміи – для того, несомненно, чтобы у Жозефины не возникли какія-нибудь подозренія. «Главнокомандующій (Бертье) и Первый Консулъ, – было сказано тамъ, – присутствовали на концерте, который хотя и былъ импровизованъ, но сошелъ очень удачно. Итальянское пеніе имеетъ всегда прелесть новизны. Знаменитая Биллингтонъ, *Грассини* и Маркези ожидаются въ Милане. *Уверяютъ, что оне направляются въ Парижъ и выступятъ тамъ въ концертахъ».*

Хитрость несколько грубоватая; но какія мъ ры предосторожностй принимаетъ Бонапартъ въ этомъ Бюллетене, – предназначенномъ на деле только для Жозефины, – чтобы скрыть свою неверность! Какъ онъ утаиваетъ даты, какъ маскируетъ именемъ Биллингтонъ то имя, которое одно только имеетъ для него значеніе!

Въ Милане все эти дни, до и после Маренго, все свободные часы, которыми онъ можетъ располагать, онъ проводитъ, слушая Грассини.

Этотъ чудесный голосъ преследуетъ его; онъ считаетъ его однимъ изъ самыхъ замечательныхъ трофеевъ своей кампаніи; онъ желаетъ, чтобы этотъ голосъ славилъ его торжество и воспевалъ его победу. Онъ желаетъ, чтобы по случаю праздника 14-го іюля, праздника Согласія, Грассини пріехала въ Парижъ, чтобы она пела съ теноромъ Бьянки дуэгь на итальянскомъ языке, въ виду чего Министру Внутреннихъ Делъ было предписано безотлагательно заказать пьесу на тему объ «освобожденіи Цизальпинской Галліи и славе нашего оружія – хорошую пьесу на итальянскомъ языке съ хорошей музыкой».

Черевъ двадцать три дня въ церкви Инвалидовъ, – храме Марса, декорированномъ съ большимъ благолепіемъ и болешой пышностъю, торжественно собрана вся официальная Франція, и когда Первый Консулъ занялъ место на эстраде, Грассини поетъ свой дуэтъ съ Бьянки, – вернее, свои дуэты, потому что они спели по-итальянски одинъ за другимъ два дуэта, – и Moniteur говорить объ ихъ пеніи: «Кто могъ прославитъ *Маренго* лучше техъ, чьи покой и благосостояніе обезпечиваетъ это событіе?»

Со стороны Бонапарта было немного дерзко давать своей любовнице петь на этомъ официальномъ празднике, и если бы относительно ихъ связи возникло подозреніе, то по этому поводу не преминули бы, конечно, позлословить. Но, по-видимому, въ этотъ моментъ секрета не зналъ никто, даже Жозефина, удовлетворившаяся темъ, что было сказано въ Бюллетене. Впрочемъ, капризъ, – капризъ чувственный, по крайней мере, – не

долженъ былъ долго длиться. Передъ темъ, какъ покинуть Миланъ, Грассини, опьяненная успехомъ, котораго некогда ждала такъ тщетно, вообразила, что ей предстоитъ играть большую роль не только въ театре, но и въ политике. Она решила, что ея вліяніе теперь неограниченно, и такъ какъ отъ природы была доброй и услужливой, то тронулась въ путь, нагруженная порученіями я прошеніями соотечестренниковъ.

Но Бонапартъ не допускалъ, чгобы ему говорили о делахъ, когда ему угодно было говорить о любви. Больше того, онъ требовалъ, чтобы Грассини нигде не показывалась и жила затворницей въ маленькомъ домике въ улице Шантерейнъ. Это совсемъ не отвечало намереніямъ дамы, мечтавшей совершенно о другомъ образе жизни и объ афишировааіи на итальянскій манеръ, которое придало бы блескъ ея имени, ея личности и таланту. Такъ какъ она не была сильна по части верности и скучала до смерти, такъ какъ ей даже негде было петь, потому что ея убійственное произношеніе закрывало передъ ней двери Оперы, а въ XII г. въ Париже не было постоянной итальянской оперной труппы, то она взяла себе въ любовники скрипача Рода. Бонапартъ узналъ объ этомъ, порвалъ, конечно, съ ней, но, хотя Родъ и натерпелся страху изъ-за своей удачи, темъ не менее, ни онъ, ни Грассини нисколько не пострадали. Два раза Консулъ даже предоставилъ имъ залъ въ театре Республики для устройства концертовь (17 марта и 10 октября 1801 г.). Второй былъ особенно блестящъ: сборъ равняялся 13.868 фр. 75 сантимовъ и рецензія Сюара въ Moniteur'e достигла высотъ лиризма.

Потомъ Джузеппина Грассини вернулась къ своей бродячей жизни этуали, разъезжающей изъ Берлина въ Лондонъ, Миланъ, Геную, Гаагу, всюду радупшо принимаемая и чествуемая, съ ангажементомъ въ 3000 ливровъ стерлинговъ за пять месяцевъ. Темъ не менее, когда она проезжала черезъ Парижъ, то приходила достучаться въ дверь потайного аппартамента въ Тюильери и эта дверь открывалась передъ ней. Это были пустяки, но Жозефина совершенно теряла голову. «Я узнала, – пишетъ она одной изъ своихъ наперсницъ, – что Гроссини уже десять дней въ Париже. По-видимому, она-то и служитъ причиной всего того горя, которое мне приходится испытывать. Уверяю васъ, милая, если бы я была хотя бы немножко виновата, то я откровенно призналась бы вамъ въ этомъ. Вы хорошо сделали бы, пославъ Жюли (это – горничная) узнатъ, приходитъ ли кто-ннбудь. Постарайтесь узнать, где эта женщина живетъ».

Какъ нельзя лучше сказывается здесь характеръ Жозефины. Что ей Грассинй? Разве она не знаетъ, что не можеть быть серьезной связи между нею и Бонапартомъ, что это – только

мимолетный возвратъ къ прошлому, въ которомъ воспоминаніе играетъ большую роль, чемъ страстъ. Неть, она все-же должна знать, должна шпіонять, должна собирать улики, и эти жалобы на мужа, эти вопли, адресуемые къ женщине, которую Консулъ не любитъ и почти прогналъ изъ Тюильери – въ нихъ вся душа Жозефины.

Темъ не менее, она, повидимому, вполне успокоилась, къ 1807 г., гогда начала налаживаться камерная музыка и Наполеонъ вызвалъ Грассини въ Парижъ. Онъ предлагаетъ певще, – только певице, а не женщине, – 36.000 франк. постояннаго жалованья, 15.000 фр. годовыхъ наградныхъ, не считая случайныхъ, и 15.000 франковъ пенсіи по выходе въ отставку. Кроме того, въ теченіе зимняго сезона ей одинъ разъ предоставляется залъ Оперы или залъ Итальянской Оперы для устройства концерта въ ея пользу и она сможетъ располагать по своему желанію отпусками, разъезжая по городамъ съ громкимъ титуломъ первой певицы Е. В. Императора и Короля.

Правда, этотъ титулъ не служитъ ей защитой отъ разбойниковъ, промышляющихъ на большой дороге, и 19 октября 1807 г. около Рувре, на границе Іонны и Котъ-д'Оръ, на ея почтовую карету напало четверо дезертировъ швейцарскаго полка. Несчастная подверглась насиліямъ, была ограблена; но черезъ два дня разбойники понесли кару, и Императоръ включилъ въ Почетный Легіонъ некоего Дюрандо, начальника національной гвардіи въ Вито, убившаго собственноручно двухъ разбойниковъ и арестовавшаго третьяго.

Утверждаютъ, что Грассини при этомъ упросила разбойниковъ, забравшихъ у нея украшенный брильянтами портретъ Бонапарта, оставить себе драгоценные камни и возвратитъ ей изображеніе ея «дорогого правительства».

Разсказываютъ также, что какъ-то въ одномъ салоне, когда присутствующіе возмущались темъ, что Крешгентини была дана Железная Корона, она воскликнула: «Но вы забываете о его ране!» Она обладала остроуміемъ – остроуміемъ артистки, какъ сказалъ одинъ хорошо знавшій ее господинъ; свое балагурство, уснащенное итальянскимъ акцентомъ, она любила пересыпать сырыми выраженіями и мало считалась съ темъ, что Буало называлъ благопристойностью. Этимъ достаточно сказано.

Съ 1807 ло 1814 г. дело обстоитъ такъ. Грассини получаетъ отъ одного только Императора 70.000 франковъ въ годъ, – болыпе, чемъ она получаетъ съ публики. Энтузіазмъ последней съ годами падаетъ. Это ясно сказывается, когда въ Итальянской опере, въ ноябре 1813 г., съ большой помпой: ставятъ *Гораціевъ и Курійціезъ* Чимарозы. Но въ придворномъ театре – все тотъ же

успехъ, хотя певица приближается уже къ сорока годамъ; со стороны Императора – то же вниманіе и теже милости. Но она не считала, что обязана быть признательной, и когда Имперія пала, то – изъ нужды-ли въ деньгахъ (ею владелъ порокъ картежничества), или изъ страсти привязываться къ знаменитымъ людямъ я привязывать ихъ къ себе, – она пела, – и хуже, чемъ пела, – для герцога Веллингтона.

Последній словно помешался на томъ, чтобы доедать объедки после Наполеона. Онъ хотелъ, чтобы его портретъ рисовалъ Давидъ, который ответилъ, что пишетъ только то, что принадлежитъ йсторіи. Но зато онъ имелъ, въ качестве певицы и любовницы, Грассини съ ея сорока двумя годами. Но обязаны ли стрекозы иметь сердце?

VIII. Актрисы

Связь съ Грассини была очень легкой, и какъ ни ревновала Жозефина, ея тревога была непродолжительна. Но въ тайные апартаменты въ Тюльери проникали и другія театральныя дамы, визиты которыхъ были более часты и могли казаться чемъ-то прочнымъ. Но все это, несомненно, совершенно не должно было причинять ей заботъ: это были посредственности, къ которымъ Бонапартъ не могъ привязаться и отъ которыхъ требовалъ одного – быть красивыми и милыми на то очекь короткое время, которое онъ имъ посвящалъ; но достаточно было кому-нибудь изъ нихъ притти, чтобы Жозефина, бывшая всегда настороже, впадала въ безпокойство, теряла голову и бегала по коридорамъ со свечей въ рукахъ, объятая желаніемъ захватить врасплохъ, разыграть какую-нибудь эффектную сцену и какъ следуетъ изобличить Бонапарта.

Не будь Жозефины, большая часть этихъ мелкихъ приключеній осталась бы неизвестной. Она же раскрываетъ ихъ, разсказываетъ, пересказываетъ ихъ безъ конца, если надо – выдумываетъ, потому что никто не лжетъ такъ, какъ она. Какъ бы ни были банальны эти романы, длящіеся четверть часа, Наполеонъ все же переживалъ ихъ, и этого достаточно, чтобы ихъ перелистать, потому что мы встречаемъ здесь некоторыя черты его характера, которыхъ тщетно искали бы въ другомъ месте.

Если не считать Грассини и, пожалуй, г-жи Браншю, – такой некрасивой, что разсказы о близости Наполеона съ ней казались бы шуткой, если бы онъ, какъ диллетантъ, не могъ временно увлечься силой и поразительной нежностью этой лирико-трагической артистки, наиболее ярко воплощавшей Дидону, Альцесту и Весталку, – если не считать этихъ двухъ, то – ни одной певицы.

Ни одной танцовщицы, хотя это – время, когда оне очень въ моде, когда Клотильда получаетъ *ежемесячное* содержаніе въ 100.000 франковъ отъ принца Пиньятелли, а адмиралъ Мазаредо предлагаетъ ей надбавку, сверхъ этой суммы, въ 400.000 франковъ въ годъ; когда Биготтини загребаетъ деньги обеими руками и считая грехомъ не пользоваться своей плодовитостью, накопляетъ милліоны для своихъ потомковъ, готовя, такимъ образомъ, изъ нихъ завидныя партіи для крулныхъ буржуа.

Ни одной комической артистки – ни m-lle Марсъ, которая, говоря по правде, вовсе не была красива въ начале ея карьеры – (о ней говорили: «Это – слива безъ мякоти»); ни m-lle Левьеннъ, несравненная субретка, лицо которой блещетъ умомъ, но которая не находитъ, что ответить, когда мимоходомъ, на охоте,

Императоръ обращается къ ней съ какой-то любезностью; ни m-lle Мезерей, которая, кстати сказать, очень занята съ Люсьеномъ Бонапартомъ; ни m-lle Гро, услаждающая Жозефа.

Можетъ быть – m-lle Леверъ въ 1808 г., когда после перваго же представленія въ Сенъ-Клу она, по приказанію свыше, зачисляется въ сосьетеры. Само собою разумеется, что не г-нъ Ремюза, заведующій публичными зрелишами, помогалъ ей въ этомъ, ибо онъ, несмотря на желаніе, приказы и даже декреты Императора, впоследствіи съ ожесточеніемъ преследовалъ ее; но кто же тогда? Впрочемъ, она была действительно очаровательна, граціозна, кокетлива, блестяща, соблазнительна. Не особенно талантлива, но какое же это имело значеніе?

Если у Наполеона и явилась прихоть по отношенію къ ней, – а это еще не доказано, – то она была единственная. Его характеръ, его темпераментъ, его вкусы – все влечетъ его къ трагическимъ артисткамъ.

* * *

Это – расцветъ трагедіи во французскомъ театре; это – время, когда передъ партеромъ литературно-образованной публики, которая не оставляетъ безнаказаннымъ ни малейшее оскорбленіе ея боговъ; передъ партеромъ солдатъ, душа которыхъ способна отзываться на все великое и благородное, – великолепно подобранная и обученная труппа поддерживаетъ жизненную и мощную традицію трагической литературы. Этимъ артистамъ Наполеонъ оказываетъ усиленное покровительство, не жалея для нихъ ни советовъ, ни денегъ. То, что на нихъ возложено говорить со сцены, имеетъ, въ его глазахъ, образовательное значеніе для націи, гораздо менее важное для ея умственнаго развитія, чемъ для ея моральнаго воспитанія. «Трагедія, – говорилъ онъ Гете, – должна быть школой для королей и народовъ; это – наивысшая ступень, которой можетъ достигнуть поэтъ». й однажды вечеромъ, ложась спать, онъ сказалъ: «Трагедія согреваетъ душу, возвышаетъ сердце; она можетъ и должна создавать героевъ». й при этомъ прибавилъ: «Если бы Корнель былъ живъ, я сделалъ бы его принцемъ».

Онъ не любитъ драму, «которая не представляетъ законченнаго литературнаго жанра». Онъ не высоко ценитъ комедію, которая, по его мненію, крамольна у Мольера и Бомарше, отвратительна у Ле-Сама, до жалкаго неправдоподобна у Фабра д'Эглантинъ. Онъ ничего не понимаетъ въ фарсе, который, по самому складу ума Наполеона, не можетъ служитъ

ему развлеченіемъ.

Всякія остроты, игра словъ, каламбуры, меткія словечки, которые не вытекаютъ изъ самого сюжета, не суть, какъ онъ говоритъ, «духъ вещей», а просто – игра ума; легкіе стишки, ловко составленные куплеты – болтовня, которой иногда удается создавать иллюзію мысли, – все это совершенно не затрагиваетъ его. Всемъ этимъ онъ пренебрегаетъ, все это онъ презираетъ и совершенно игнорируетъ. Напротивъ, трагедія для него – нечто возвышенное, благородное и сильное. Въ ней – ничего вульгарнаго. Онъ слушаетъ въ ней речи равныхъ себе: королей, героевъ и боговъ. Онъ слушаетъ въ ней самого себя, потому что именно такъ и такимъ языкомъ онъ долженъ будетъ говорить съ потомствомъ, когда время позволитъ показать на сцене и его жизнь.

И эта страсть къ трагедіи вполне естественно толкаетъ его въ часы досуга къ трагическимъ артисткамъ. Лукавыя рожицы субретокъ, заученныя чары grandes coquettes, фальшивая наивность ingenues – все это онъ встречаетъ у себя при дворе, и любая фигурантка въ светской комедіи придворной жизни бросилась бы къ нему по первому знаку; но Федра, Андромаха, Ифигенія, Герміона – не продажныя женщины, а существа сверхъ-естественныя и почти божественныя, которыхъ исторія и поэзія разукрасили всеми своими сокровищами. И его воображеніе, въ свою очередь, обращается къ нимъ; видя на сцене изображающихъ ихъ актрисъ, онъ испытываетъ влеченіе не къ этимъ актрисамъ, но къ самимъ героинямъ. Вызывая ихъ къ себе, онъ не совершаетъ ничего недостойнаго, и удовлетвореніе чисто чувственной фантазіи подернуто въ его собственныхъ глазахъ поэтической дымкой.

Несомненно, потомъ въ немъ загоьариваетъ мужчина и, – заваленный работой, не имея возможности тратить попусту много времени, не склонный къ любезностямъ и не умегощій скрывать презреніе къ женщинамъ, которыя, по знаку лакея, являются и предлагаютъ себя, – онъ позволяетъ себе грубыя выраженія и поступки, которыя у другихъ были бы цыничны. На деле онъ менее циниченъ, чемъ кто-либо. «Всему, что имеетъ отношеніе къ сладострастію, – говоритъ одно лицо, служившее ему и близко къ нему стоявшее, – онъ придавалъ поэтическій оттенокъ и давалъ поэтическія названія». И даже грубость выраженій у него – это лишь способъ скрыть некоторую растерянность, овладевающую имъ всегда передъ женщиной, кто бы эта женщина ни была. Онъ фанфаронитъ и надеваетъ чуждую ему личину порока. Такъ, на Святой Елене, въ одномъ разговоре, онъ старается доказать, что въ немъ гораздо больше чувственности, чемъ чувства, тогда какъ

въ действительности никто, можетъ быть, не сантименталенъ такъ, какъ онъ.

Въ данномъ случае, однако, это не такъ. Влеченіе вызывается у него не физической чувственностью, а чувственностью разсудочной, – силою до крайности возбужденнаго воображенія; но когда женщина находится у него подъ рукой, то иногда прихоть проходитъ; чаще же всего голова его занята делами: онъ работаетъ и все, что отвлекаетъ отъ работы, раздражаетъ и сердитъ его. Царапаютъ въ дверь, чтобы предупредить его: «Пусть она подождетъ!» Царапаютъ опять: «Пусть она раздевается!» Царапаютъ снова: «Пусть уходитъ!» И онъ принимается за работу.

* * *

Такъ произошло, разсказываютъ, съ m-lle Дюшенуа; но она была привычна къ подобнымъ происшествіямъ. Какъ попала она во Французскій Театръ? Въ начале Консульства одинъ молодой щеголь, только что схоронившій дяденьку, везетъ своихъ друзей отпраздновать полученіе наследства въ одинъ загородный домъ въ окрестностяхъ Сенъ-Дени. Завтракаютъ, потомъ охотятся, но скоро становатся скучно. «Тогда посылаютъ въ одинъ известный домъ на Шоссе-д'Антенъ за веселыми особами, всегда готовыми хорошо покушать. Каждый выбираетъ себе среди нихъ одну по вкусу». Одна изъ девушекъ остается безъ партнера, все говорятъ о ней: «Она слишкомъ беаобразна!» Между темъ, у нея прекрасные глаза, восхитительная талія, вся ея наружность дышетъ добротой; пренебреженіе, на которое ей приходится часто наталкиваться, наложило на ея лицо печать грусти, и она делаетъ его интереснымъ. Играютъ въ бары въ парке. Она бегаетъ, какъ лань; и движенія ея, подъ легкими одеждами, гибки и изящны. Голосъ ея музыкаленъ и неженъ, она кажется умнее и развитее своихъ товарокъ. У одного изъ присутствующихъ молодыхъ людей является жалость къ ней, онъ заговариваетъ съ ней, беретъ ее къ себе, говоритъ о ней Легуве, который, заинтересовавшись, выражаетъ желаніе видеть ее, заставляетъ ее читать стихи и, въ свого очередь, удивляется ея способностямъ.

Легуве даетъ ей указанія, вводитъ ее къ г-же Де Монтёсеонъ, где она встречаетъ генерала Валянса, обезпечиваетъ ей покровительство г-жи Бонапартъ и добивается для нея дебюта во Французскомъ Театре. Она играетъ Федру въ первый разъ 16 термидора X года. Черезъ годъ или два происходитъ съ нею вышеописанпый случай въ Тюидьери. Но у этой женпщны есть воспоминанія, которыхъ ничто не изгладитъ; и отъ техъ р.

ременъ, когда она была прислугой, и отъ техъ зременъ, когда она была принадлежностью пирушекъ, у m-lle Дюшенуа осталась какая то покорная грусть, боязнь словъ, которыя ей такъ часто приходилось слышать: «Она слишкомъ безобразна!»

* * *

Отослана обратна и Тереза Бургуенъ; но та, которая подписалась *Ифигеція въ Тавриде* подъ нахальной запиской: «Не видела, не слышала» въ ответъ герцогине, супруге маршала, требовавшей возвращенія улетевшаго попугая, совершенно не была склонна принимать пренебреженіе съ покорностью m-lle Дюшенуа. Къ оскорбленному самолюбію присоединялся для нея ущербъ матеріальный – потеря очень богатаго любовника, которымъ она безконечно дорожила каковымъ любовникомъ былъ Его Превосходительство, Господинъ Министр Внутреннихъ Делъ. Это былъ Шанталь.

После второго, весьма сомнительнаго дебюта онъ, пользуясь своей властью, устроилъ Терезе ангажементъ во Французскомъ Театре. Чтобы освятить эту милость, онъ написалъ m-lle Дюмениль. дававшей ей по его просьбе советы, оффиціальное и открытое письмо, въ которомъ сообщаль о пожалованной ей министерствомъ награде и благодарилъ ее за то, что она «пользуется досугомъ, который даетъ ей пребываніе на покое, чтобы воспитать ученицу, достойную ея самой и драматическаго искусства». Онъ афишировался съ этой девицей, предоставлялъ къ ея услугамъ печатъ, выставлялъ на показъ передъ всемъ Парижемъ свои отношенія къ ней.

Правда, она, съ ея круглымъ лицомъ, невиннымъ видомъ, лукавой улыбкой, красивыми, светлыми, на первый взглядъ, целомудренными глазами, задорнымъ тономъ, язвительными шутками, прозванная «богиней веселья и наслажденій», – была именно такой любовницей, какую только можетъ желать мужчина пятидесяти летъ. Шанталю осталось только соблюдать внешнее приличіе, не компрометировать свое званіе и не доходить до такого ослепленія, чтобы видеть въ m-lle Бургуенъ воплощеніе добродетели. Наполеонъ зло разуверилъ его въ этомъ. Однажды вечеромъ, пригласивъ министра къ себе по деламъ, онъ вызвалъ и m-lle Бургуенъ, и о приходе последней доложили въ присутствіи Шанталя. Наполеонъ приказалъ ей ждать, потомъ, какъ разсказываютъ, отослалъ ее обратно. Но Шанталь, какъ только доложили о прибытіи m-lle Бургуенъ, собралъ свои бумаги и уехалъ. Въ тотъ же вечеръ онъ подалъ въ отставку.

Со стороны девицы начинается тогда открытая война. Въ Петербурге, куда она едетъ после Тильзитскаго мира, она угощаетъ своихъ обожателей всевозможными эпиграммами, направленными противъ Наполеона и пользующимися успехомъ въ Париже.

Въ Эрфурте последній беретъ свой реваншъ и потчуетъ, въ свою очередь, Александра эпиграммами на m-lle Бургуенъ, предупреждаетъ его, что девица отличается нескромностью и наноситъ этимъ немалый ущербъ ея карьере жрицы любви. После Реставраціи она открыто проявляетъ свои роялистскія симпатіи, особенно пылкія потому, что она была представлена королю герцогомъ Беррійскимъ и имела тысячи причинъ держаться за Бурбоновъ. Она не преминула разукрашиваться въ ихъ цвета въ теченіе Ста Дней, но на это не обратили вниманія. По возвращеніи изъ Гента, герцогъ Беррійскій, отказавшись отъ нея, сильно охладилъ ея энтузіазмъ.

* * *

Съ Дюшенуа и Бургуенъ – ничего, или почти ничего. Не то – съ Жоржъ, которая не была отослана обратно.

Правда, въ первый ея приходъ онъ хлестнулъ ее фразой: «Ты осталась въ чулкахъ, у тебя безобразныя ноги». Но дело въ томъ, что когда онъ разсматривалъ это великолепное двуногое животное и оценивалъ все его качества, недостатокъ ужъ очень резко долженъ былъ броситься въ глаза и замечаніе невольно сорвалось съ языка.

Не было человека более чувствительнаго къ красоте ногъ и рукъ. «Это было первое, на что онъ обращалъ вниманіе у женщины, и когда ноги и руки были нехороши, онъ говорилъ: „У нея плебейское нутро“.

Жоржъ въ 17 летъ была прекрасна, безподобно прекрасна; голова, плечи, руки, тело – все просилось на картину, за исключеніемъ оконечностей, а въ особенности ногъ, которыя она, живя за два года передъ темъ въ Амьене, изуродовала туфлями, подметая каждое утро передъ домомъ своего отца, дирижера оркестра и директора театра.

Поселившись въ нивозе X г. въ Сенъ-Клу, Иаполеонъ тотчасъ же вызвалъ къ себе въ первый разъ Жоржъ и принялъ ее въ небольшомъ аппартаменте, выходящемъ на Оранжерею. Въ этомъ году онъ долго задержался въ новой резиденціи, провелъ тамъ почти всю зиму и вызывалъ ее къ себе довольно часто. Онъ былъ большимъ поклонникомъ ея красоты, но ему очень нравился и ея

бойкій, живой умъ. Она разсказывала ему закулисную хронику и все то, что происходило въ фойэ Французскаго Театра, где тогда можно было услышать не мало интереснаго. После переезда въ Парижъ онъ продолжалъ видеться съ ней у себя въ антресоляхъ, но никогда не бывалъ у нея; ему ни разу не пришлось, поэтому, встретиться съ Костеръ де Сенъ-Викторомъ или съ другими ея любовниками. Это длилось два года, по свидетельтсву Жоржъ, которая утверждаетъ, что все это время она была ему верна: этого отъ нея и не требовали.

Жозефина очень скоро узнала объ этой прихоти мужа. Она пришла въ невероятное безпокойство и начала устраивать отчаянныя сцены. «Она волнуется больше, чемъ следуетъ, – говорилъ Бонапартъ. – Она достоянно боится, чтобы я не влюбился серьезно. Она не знаетъ, очевидно, что любовь создана не для меня? Что такое любовь? Страсть, которая заставляетъ забывать всю вселенную, чтобы видеть только любимый предметъ. Я же, несомненно, не созданъ для такихъ крайностей. Какое же значеніе могутъ иметь для нея развлеченія, не имеющія ничего общаго съ чувствомъ любви?»

Нельзя было разсуждать более здраво, но Жозефина я не ссылалась на здравый смыслъ. Между темъ она должна была бы признать, что никогда тайна не хранилась такъ тщательно.

Никакихъ скандаловъ, никакой огласки, ни единой милости Жоржъ, какъ актрисе: когда она пропускаетъ службу, дворцовый префектъ очевъ сурово грозитъ ей тюрьмой и она не заставляетъ повторять ей это. Когда она играетъ при Дворе, то получаетъ такое же вознагражденіе, какъ и ея товарки, не болыпе; утверждаютъ, что когда она позволила себе однажды попроситъ у Бонапарта его портретъ, то онъ далъ ей двойной наполеондоръ: «Вотъ, – сказалъ онъ, – говорятъ, что я здесь похожъ».

Денегъ онъ, несомненно, даетъ ей. Пометка: «Выдано Е. В. Императору», часто повторяется въ счетахъ шкатулки противъ суммъ, колеблющихся отъ 10 до 20.000 франковъ, но ничто не указываетъ на то, кому они предназначались. Единственный разъ, 16 августа 1807 г., помечено имя Жоржъ въ связи съ подаркомъ въ 10.000 франковь. Но за три года до этого она прекратила свои визиты въ Тюильери; это былъ, несомненно, подарокъ въ память св. Наполеона.

Къ тому же, меньше чемъ черезъ годъ, 11 мая 1808 г., Жоржъ тайкомъ покинула Парижъ въ обществе Дюпора, танцора изъ Оперы, который, боясь быть арестованнымъ у заставы, переоделся женщиной. Несмотря на договоръ съ Французскимъ Театромъ, тайкомъ отъ кредиторовъ, она уезжаетъ въ Россію къ своему любовнику, который, какъ говорятъ, обещалъ жениться на ней.

Это – Бенкендорфъ, братъ графини Ливенъ, пріехавшій въ Парижъ въ свите посланника Толстого; онъ былъ отозванъ обратно и предполагалъ представить петербуржцамъ я. главнымъ образомъ, Императору Александру, свою любовницу.

Здесь ведется целая интрига, съ целью отбить царя у г-жи Нарышкиной, толкнувъ его на связь съ актрисой – связь мимолетную, отъ которой его без труда можно будетъ вернуть потомъ къ царствующей императрице. Жоржъ ничего, конечно, не знаетъ обо всехъ этихъ прекрасныхъ проектахъ; въ письмахъ къ матери она распространяется о прелестяхъ своего «добраго Бенкендорфа», подписывается (августъ 1808 г.) *Жоржъ-Бежендорфъ*. Она была представлена Императору Александру, который посылаетъ ей великолепную, усеянную алмазами, пряжку для пояса, вызываетъ ее въ Петергофъ, но вторично уже не требуетъ ее туда. Великій же князь, – который на представленіи *Федры* сказалъ– «Ваша m-lle Жоржъ въ своей области не стоитъ того, чего стоитъ въ своей – моя парадная лошадь», – приходилъ къ ней каждый день и «любитъ ее, какъ сестру». Такъ говоритъ она.

Онъ не ограничился этимъ. Дворъ и городъ также не были обделены; но это – не то, чего добивались, завлекая ее въ Россію не то, что разрешилъ Наиолеонъ, когда ему разсказали о заговоре. Темъ не менее, когда после 1812 г. она вздумала вернуться во Францію и примчалась въ Дрезденъ, чтобы присоединиться къ наиболее выдающимся артистамъ, вызваннымъ туда во время перемирія, то Наполеонъ приказалъ не только включить ее снова въ число сосьетеровъ, но и зачесть ей, какъ годы службы, шесть летъ отсутствія. Ея товарищи никогда не могли простить ей этото.

Во время Ста Дней она велела доложить Императору, что желаетъ передать ему бумаги, сильно компрометирующія герцога д'Орантскаго. Наполеонъ послалъ къ ней надежнаго человека и по возвращеніи его спросилъ: «Она не говорила тебе, что у нея плохи дела?» – «Нетъ, Государь, она говорила мне только, что желаетъ лично передать эти бумаги Вашему Величеству». – «Я знаю, что это такое, – сказалъ Императоръ, – Коленкуръ говорилъ мне; онъ сказалъ мне также, что она въ стесясннхъ обстоятельствахъ. Ты дашь ей 20.000 франковъ изъ моей шкатулки».

Эта, по крайней мере, была признательна. Нетъ никакого сомненія, что проявляемыя ею симпатіи были причиной борьбы, которую ей пришлось вести съ жантильомами Палаты и жантильомами Партера, борьбы, окончившейся грубымъ изгнаніемъ ея изъ Французскаго Театра. Даже въ последніе свои дни, – совсемъ старая, совершенно не похожая уже ни лицомъ, ни

вообще внешностью на прежнюю тріумфаторшу, – она говорила о Наполеоне съ дрожаніемъ въ голосе, съ искреннимъ волненіемъ, которое передавалось слушавшимъ ее молодымъ людямъ – теперь почти старикамъ – съ такой силой, что они не могутъ забыть объ этомъ до сихъ поръ. Но она вызывала передъ ними не образъ любовника, а образъ Императора. И эта проститутка – не изъ стыдливости старой женщины, – потому что она охотно говорила о другихъ любовникахъ, – а изъ какой то почтительной боязни, казалось, забыла о томъ, что онъ находилъ ее красивой, что онъ объ этомъ говорилъ ей, и видела въ немъ не мужчину, которымъ онъ былъ для нея, но лишь человека, которымъ онъ былъ для Франціи, – подобно темъ нимфамъ, которыя, удостоившись на мгновеніе ласки бога, не разглядели его лица, пораженныя ослепительнымъ блескомъ его славы.[14]

IX. Лектрисы

Не одне только трагическія актрисы поднимаются по темной лестнице и въ сопровожденіи Констана или Рустама проникаютъ, пройдя мрачный коридоръ, день и ночь освещаемый лампами, въ антресоли, которыя занималъ некогда Бурьеннъ и которыя посредствомъ потайной лестницы сообщаются съ оффиціальными апартаментами. Каждое утро г-жа Бернаръ, придворная цветочница, доставляетъ букетъ для секретнаго кабинета. Это – подрядъ въ 600 франковъ въ годъ. Но цветы, возобновляемые ежедневно, вянутъ медленнее, чемъ чувство, внушаемое визитерами.

По мере того, какъ усиливается могущество Бонаиарта, всякихъ просительницъ, честолюбивыхъ интриганокъ набирается столько, что всехъ не перечесть. Къ каждому человеку, достигшему вершины власти, льнутъ всегда корыстолюбивыя поклонницы, ожидающія только знака, чтобы отдаться. Стараясь всегда съ нимъ встречаться, быть постоянно у него на глазахъ, оне, какъ милостыни, просятъ его взгляда, молятъ подороже купить ихъ позоръ.

Наполеону – не следуетъ этого забывать – въ 1800 г. – тридцать одинъ годъ, въ 1810 г. – сорокъ одинъ; 1800–1810 г.г. для него – время, когда его силы достигаютъ наиболее полнаго расцвета и наиболее сильно проявляется его темпераментъ. Онъ не ищетъ приключеній, но и не избегаетъ ихъ. Не считая Жозефины, две женщины во всякомъ случае внушили ему страстное чувство, заставивъ его изменить своему характеру; вообще же онъ мало думаетъ о женщинахъ, Ни одна изъ нихъ не можетъ помешать ему работать, отвлечь отъ интересующихъ его мыслей, заставитъ отложить осуществленіе его плановъ, изменить образъ действій. Но то что онъ находитъ подъ рукой, онъ берегъ совершенно просто.

Для него это нечто въ роде еды, которую *на всякій случай* готовятъ ему на ночь. Онъ не сделалъ бы для этого самъ ни единаго усилія; съ его стороны – никакихъ подготовительныхъ шаговъ, никакихъ хлопотъ, ни малейшаго безпокойства; и тотчасъже после этого онъ или принимаетъ ванну или садится за рабочій столъ. Безнравственно ли это? Какой мужчина не делалъ бы того же, будучи на его месте? Какой государь не делаетъ хуже этого? Важно не то, что какія то дамы подъ вуалью таинственно пробираются ночью въ тайный апартаментъ; важво, чтобы ни одна женщина – ни супруга, ни любовница – не имела привычки бывать въ рабочемъ кабинете или въ министерскомъ салоне. Въ

противномъ случае и изъ наилучшаго мужа волучится никуда негодный государь.

Если бы речь шла не о Наполеоне, если бы иныя изъ этихъ мимолетныхъ увлеченій не были сознательно разсказаны въ искаженномъ виде; если бы некоторыя изъ техъ, кому улыбнулась удача, не вздумали превратиться въ писательницъ, чтобы заработать на мемуарахъ или приписать себе роль, которой никогда не играли, или обмануть относительно роли, которая была имъ дана на какомъ-нибудь экстраординарномъ представленіи, – на этомъ не стоило бы, пожалуй, и останавливаться. Но нареканія были слишкомъ резки; клевета – слишкомъ ядовита, чтобы не попытаться здесь, какъ и въ другихъ случаяхъ, возстановить истину.

Одну изъ этихъ женщинъ, безъ сомненія, наиболее известную въ качестве писательницы, наиболее облагодетельствованную Консуломъ и императоромъ, мы, *пока что,* еще не можемъ разоблачить, потому что, какъ бы ни были серьезвы подозренія, они не могутъ заменить матеріальныхъ доказательствъ; но знакомство съ личностями, подобными ей, позволитъ, безъ сомненія, и ее поставить на то место, которое она должна была бы занимать.

Другая, гораздо менее известная, но до последняго времени больше всехъ другихъ оказывавшая услуги всякимъ памфлетистамъ, – это г-жа Водей, которая при провозглашеніи Имперіи была назначена придворной дамой по настоятелыюй рекомендаціи г-на Лекутель де Кантелэ.

Хорошаго происхожденія, – дочь замечательнаго военнаго, Мишо д'Арсона, который при осаде Гибралтара изобрелъ непотопляемыя батареи, выработалъ планъ Голландской кампаніи 1793 г., взялъ безъ единаго ружейнаго выстрела Бреда и былъ однимъ изъ первыхъ сенаторовъ при Консульстве, – она хорошо вышла замужъ: ея мужъ, г. Барберо де Веллексонъ, владетельный сеньёръ Водей, наместкикъ Бургундіи, принадлежалъ къ старинной эльзасской фамиліи, поселившейся въ Грей въ XV столетіи. Къ тому же, она обладала очень красивой наружностью, блестящимъ умомъ, была большой интриганкой, прелестно пела и еще лучше писала. Она была назначена статсъ-дамой въ іюле 1804 г., попавъ какъ-разъ въ первую очередь, въ которой оказалась вместе со своими подругами и г-жа Ремюза, бывшая компаньонка; и такъ какъ Императрица ехала на воды въ Эксъ-ля-Шапель, то она сопровождала ее туда.

Когда Наполеонъ въ начале сентября пріехалъ къ Жозефине въ Эксъ передъ своей тріумфальной поездкой по Рейну, г-жа де Водей участвовала во всехъ празднествахъ и всеми силами

старалась развлекать повелителя. После возвращенія она решила, что можетъ потягаться съ Имлератрицей, у которой проснулась ревность, решила, что можетъ делать столько же долговъ, сколько делала Жозефина, обставить свой домъ съ роскошью, подобающей фаворитке. Въ хорошенькомъ, маленькомъ замке Тюильери, въ которомъ жили впоследствіи m-lle Рашель и г. Тьеръ, и где теперь монастырь Ассомпціонистовъ, она жила по-княжески, собирали многолюдное, пестрое общество, устраивала празднества.

После первой аудіенціи, которая порядкомъ затянулась, она представила списокъ своихъ долговъ, которые и были уплачены; вторично – тотъ же успехъ; но когда въ третій разъ ода обратилась съ просьбой объ аудіенціи, Наполеонъ решительно отказалъ. «Я не такъ богатъ и не такъ простъ, – сказалъ онъ Дюроку, – чтобы платить такъ дорого за то, что можно получитъ гораздо дешевле; поблагодарите г-жу де Водей за ея доброту ко мне и больше не говорите мне о ней».

Тогда она пишетъ ему патетическое письмо, въ которомъ объявляетъ, что отравится, если ея долги – долги чести! – не будутъ уплачены въ двадцать четыре часа. Дежурный адъютантъ мчится въ Отэй и находитъ ее готовой ко всему, но только не къ самоубійству. Ей тотчасъ же предложили, какъ статсъ-даме, подать въ отставку и вотъ почему ея имя не значится ни въ одномъ имперскомъ альманахе.

Это она, уже немного не въ своемъ уме, предлагала впоследствіи Полиньяку убить Наполеона; это она, впавъ въ глубокую нищету, почти слелая, съ парализованной рукой, носилась съ своими *Souvenirs du Directoire et de l'Empiге,* служившими ей предлогомъ для попрошайничества; и она же, наконецъ, доставила издателю Лядвока те части *Мемуаровъ статсъ-дамы,* которыя позволили увеличить размеры *Мемуаровъ* Констана. Это была, по крайней мере, почти сумасшедшая и очень нуждалась. У другихь не было и этяхъ оправданій.

* * *

Жозефина, по настоянію Лекутеля, включила г-жу де Водей въ придворный штатъ. У нея было множество протеже такого же или более низкаго сорта, выдвинутыхъ менее значительными покровителями; весь смыслъ пребыванія ихъ при Дворе сводился къ тому, что оне удовлетворяли прихоти Наполеона. Но со стороны Жозефины въ этомъ не было ничего преднамереннаго; предполагать, что она слособна была покорно доставлять мужу подобныя развлеченія, значило бы совершенно не лонимать ее; у

нея, какъ у креолки,: быластранная потребность окружать себя угодницами, которыя, не принадлежа влолне ни къ свету, ни къ челяди, нравились бы ей своими хорошенькими личиками, забавляли ее веселой болтовней, развлекали своими талантами, вообще, оживляли этотъ «мрачный, какъ само величіе», дворецъ, изъ котораго она никогда не выходила. Она брала ихъ, не наводя о нихъ подробныхъ справокъ, тронутая несчастьями, о которыхъ ей разсказывали, очарованная гибкостью движеній, милымъ личикомъ, какимъ-нибудь осіроумнымъ ответомъ. Некоторыя изъ этихъ молодыхъ особъ уже раньше имели любовныя связи; все оне – жаждутъ победъ, очень бедны, получили такое воспитаніе, которое не научило ихъ быгть разборчивымн; и вотъ оне, съ ихъ жалкими платьицами, оказываются вдругъ въ обстановке Двора, превзошедшаго своей изысканной роскошью все, существовавшее до сихъ поръ. Целый день. оне были ничемъ не заняты, жили въ атмосфере праздности внутреннихъ покоев и имъ только и оставалось, что ухаживанье блестящихъ офицеровъ, которыхъ оне могли надеяться сделать своими мужьями: другія, не лучше ихъ, выходили, ведь, за генераловъ, теперь – маршаловъ Имперіи! То и дело оне видели, какъ приходилъ и уходилъ совершенно запросто тотъ, отъ котораго исходили все милости, который однимъ мановеніемъ руки создавалъ и разрушалъ счастье. Когда онъ проходилъ, оне старались попасться ему на глаза, страстно ожидая призывнаго жеста, готовыя всемъ рискнуть, только бы добиться его; многимъ, положимъ, и рисковать было нечемъ. И такъ какъ оне были очень сговорчивы, ловки и употребляли все усилія, чтобы нравиться, такъ какъ подчиненныя всегда настороже, следили, какъ истые лакеи, не обратитъ ли Императоръ вниманія на какую-нибудь изъ нихъ, то дела эти устраивались очень быстро, все совершалось, какъ по писанному, безъ малейшаго старанія соблазнить съ одной стороны и безъ малейшаго признака увлеченія – съ другой. Какъ бы осторожно ни велась интрига, Жозефина, въ конце концовъ, замечала ее. Тогда следовала сцена ревности и увольненіе молодой особы; последняя, получивъ обыкновенно хорошее приданое, вступала въ бракъ съ какимъ-нибудь не особенно разборчивымъ сеньеромъ, делая блестящую партію и становилась одной изъ родоначальницъ знати.

Такъ было съ Филицатой Лонгруа, дочерью судебнаго пристава, на которую Жозефина возложила обязанность докладывать о пришедшихъ; ея должность сводилась къ тому, чтобы открывать настежъ двери передъ Императоромъ и Императрицей и должна была, поэтому, постоянно находиться въ салоне, прилегающемъ къ внутреннимъ апартаментамъ. Она

получала за это 3600 франковъ въ годъ, а въ 1806 г. Жозефина пожаловала ей 600 франковъ въ годъ добавочныхъ. Но Филицата Лонгруа – не въ счетъ. Это – почти служанка.

* * *

M-lle Лякостъ стояла несколько выше. Это была хорошенькая блондинка, немного худощавая, но съ прелестной таліей, съ умнымъ и благороднымъ лицомъ. Она – сирота, безъ средствъ, воспитана теткой, о которой говорятъ, какъ объ интриганке, и которая действителыю, идетъ на всякія уловки, чтобы ея племянница была представлена Жозефине. Последняя принимаетъ въ ней участіе, беретъ ее къ себе, даетъ ей довольно неопределенную должность лектрисы. Лектрисе этой совершенно не приходилось утомлять себя чтеніемъ, потому что непосредственяо после того, какъ она заняла свое место, Дворъ выехалъ въ Миланъ на коронацію. M-lle Лякостъ последовала за Дворомъ, не принадлежа къ нему; какъ лектриса, она не имела доступа въ гостиныя, я не могла, вместе съ темъ смешаться съ горничными, рядомъ съ которыми ей отвели помещеніе, одинокая, растерявшаяся въ этомъ новомъ для нея міре. Въ Ступнице Императоръ взглянулъ на нее; онъ заметилъ ее въ Милане. Договоръ не потребовалъ продолжительныхъ переговоровъ, но Жозефина все-таки заметила, что сделка заключена. Отсюда – бурная сцена, лектриса должна была удалиться, и изъ Парижа была вызванаея тетка, чтобы увезти ее. Но ймператоръ потребовалъ, чтобы, передъ темъ какъ уехать, она была одинъ разъ допущена въ салонъ Императрицы: новый скандалъ, потому что лектрисе ни въ какомъ случае не полагалось покидать внутренніе покои. Темъ не менее, Жозефина подчинилась. По возвращеніи въ Парижъ Наполеонъ занялся выдачей m-lle Лякостъ замужъ, Она вышла за богатаго финансиста, была безупречной матерью и никогда уже не появлялась въ Тюильери.

* * *

Во время этого же путешествія по Италіи, въ Генуе, на празднествахъ въ честь присоединенія къ Франціи Лигурійской республики, на пути императора поставили одну даму Гадзани или Гадзана (ее называютъ то такъ, то такъ), урожденную Бартани, дочь, какъ утверждали одни, певицы, по словамъ же

другихъ, – танцовщицы Большой Оперы.

Ее привезли сначала въ Миланъ, для принесенія поздравленій Жозефине, въ очень пестрой компаніи, въ которой рядомъ съ очень знатными дамами – Негроне, Зряньоле, Доріа, Ремеди – находилась Бьянкина ЛяФлешъ, которой предстояло такое блестящее будущее въ Вестфаліи.

Карлотта Гадзани была высокаго роста, худая, скорее красивая. чемъ изящная; ояа плохо танцовала; ея оконечности посредственны, а потому руки всегда въ перчаткахъ; но ліцо – само совершеяство, типъ чистейшей итальянской красоты: линіи абсолютной правильности, очень болъшіе и очень блестящіе глааа, полная гармонія между всеми чертами лица, которую еще больше подчеркиваетъ презрительная улыбка, открывающая чудные зубы. Все видевшія ее женщины очень лестно отзываются о ней: неоспоримое доказательство, что она была, несомненно, оченъ красива, но что ей не хватало техъ высшихъ качествъ, которыя такъ возбуждаютъ зависть у женщинъ. Одинъ очень опытный въ этомъ смысле мужчина такъ отозвался о ней: «Я былъ очень друженъ съ ней; я виделъ у нея не мало мужчинъ, которые, какъ мне казалось, были ею увлечены; никогда я не былъ въ нее влюбленъ». Этимъ все сказано. Главный камергеръ, г. Ремюза, взялъ на себя трудъ представить г-жу Гадзани. «Онъ убедилъ императора устроить ее лектрисой при Императрице». Объ этомъ свидетельствуетъ г-жа Ремюза; какъ видимъ, не у одного Талейрана, – какъ говорилъ Наполеонъ, – карманы были набиты любовницами.

Г-жа Гадзани, – тогда она называлась Гадзани Брентано, а впоследствіи превратилась какимъ-то образомъ въ баронессу Брентано, – назначается, такимъ образомъ, на место m-lle Лякостъ лектрисой съ жалованіемъ въ 500 франковъ въ месяцъ.

Съ 1805 по 1807 г. ей не удается выдвинуться; Императоръ все время въ разъездахъ: Аустерлицъ, потомъ прусскій походъ, польскій. После его возвращенія, сначала въ Париже, потомъ въ Фонтенебло, она старается быть на виду. Съ 6000 франковъ въ годъ она не могла покрывать все расходы, двигать впередъ мужа, дать возможность дочери, – впоследствіи, – хорошо выйти замужъ. Ей представился случай выдвинуться и она не упустила его. Ее поместили такимъ образомъ, чтобы она могла по первому же приказанію Императора явиться къ нему, и какъ только ймператоръ позвалъ ее, она немедленно явилась; впрочемъ, она не добивалась положенія фаворитки и скромно приняла роль любовницы на всякій случай. Императрица, сначала было приревновавшая, скоро успокоилась, когда Наполеонъ самъ разсказалъ ей подробно о томъ, что произошло.

Г-жа Гадзани была въ высшей степени почтительна и скромна, знала свое место и не предъявляла никакихъ претеязій. Она была, темъ не менее, принята въ придворныхъ кругахъ и имела доступъ въ салоны для пріемовъ, но помимо этой милости Наполеонъ не выказывалъ ей публично никакихъ знаковъ особого вниманія, предоставляя статсъ-дамамъ третировать ее, какъ имъ вздумается, оставлять ее одну, убегать изъ техъ уголковъ, где она садится.

Это длилось не долго; впоследствіи, многія изъ нихъ – и это были не наименее гордыя – смягчились настолько, что даже приняли ее въ свое общество. Она имела нечто въ роде салона, въ которомъ собирались несколько разъ въ неделю самые блестящіе представители Двора. Играли въ фанты, занимались отгадываніемъ шарадъ. Принцъ Саксенъ-Кобургскій, будущій мужъ англійской принцессы Шарлотты. будущій бельгійскій король, бывалъ тамъ постоянно. Она получила нечто более существенное, чемъ придворныя почести: ея мужу было дано место заведующаго податнымъ деломъ въ Эврэ. После развода она отправилась къ нему и, живя совсемъ близко отъ Наварры, где поселилась Жозефина, стала близкимъ членомъ дома. Ее притягивала туда связь съ шталмейстеромъ Императрицы, г. де Пурталесъ, который давалъ ей очень большія средства, пока не женился на m-lle де Кастеллянъ. После Фонтенебло Императоръ встречался съ нею лишь по воле случая; онъ никогда не любилъ ее и, кажется, никогда не разговаривалъ о ней.

Г-жа Гадзани утешилась. Ея дочь, Шарлотта Жозефина-Евгенія-Клара, титулуемая баронессой Брентано, вышла замужъ за г. Альфреда Моссельмана, отъ котораго она сама имела дочь, вышедшую замужъ за г. Евгенія ле Она.

* * *

Напротивъ. довольно много говорилось о некоей m-lle Гильебо; она была, какъ разсказываютъ, дочь банкира, у котораго плохо шли дела; въ 1806 г. она была призвана замещать, въ качестве лектрисы, г-жу Гадзани. У г-жи Гальебо, матери, ирландки по рожденію, было три дочери, изъ которыхъ две, уже взрослыя, танцовали въ салонахъ, играя на бубне и принимая разныя позы. Старшая проникла къ принцессе Элизе, которая хорошо выдала ее замужъ, и младшая, которая, какъ уверяютъ, не была жестокосерда ни съ Мюратомъ, ни съ Жюно, сумела понравиться королеве Гортензіи, которая увлеклась ея хорошенькимъ личикомъ и ея изящными танцами.

На одномъ маскарадномъ балу, который давала Каролина въ Елисейскомъ дворце, Гортензія, которая должна была вести кадриль весталокъ, вздумала одеть m-lle Гильебо Страстью и поставить ее, съ бубномъ въ рукахъ, во главе шествія. Какъ только Каролина увидела Страсть, она, имея вдвойне основаніе быть ревнивой, накинулась на свою невестку, между ними произошла очень резкая стычка и въ конце концовъ Страсть была выпровожена за дверь.

Чтобы отплатить ей и добиться своего, – это былъ лишь одинъ изъ эпизодовъ постоянной открытой борьбы между Бонапартами и Богарне, – Гортензія представила m-lle Гильебо своей матери, которая, въ пику Каролине, взяла ее къ себе, въ качестве лектрисы. Это было совсемъ незадолго до путешествія въ Байону.

Въ Мараке, когда устроилиск m-lle Гильебо, которой этикетъ закрывалъ въ теченіе дня доступъ въ салонъ, и которую вызывали туда лишь изредка вечеромъ, чтобы игратъ, проводила все время въ своей якобы комнате; въ действительности же это былъ просто чердакъ, потому что замокъ былъ очень малъ и строился не для того, чтобы вмещать целый Дворъ.

Она была кокетлива, жестоко скучала, жаждала выдвинуться и была очень счастлива, когда слуга – простона-просто мамелюкъ – пришелъ предупредить ее о визите Императора. Все шло чудесно для нея, когда Лавалеттъ, – въ качестве главнаго директора Почты, следившій за корреспонденціей лицъ, имеющихъ отвошеніе ко Двору, – послалъ Наполеону письмо, адресованное девице ея матерью. Ее наставляли въ немъ, намечали роль, которую она должна была играть, рекомекдовали быть осмотрительной и особенно настаивали на томъ, чтобы она не упустила случая и, во что бы то ни стало, обзавелась умело *живымъ* доказателъствомъ своей связи, чемъ можно продлить расположеніе къ себе и получить большую матеріальную выгоду.

Эта грязная интрига (Наполеонъ утверждалъ впоследствіи, что она была деломъ рукъ князя Беневентскаго) такъ возмутила Императора, что молодой особе немедленно же предложили сесть въ почтовую карету, и въ сопровожденіи одного только лакея она была отвезена въ Парижъ. Г. де Брольи виделъ тогда, какъ она проезжала черезъ Ормъ, где онъ находился у своего тестя, г. д'Аржансона.[15]

Въ Париже m-lle Гильебо вышла замужъ за некоего г. Сурдо, который по милости императора былъ назначенъ главнымъ казначеемъ Флоренціи, но растратилъ тамъ казенныя деньги и Реставрація произошла какъ разъ во-время, чтобы выручить его изъ беды. Г-жа Сурдо сумела найти доступъ къ герцогу

Беррійскому, «который нашелъ, что она прелестна и что на свете нетъ глазъ прекраснее ея», и назначилъ въ награду за это ея мужа французскимъ консуломъ въ Танжеръ.

* * *

Какъ видимъ. эти приключенія не играютъ никакой роли въ жизни Наполеона. Они едва затрагиваютъ его чувства и совершенно не затрагиваютъ его сердца. Они ничего не говорятъ объ аффективной стороне его природы; они указываютъ только на его ненависть къ интригамъ, на его благородство. великодушіе, раскрываютъ намъ некоторыя его привычки. Можно было бы розыскать еще и другія приключенія того же рода, исторія которыхъ не интереснее, чемъ исторія любого гарнизоннаго приключенія, за которое онъ, какъ Императоръ, платитъ двести наполеоновъ, тогда какъ какой-нибудь капитанъ его арміи платитъ за него двадцать франковъ. Съ нимъ бывали – или, вернее, ему устраивали подобныя приключенія въ Берлине, Мадриде, Вене. Онъ сделанъ не изъ другого мяса, чемъ его маршалы и его солдаты: онъ мужчина. Но у него чувственность не настолько сильна, чтобы онъ долженъ былъ всегда ей уступать.

Въ Вене онъ обратилъ вниманіе на молоденькую девушку, которая, въ свою очередь, оченъ увлеклась имъ. По его приказанію, за девушкой следуютъ, делаютъ ей предложеніе, – которое она принимаетъ, – притти вечеромъ въ Шенбруннъ. Она приходитъ, ее вводятъ. Такъ какъ она говоритъ только по-немецки и по-итальянски, то разговоръ начинается по-итальянски, и съ первыхъ же словъ Наполеонъ узнаетъ, что девушка принадлежитъ къ почтенной семье, что она совершенно не понимаетъ, чего отъ нея хотятъ, что она его безумно обожаетъ и вместе съ темъ совершенно невинна. Онъ приказываетъ немедленно же отвезти ее обратно, принимаетъ участіе въ устройстве ея судьбы и даетъ ей приданое въ 20.000 флориновъ, что составляетъ по курсу 1809 г. 17.367 франковъ.

Такой поступокъ не былъ единственнымъ въ его жизни. Три раза, по крайней мере, Наполеонъ поступаетъ также, и въ последній разъ – на Святой Елене!

X. Коронованіе Жозефины

Жозефина, ведя жизнь, полную тревогъ и по стоянныхъ волненій, замкнутую въ очень узкомъ круге; жизнь пустую, безпокойную, проходящую въ шпіонстве за повелителемъ, въ выслеживаніи всехъ приходящихъ и уходящихъ, въ допросахъ лакеевъ и компаньонокъ; жизнъ, забавы и развлеченія которой – пять разъ въ день менять туалетъ. приниматъ визитерокъ, покупать у являющихся къ ней торговцевъ всякія безделушки; жизнь, по занятіямъ, интересамъ, нравамъ и обычаямъ совершенно подобную жизни султанши, состарившейся въ праздной обстановке гарема, – ведя такую жизнь, Жозефина чувствовала бы себя спокойной за свое будущее, госпожей своего положенія, гарантированной отъ всякихъ превратностей только при томъ условіи, если бы у нея былъ ребенокъ.

Уже во время первой итальянской кампаніи она пустила въ ходъ съ Бонапартомъ игру въ беременность; но тогда это былъ предлогъ, чтобы не ехать къ нему; она видела тогда, какъ онъ поймался на эту удочку; хотя въ тотъ моментъ она еще не отдавала себе отчета въ своемъ положеніи, но въ ея легковесномъ мозгу фривольной женщины осталось, темъ не менее, смутное впечатленіе, что инстинктъ отцовства силенъ въ немъ. Это, въ большей степени, чемъ что-нибудь другое, позволило ей легко удовлетворять своимъ прихотямъ – путешествовать, уезжать отъ него, когда ей вздумается: такова ея поездка въ Пломбьеръ при его отъезде въ Египетъ. Но по мере того, какъ поднималась его звезда, она начинала понимать, что материнство должно быть для нея не предлогомъ, но целью. Тронъ, по ступенямъ котораго онъ неуклонно поднимался, подразумевалъ обезпеченное наследованіе. Бонапартъ, какъ консулъ и глава демократической Республики; Бонапартъ, возвращающій Бурбоновъ и довольствующійся какимъ-нибудь очень виднымъ пожизненнымъ местомъ въ реставрированной монархіи, могъ обойтись безъ сына. Но непрочное великолепіе роли какого-нибудь Монка не могло его соблазнить; жизнь, подобная той, которую велъ Вашингтонъ, удалившисъ отъ делъ, не могла его удовлетворитъ. Какая-то незримая, вне его находящаяся сила, – одно изъ техъ народныхъ движеній, которыхъ ничто не можетъ остановить, могучее движеніе общественнаго мненія, подобное приливу, гонимому кь суше ветромъ съ моря, – уничтожала передъ нимъ все препятствія и толкала его отъ консульства VIII года, еще целикомъ республиканскаго, къ консульству X года, уже автократическому, отделенному отъ монархіи только названіемъ к этимъ

неразрешимымъ вопросомъ о престолонаслѣдіи.

Жозефина видела, что на этомъ вопросе, такъ тесно связанномъ съ нею, сплелось все – честолюбивые замыслы однихъ, заботы и тревоги другихъ: каждый изъ братьевъ Бонапарта мечталъ уже быть наследникомъ Наполеона; его сестры также ставили вопросъ, не могутъ ли и ихъ мужья быть наследниками; не были безучастны и генералы, сенаторы – те, которые выдвинулись во время Революціи; наконецъ, нація въ целомъ, перенесшая столько переворотовъ, жаждала устойчивости, измеряемой не краткой жизнью человека. а обезпечивающей покой на долгое, неограниченное время.

Если монархія будетъ возстановлена, кого признать наследникомъ? Братьевъ Консула? По какому праву? Монархическое наследованіе въ его христіанской форме, представляющее собою лишь производное формы еврейской, необходимо предполагаетъ институтъ божественнаго происхожденія. Но этотъ институтъ имеетъ въ виду исключителью главу династіи и его потомковъ любой степени родства, но только мужской линіи, родства же побочнаго онъ не имеетъ въ виду. Чтобы сделать братьевъ Наполеона правоспособными наследниками, чтобы создать для нихъ право, пришлось бы, прибегая къ одной изъ фикцій, столь обычныхъ для древняго права, провозгласить, что покойный Карлъ де Буонапарте былъ французскимъ императоромъ. Но кто принялъ бы подобную фикцію? Другой планъ: отказаться отъ еврейскаго права, такъ называемаго божественнаго; вернуться къ праву римскому, принять положеніе: консулъ выбираетъ въ своей семье, или вне своей семьи, въ качестве наследника, наиболее достойнаго. Но какое соперничество это вызоветъ! Да и кроме того, приметъ ли это нація? Сумеетъ ли она стать выше предразсудка о предопределеніи, о божественномъ избраніи рода? Имей Наполеонъ детей, это было бы единственнымъ простымъ – какъ въ юридическомъ смысле, такъ и на деле, – решеніемъ, которое положило бы конецъ домогательствамъ однихъ и удовлетворило бы инстинктивныя влеченія другихъ. Но онъ не илселъ детей. Кто виноватъ въ этомъ? Онъ или Жозефина?

Жозефина прекрасно чувствуетъ, что именно здесь она уязвима и пускается на всякія ухищренія. Она разъезжаетъ по водолечебнымъ станціямъ, известнымъ своимъ свойстовмъ исцелять женщинъ отъ безплодія: Эксъ, Пломбьеръ, Люксей; она покорно следуетъ всемъ медицинскимъ предписаніямъ, которыя заблагоразсудится дать Корвизару; советуется со всякими шарлатанами, совервтаетъ паломничества; въ Пломбьере ее провожаютъ въ *яму капуцина,* где братъ Жанъ, настоятель, всуе

обещаетъ ей все, чего она желаетъ. Каждый разъ, когда у нея зарождаются иллюзіі или надежды, она предается великой радости, которою делится съ Наполеономъ, а онъ, въ свою очередь – съ близкими ему людьми. Потомъ, когда иллюзія разсеяна, Наполеонъ, раздраженный, бросаетъ ей резкія и грубыя слова, свидетельствующія, какъ онъ разочарованъ. Однажды онъ приказалъ устроить охоту въ парке Мальмезонъ; г-жа Бонапартъ, плача, подходитъ къ нему и говоритъ: «Можете себе представить? Все животныя забеременели». Онъ громко отвечаетъ ей: «Ничего не поделаешь, приходится отказаться; здесь плодовито все, за исключеніемъ барыни».

Онъ открыто взваливаетъ вину на нее; но въ тайникахъ мысли уже давно зародилось у него сомненіе, которое Жозефина старается поддерживать и усиливать. Не онъ ли самъ виноватъ здесь? Онъ припоминаетъ г-жу Фуресъ и другихъ. Жозефина, ведь, имела детей отъ перваго мужа. То и дело она указываетъ на нихъ, говоритъ о нихъ, пользуется ими, какъ доказательствомъ, что не она здесь виною. Она столько говоритъ объ этомъ, что выводитъ изъ себя г-жу Баччьоки, которая, въ конце-концовъ, сказала ей своимъ сенъсирскимъ тономъ: «Но, сестра моя, тогда вы были моложе, чемъ теперь!»

Темъ не менее, ей удается добиться того, что почти вся семья соглашается съ ея мненіемъ. Наполеонъ самъ защищается не особенно усердно. Часто онъ говоритъ своему брату Жозефу: «У меня нетъ детей; вы утверждаете, что я не способенъ ихъ иметь. Жозефина, какъ бы она ни желала этого, теперь въ ея возрасте, пожалуй, уже не сможетъ ихъ иметь. Значитъ, после меня – потопъ!» Когда Люсьенъ пріезжаетъ изъ Испаніи говорить съ нимъ о разводе, о женитьбе на инфанте, у консула имеется, конечно, много мотивовъ для отказа; но не следуетъ ли думать, что одинъ изъ самыхъ важныхъ имеетъ чисто интимный характеръ, что онъ сомневается въ самомъ себе? Мысль эта, темъ не менее, была выдвинута и именно Люсьеномъ, котораго Жозефина и безъ того не долюбливаетъ, потому что по возвращеяіи изъ Египта онъ настаивалъ на разводе; и борьба между ними, начиная съ этого момента, велась непрерывно, доказательствомъ чему служитъ и этотъ фактъ. Сколько бы ни утверждалъ Наполеонъ, что у его жены «желчи не больше, чемъ у голубя», это верно лишь до техъ поръ, пока не затронуто ея положеніе. Съ этого времени она не только не старается помирить двухъ братьевъ, она поднимаетъ на ноги всехъ своихъ друзей, не брезгуетъ сплетнями, и когда рызрывъ становится фактомъ, нисколько не жалеетъ объ этомъ: однимъ врагомъ меньше.

Если сомненіе, которое она внушила Наполеону, заставило

его въ 1801 г. отбросить мысль о разводе, то, при случае, оно можетъ разсеяться, и Жозефина находится въ полной зависимости отъ этого случая. Конечно, со стороны актрисъ, съ которыми до сихъ поръ сходился Наполеонъ, ей не грозитъ никакой опасности. Если бы одна изъ нихъ, – что мало вероятно, – и забеременела, то Наполеону понадобилась бы необычайная доза наивности, чтобы вообразить себя отцомъ ребенка, который могъ быть отъ всякаго. Не можетъ грозить также опасности со стороны дамъ, состоящихъ при консульскомъ дворе, потому что все оне замужемъ. Хотя бы для того, чтобы обманывать мужа, оне обязаны делить себя; благодаря этому, отцовство всегда будетъ сомнительно, по крайней мере. если оно не проявится въ сильномъ физическомъ сходстве, чего до сихъ поръ не наблюдалось. Но достаточно какого-нибудь случая, какъ напримеръ, съ г-жей Фуресъ, достаточно какого-пибудь обстоятельства, которое докажетъ Наполеону неопровержимо, что онъ можетъ быть отцомъ, и тогда рушится все ея счастье, потому что Наполеонъ чувствуетъ себя достойнымъ старинныхъ династій, темъ более достойнымъ самыхъ благородныхъ родовъ старой Франціи, а около него никогда нетъ недостатка въ людяхъ – вроде «хромого негодяя» Талейарана, – всегда готовыхъ соблазнять его, нашептывая имена, предлагая свои услуги.

Помимо ребенка, который одинъ только, какъ сказалъ Наполеонъ, «утихомирилъ бы Жозефину и положилъ бы конецъ ея ревности, которою она такъ мучитъ мужа», – чемъ привяжетъ она его къ себе такъ, чтобы онъ ни въ какомъ случае не вздумалъ разорвать связывающую ихъ цепь? Начиная съ XI г. она участвуетъ во всехъ официальныхъ актахъ общественной жизни; ее, какъ повелительницу, встречаютъ у своихъ воротъ города; она имеетъ салонъ въ галлереяхъ Тюильери и Сенъ-Клу и окружена, такимъ образомъ, своего рода Царствующимъ Домомъ; Бонапартъ самъ требуетъ, чтобы она занимала первое место среди всехъ женщинъ, считая и свекровь, даже при интимныхъ, семейныхъ пріемахъ; передъ лицомъ Франціи и Европы – она первая дама Республики. При такихъ условіяхъ, разрывъ съ нею не можетъ не вызвать шума, и общественное мненіе осудитъ разводъ. Наполеонъ еще не поднялся такъ высоко, чтобы отделаться отъ нея безъ всякаго риска. Слишкомъ много милостей и благодеяній прошло по его же воле черезъ ея руки, чтобы среди техъ, кого онъ отдавалъ подъ ея покровительство, не было преданныхъ ей людей. Но по мере того, какъ онъ возвышается, престижъ его жены въ свете падаетъ: какая-нибудь вспышка гнева, какая-нибудь неосторожность съ ея стороны, и все можетъ рухнуть. Физическая привязанность не удержитъ его, потому что если онъ физически и привязанъ къ

ней, то измены, которыя онъ себе позволяетъ, мало по малу освобождаютъ его. Его могли бы удержать привычка, расположеніе, которое онъ чувствуетъ къ ней, боязнь причинить ей боль; онъ самъ страдалъ бы не меньше ея. Но остановитъ ли его это? Когда надо одержать победу, разве считаетъ онъ людей, которыми вынужденъ пожертвовать и среди которыхъ есть люди любимые имъ? Нетъ: все это ненадежно, ребенокъ – вотъ единственная, прочная связь; тогда у Жозефины является вдругъ мысль – мысль геніальная: устаковить наследованіе посредствомъ усыновленія, устроить такъ, чтобы Наполеонъ усыновилъ одного изъ своихъ племянниковъ, ея внука, сына Людовика Бонапарта и Гортензіи. Это значило бы устранить все затрудненія, все примирить, это значило бы удовлетворить Бонапартовъ, такъ какъ предполагаемый наследникъ былъ бы одинъ изъ нихъ, и въ то же время окончательно укрепить свое положеніе, потому что вопросъ о наследованіи былъ бы улаженъ разъ навсегда. Она обдумываетъ все это, мечтаетъ объ этомъ, ей удается убедить Бонапарта, который запрашиваетъ по этому поводу Людовика; но Людовикъ возмущенъ. Онъ выдвигаетъ права своего брата, Жозефа, свои собственныя права, – права братьевъ, наследовать брату! И Наполеонъ изъ родственнаго чувства преклоняется передъ этими якобы правами, – правами, которыя не только ни на чемъ не основаны, но решительно отвергаются, какъ исторіей, такъ и духомъ монархизма; преклоняется и отказывается отъ единственнаго способа установить наследованіе, не прибегая ни къ разводу, ни къ нарушенію установленныхъ принциповъ.

Когда весь этотъ великолепный планъ рухнулъ, – и рухнулъ, не смотря на все ея усилія, – что оставалосъ Жозефине, чтобы связать себя съ Нанолеономъ и его судьбой? Событія, следуя своимъ чередомъ и увлекая за собою людей, превратили перваго консула въ Императора, а ее, такъ какъ она была рядомъ съ нимъ, сделали императрщей; ей воздавали высокія почести высшія государственныя учрежденія, ее величали титуломъ Величества. После тріумфальнаго путешествія въ Эксъ-ля-Шапель и Майнцъ, после ея возвращенія, возвещеннаго Парижанамъ пушкой съ Дома Инвалидовъ, после дефилированія властей передъ ея тономъ, она можетъ повидимому, считать, что сидитъ прочно на своемъ месте, и что разводъ сталъ мало вероятнымъ. Но произойди что-нибудь неожиданное, и она не удержитъ Наполеона въ своихъ рукахъ. Судьба можетъ унести его отъ нея, – совершенно такъ же, какъ вчера, на Эспланаде, уносилъ ветеръ дымъ отъ пороха, который жгли въ ея честь. Какъ разъ вотъ въ Сенъ-Клу она видитъ, какъ одна дама, явившаяся къ ней съ визитомъ, встаетъ и уходитъ изъ апартаментовъ. Такъ какъ у нея давно уже возникли кое-какія

подозренія, то она тоже выходитъ изъ салона, идетъ въ кабинетъ Императора, поднимается по потайной лестнице, подходитъ къ комнате въ антресоляхъ, узнаетъ голосъ Императора, голосъ этой дамы, заставляетъ открыть двери, устраиваетъ сцену, вызываетъ страшную вспышку гнева у Наполеона, который объявляетъ, что ему надоело это шпіонство, что онъ намерекъ покончить съ нимъ, намеренъ последовать совету всехъ близкихъ ему людей, что онъ твердо решилъ развестись. Онъ вызываетъ Евгенія, чтобы сговориться о подробностяхъ развода. Евгеній приходитъ, но отказывается отъ какихъ бы то ни было вознагражденій и милостей какъ для себя, такъ и для матери. Проходятъ два дая. Жозефина не жалуется; она только плачетъ. «Слезы очень идутъ женщинамъ», сказалъ какъ-то Наполеонъ. Кроме того, онъ чувствуетъ себя, несмотря ни на что, виноватымъ, да и актъ такой важности не долженъ и не можетъ совершиться подобнымъ образомъ. Если бы его воля столкнулась съ другой волей, онъ сталъ бы настаивать. Передъ слезами онъ сдается. Происходитъ последній разговоръ: «У меня не хватаетъ твердости, – говоритъ онъ ей, – принять окончательное решеніе; и если ты будешь показывать, что ты очевъ сильно привязана ко мне, если ты будешь только повиноваться мне, то у меня, я чувствую, никогда не хватитъ силъ добиться, чтобы ты оставила меня; но, признаюсь тебе, я горячо желаю, чтобы ты сумела подчиниться моимъ политическимъ разсчетамъ и сама избавила меня отъ всехъ осложненій, которыя создаются этимъ тяжелымъ положеніемъ». При этихъ словахъ онь плачетъ. Но Жозефина не смущается; она совсемъ не склонна приносить жертвы. Не ей решать свою судьбу, а ему, потому что ея судеба – дело его рукъ. Она готова повиноваться, но будетъ ждать его приказаній, чтобы сойти съ трона, на который онъ самъ возвелъ ее. Его сердечныя привязанности, привычки, неустойчивость политическаго положенія, шаткія надежды на очень сомнительное отцовство, любовь къ пасынкамъ, необходимость отказаться отъ все еще любимой женщины, разбить ея жизнь, которую онъ связалъ съ своей, раздраженіе при виде радости и торжества враговъ Жозефины, жалость, которую вызываютъ въ немъ своей покорностью Богарне, – все это заставляетъ его решиться: онъ отбрасываетъ мысль о разводе и какъ бы для того, чтобы разъ навсегда предупредить ея возвращеніе, приказываетъ жене серьезно заняться приготовленіями къ коронаціи, къ которой и она будетъ пріобщена.

Коронація! Быть помазанной на царство Папой, участвовать въ тріумфе новаго Карла Великаго, осуществить – ей, безвестной креолке, вывезенной съ острововъ по капризу какой-то

содержанки, – заветную мечту всехъ королевъ Франціи, осуществленную лишь немногими изъ нихъ, получить отъ самого Первосвятителя троекратное миропомамазаніе и отъ Императора – корону, этого достаточно, чтобы удовлетворить не только честолюбіе – какое честолюбіе способно претендовать на такое великолепіе? – но любую манію величія. А после того, какъ она будетъ миропомазана к коронована, разве ее можно будетъ отвергнуть? Это – наикрепчайшая связь, какую только можетъ заключить съ нею Наполеонъ. Чего же можетъ она еще желать въ смысле уверенности въ своемъ будущемъ?

Темъ не менее, она желаетъ еще кое-чего: до сихъ поръ, т. е., въ теченіе восьми летъ, ея совесть нисколько не тревожило то обстоятельство, что она обвенчана только гражданскі; и она прекрасно прожила это время съ Бонапартомъ, не смотря на то, что ихъ бракъ не былъ освященъ церковью. Она знаетъ, что ей придется преодолеть большія препятствія, чтобы добиться церковнаго брака. императоръ сошлется, пожалуй, на то, что разъ этотъ обрядъ не былъ совершенъ въ свое время, то нетъ смысла привлекать теперь къ этому вниманіе. Большинство людей, окружающихъ его, находится въ томъ же положеніи, что и онъ; и одинъ уже примеръ его способенъ толкнуть и ихъ на исполненіе того же обряда, что легко можетъ принятъ характеръ оппозиціи гражданскому закону, характеръ возврата къ старому режиму, или, по крайней мере, будетъ понято въ томъ смысле, что глава правительства не считаетъ достаточнымъ единственный видъ брака, который Государство признаетъ действительнымъ. Ея просьбе онъ сумеетъ противопоставять достаточно сильные доводы, не ссылаясь даже на ту причину, которая имеетъ для него решающее значеніе: если въ данный моментъ въ его намеренія совершенно не входитъ развестись съ нею, то онъ не хочетъ связывать себя на будуще время и не можетъ предвидеть всехъ случайностей. Онъ знаетъ, что Церковъ очень сговорчива, когда имеетъ дело съ сильными. и что она при нужде не откажется разорвать то, что сама же скрепила; но онъ предпочитаетъ, – въ томъ случае, если ему придется впоследстіи расторгнуть бракъ, – не оказаться вынужденкымъ прибегать къ ней и зависеть только отъ самого себя.

Следовательно, все попытки Жозефины въ этомъ направленіи были бы тщетны, и она это знаетъ. Впрочемъ. какіе доводы она могла бы представить? Что ее безпокоитъ совесть? Вотъ ужъ, действительно, надъ чемъ посмеялись бы Наполеонъ и весь Дворъ! Но Папа не станетъ смеяться надъ этимъ.

Когда въ Фонтенебло, въ понедельникъ, 5 фримера, на другой день после своего пріезда, Пій VII приходитъ вторично отдать

Жозефине визитъ, она посвящаетъ его въ свои намеренія (она давно подготовляла почву и несколько летъ находится въ переписке съ Папою, а въ нивозе XII г. послала ему съ своимъ двоюроднымъ братомъ Таше великолепный кружевной стихарь). Она признается *своему отцу,* что не венчана въ церкви, и Папа, поздравивъ *свою дочь* за ея намереніе подчиниться святому закону, обещаетъ ей потребовать отъ Императора, чтобы обрядъ венчанія былъ исполненъ.

Наполеонъ, такимъ образомъ, оказывается вынужденнымъ подчиниться. Папа, съ его характеромъ, воспитаніемъ, взглядами, вполне способенъ отложить коронацію, если Императоръ отложитъ венчаніе, отказать въ первой, если ему отказываютъ во второмъ. Первоначально назначенная на 18 брюмера, коронація была перенесена на I фримера, потомъ на 11. Каждая отсрочка стоитъ огромныхъ расходовъ, вызываетъ недовольство, тревогу. Все гражданскія и военныя депутаціи прибыли. Парижъ полонъ ими; не знаютъ, что съ ними делать. Какой скандалъ, если Папа, явившись въ Парижъ, чтобы короновать Императора, вернется въ Римъ, не совершивъ церемоніи! Надо решаться. 9-го, утромъ, кардиналъ Фешъ даетъ супругамъ брачное благословеніе. Если когда-нибудь было принужденіе, то именно здесь, и Наполеонъ впоследствіи могъ безъ угрызеній совести заявить, что его воля не была свободна и что такъ какъ съ его стороны, действительно, было отсутствіе согласія, то бракъ, темъ самымъ, канонически не действителенъ. Но Жозефина и не думаетъ объ этомъ. Она – императрица, она обвенчана священникомъ, она миропомазана Папой, она коронована Императоромъ: будетъ ли она теперь спокойно спать?

XI. Госпожа ***

Чисто чувственныя прихоти оживляютъ антракты, занимаютъ передній планъ сцены; но въ характере Наполеона имеются другія стороны, требующія удовлетворенія. Онъ не былъ бы самимъ собою, если бы довольствовался случайной любовью, которую можно просто купить за деньга. Ему знакомы приступы меланхоліи, о которыхъ никто и не подозреваетъ, онъ знаетъ прелесть уединенія вдвоемъ, среди толпы, потребность въ любви духовной сказывается въ немъ съ годами все сильнее, по мере того, какъ на его пути учащаются удобные случаи удовлетворять чувственность, и въ то же время непрерывное возвышеніе поднимаетъ его надъ людьми на такую высоту, что онъ оказывается совершенно одинокимъ.

Въ конце консульства это настроеніе еще мимолетно, едва уловимо, но затемъ оно повторяется и усиливается, становится опредѣленнее и длительнее; это уже не порывъ юной страсти, которую онъ испыталъ, когда узналъ Жозефину; рядомъ съ чисто плотской любовью начинаетъ проявляться чувство, новторяющееся черезъ известные промежутки времени; оно раскрываетъ въ Наполеоне безпокойную душу, которая постоянно жаждетъ чего-то неведомаго и гонится за мечтой о счастьи такъ же, какъ и за мечтой о власти.

Когда это чувство еще смутно въ немъ, обладаніе, – котораго онъ страстно добивается, добивается темъ усиленнее, чемъ значительнее препятствія, добивается именно потому, что эти препятствія имеются, – почти тотчасъ же, гасить въ немъ страсть, потому что онъ находитъ действительность ниже того, о чемъ мечталъ; чувства его очищаются, одухотворяются, физическое обладаніе перестаетъ быть единственнымъ предметомъ стремленій, – и тогда передъ нами встаетъ новый Наполеонъ, совершенно отличный отъ того, который удовлетворяетъ свои физіологическія потребности съ посетительницами потайного апартамента, Наполеонъ, чуткій, нежный, пользующійся для выраженія своихъ мыслей языкомъ, который можетъ показаться языкомъ героя *Астреи.*

Несомненно, такого образа действій за нимъ не знаютъ и чтобы приписывать ему таковой съ уверенностью, необходимо располагать целымъ рядомъ указаній – точныхъ, подлинныхъ, несомненныхъ. Но разъ мы имеемъ таковыя для другой эпохи его жизни, – хотя бы и более поздней, – то по отношенію къ более раннимъ временамъ мы можемъ пользоваться индукціей, сопоставляя для этого признаки, которые могли казаться неинтересными, и тогда мы можемъ быть уверены, что находимся на верномъ пути.

Темъ не менее, – ни единаго прямого доказательства, и, чтобы не ошибиться, необходимо преодолеть безчисленное множество затрудненій. Те женщины, съ которыми сближается Наполеонъ, не только не стараются разсказывать о своемъ успехе, но по большей части даже уничтожаютъ всякіе следы его. Имъ приходится остерегаться мужа, оберегать свою репутацію. Оне оставляютъ после себя потомство, которое ревниво хранитъ ихъ тайну. Даже люди нескромные, говоря о нихъ, скрываютъ все же имена, которыя оне носили, и было бы дурно съ нашей стороны, хотя бы даже по прошествіи целаго века, поднимать скрывающую ихъ завесу. Да и можемъ ли мы быть всегда уверены, что эта вавеса скрываетъ отъ насъ постоянно одну и ту же женщину, что позади нея – одна женщина, и не несколько?

Несомненно, какъ внешнія черты, такъ и душевныя свойства по большей части совпадаютъ; имеются характерные факты, по поводу которыхъ нельзя ошибаться, особенно, если самъ же сохранилъ съ детскихъ летъ очень живое и отчетливое воспоминаніе объ известномъ лице; но это уже не документы, и здесь можно двигаться впередъ лишь съ самыми тщательными предосторожностями, хотя бы и рискуя при этомъ недостаточно осветить факты и оставить многое въ тени.

* * *

При консульскомъ Дворе была молодая замужняя женщина двадцати летъ, мужъ которой былъ на тридцать летъ старше ея.

Пользуясь большимъ уваженіемъ, какъ крупный работникъ, онъ оставилъ по себе прекрасную память везде, где служилъ. Это былъ прекрасный Государственный деятель. Въ одной спеціальной, но очень важной для національныхъ финансовъ области онъ прослылъ знатокомъ и авторитетомъ; онъ создалъ административную организацію, которою заведывалъ и которая поныне еще действуетъ, согласно традиціямъ и законамъ, имъ выработаннымъ.

Жена его была прелестна; вся – грація, вся – нежность, хорошенькія, съ прелестными зубами, чудными, белокурыми волосами, орлинымъ носомъ, несколько длиннымъ, но тонкимъ и очень характернымъ, красивыя руки и очень маленькія ноги; черты лица не особенно правильныя, но – очаровательная улыбка и полная гармоничность общаго облика, такого своеобразнаго, благодаря длинному разрезу темно-синихъ глазъ съ поволокой.

Правда, эти глаза принимали любое выраженіе, какое угодно было ихъ обладательниде придать имъ, и, поэтому, имъ не хватало искренности; но надо было быть женщиной и ревнивой женщиной, чтобы подметить это. Она дивно танцовала. пела артистически, ечень талантливо играла на арфе, умела читать и слушать и тогда еще не очень проявляла свой тонкій умъ, который такъ выказала впоследствіи. Она обладала большой силой воли. практическимъ чутьемъ, была честолюбива и не особенно разборчива въ средствахъ; но ея несомненная черствость скрашивалась изяществомъ и красотой, и хотя по происхожденію она была буржуазка, но ей, больше, чемъ знатнымъ дамамъ, была присущи и благородство обращенія, и изящный вкусъ, и торжественностъ манеръ, принятыхъ при Дворе. «Она огъ рожденія обладала удивительной чуткостью во всемъ, что касается светской жизни и светскаго обращенія, – искусствомъ,

которое усваивается чутьемъ, но которому нельзя обучить»; но следуетъ прибавить, что она держалась при этомъ такъ гордо и заносчиво, словно и ея предки были не маленькими людьми, не скромными провинціальными буржуа, а герцогами и перами.

* * *

Въ какой моментъ влюбился Бонапартъ въ эту молодую женщину? По некоторымъ признакамъ можно думать, что въ брюмере XII г. (ноябрь 1803 г.); но быстрота, съ которой были закончены предварительные переговоры съ дамой, захваченной Жозефиной врасплохъ въ апартаменте, выходившемъ на оранжерею, въ Сенъ-Клу, повидимому, устраняетъ эту гипотезу, хотя фактъ рожденія ребенка, имевшій место ровно черезъ девять месяцевъ (5 августа 1804 г.), какъ будто вполне подтверждаетъ ее.

Правда, родившійся тогда ребенокъ ничемъ не выделялся, – ни своимъ умомъ, ни своей наружностью. Но черты столь характерныя, какъ черты Бонапартовъ, могутъ, такъ сказать, перескочить черезъ целое покоденіе и лишь у какого-нибудь изъ потомковъ расцвести пышнымъ цветомъ своей царственной красоты, обличающей ихъ происхождепіе. Такъ, безъ сомненія, и произошло; и это заставило Наполеона усумниться въ своемъ отцовстве, укрепило доверіе мужа и упрочило положеніе жены; но спустя целое поколеніе, раскрылся секретъ, который до техъ поръ более или менее хорошо хранился.

Не она ли та неизвестная дама, которая, въ конце консульства, посещала маленькій домикъ въ аллее *Вэвъ,* который такъ таинственно посещалъ и Наполеонъ? Та ли это самая женщина, къ которой Наполеонъ одинъ, перерядившись, ходилъ на квартиру, находившуюся въ самомъ центре Парижа? Неизвестно. Приключеяіе въ Сенъ-Клу, повидимому, одна изъ техъ банальныхъ прихотей, которыя не имеютъ, или почти не имеютъ заврашняго дня. Напротивъ, ночныя путешествія, какова бы ни была ихъ цель, свидетельствуютъ, что Наполеонъ, обыкновенно большой домоседъ, былъ захваченъ непреоборимымъ увлеченіемъ, которое редко повторяется въ его жизни. Здесь есть много темнаго, что нельзя еще осветить и что авторы мемуаровъ или ихъ издатели старательно еще больше затемняли до сихъ поръ изъ уваженія къ замешанной здесь женщине и къ ея потомству. Но о некоторыхъ обстоятельствахъ мы имеемъ вполне согласныя между собою сведенія, дополняющія и подтверждающія одно другое; за отсутствіемъ матеріальныхъ доказательствъ, здесь мы имеемъ, по крайней мере. въ высшей

степени основательныя предположенія, очень приближатощія насъ къ истине.

Императоръ выехалъ въ Фонтенебло навстречу Папе, который едетъ совершать надъ нимъ обрядъ помазанія. Онъ привезъ туда. свой дворъ. Сразу всемъ бросается въ глаза, что онъ очень веселъ, приветлквъ. После того, какъ Папа ушелъ въ свои апартаменты, онъ остался у Императрицы и разговариваетъ главнымъ образомъ съ присутствующими тамъ женщинами. Жозефина начинаетъ безпокоиться; въ ней просыпается ревность; его поведеніе кажется ей совершенно неестественнымъ, и она начинаетъ думать, что здесь затевается какая-то интрига. Но кого залодозреть? Кого обвинять? Она набрасывается на г-жу Ней, которая горячо защищается и отравдывается передъ Гортензіей, своей товаркой по пансіону Кампанъ, я доказываетъ, что Императоръ не обращаетъ на нее никакого вниманія, что онъ интересуетея одной придворной дамой, которая очень нравится Евгенію де Богарне и съ которой Жозефина обращается, поэтому, наилучшимъ образомъ, Евгеній – только ширма: если эта дама отвечаетъ на его взгляды и, повидимому, съ удовольствіемъ болтаетъ съ нимъ, то на деле она связана исключительно съ Мюратами, вернее съ Каролиной, потому что въ интригахъ этого рода самъ Мюратъ – не въ счетъ и Каролина, которая очень не любитъ свою золовку и веегда готова сыграть съ ней какую-нибудь штуку, сама ведетъ это преддріятіе, какъ будетъ вести и много другихъ въ томъ же роде.

Возвращаются въ Парижъ; соглаіаеніе еще не достигнуто. Наполеонъ решительно влюбленъ и очень неохотно покидаетъ апартаменты Императрицы, когда дежуритъ интересующая его дама. Онъ отправленіется съ Жозефиной на спектакли, когда эта дама ее сопровождаеть. Онъ придумываетъ посещенія театра запросто, – онъ, который обыкновенно не разрешаетъ Жозефне посещать театръ иначе, какъ при самой парадной обстановке, – лишь бы и она отправилась вместе. Жозефина безпокоится все болъше и болъше, пытается объясниться, но получаетъ отпоръ; хотя въ обществе Налолеонъ теперь более веселъ, приветливъ и простъ, чемъ когда-либо, но въ тесномъ кругу, когда интересующая его дама отсутствуетъ, онъ золъ и раздражителенъ. «Каждый день Бонапартъ устраиваетъ сцены, – пишетъ Жозефина, – для которыхъ я не даю никакого повода; это – не жизнь».

Къ карточному столу, – (въ зто время онь принялся по вечерамъ играть въ карты нли, вернее, делать видъ, что играетъ), – онъ приглашаетъ каждый разъ свою сестру Каролину и двухъ придворныхъ дамъ; одна изъ нихъ – неизменно та, которая

ему нравится. Держа небрежно карты – только для приличія – онъ подолгу говоритъ о тончайшихъ ощущеніяхъ идеальной и платонической любви или, не называя именъ, ни къ кому не обращаясь, начинаетъ отпускать горячія тирады противъ ревности и ревнивыхъ женъ.

Жозефина, на другомъ конце салона, грустно играетъ въ вистъ съ какими-нибудь сановниками, время отъ-времени бросаетъ взгляды на столъ любимцевъ и прислушивается къ фразамъ, которыя этотъ полный и звучный голосъ разноситъ во все концы зала среди почтительнаго молчанія куртизанокъ.

На рауте, который Военный Министръ даетъ въ честь Государей по случаю Коронаціи, за ужиномъ сидятъ, по обыкновенію, только дамы. За почетнымъ столомъ – Императрица съ несколькими своими дамами и женами высшихъ никовъ Короны и Имперіи. Наполеонъ отказался занять место; онъ обходитъ залъ, разговариваетъ съ каждой изъ женщинъ; онъ ухаживаетъ, любезничаетъ; онъ служитъ Жозефине, беретъ тарелку изъ рукъ пажа и подноситъ ее ей. «Онъ хочетъ быть любезенъ только съ одной женщиной и не хочетъ, чтобы это заметили. Одно это – доказательство, что онъ любитъ».

Пройдя вдоль и поперекъ весь залъ, сказавъ несколько словъ каждой женщине, чтобы дать себе право разговаривать съ одной изъ нихъ, онъ подходитъ къ даме, которая ему нравится, и, смущенный, начинаетъ съ того, что обращается къ ея соседке. Стоя между двумя стульями онъ заводитъ разговоръ, втягиваетъ въ него интересующую его особу, начинаетъ за ней ухаживать и, предупреждая ея желаніе, беретъ для нея со стола соусникъ. Это – оливки. «Вы нехорошо делаете, – говоритъ онъ ей, – что едите вечеромъ оливок; вамъ будетъ худо». И обращаясь къ соседке, прибавляетъ: «А вы – вы не едите оливки? Вы хорошо делаете, вы вдвойне хорошо делаете, что не подражаете madame, потому что она во всемъ неподражаема».

Ни одна изъ этихъ уловокъ не ускользнула оть Жозефины; потомъ, ко всему прочему, ей пришлось среди зимы внезапно по воле Императора выехать въ Мальмезонъ. Это разстроияо все ея планы; кроме того, не успели протопить печи й первую ночь пришлось ировести словно въ ледніке; но холодъ мало трогаетъ Императора: онъ совершилъ по мощеннымъ плитами коридорамъ небольшую экскурсію, которой очень доволенъ; но Жозефина, – чего онъ совершенно и не подозреваетъ, – простояла довольно долго за стеклянной дверью, узнала тайну и теперь нисколько не заблуждается относительно цели этого ночного визита.

Дворъ, такимъ образомъ, после празднества, устроеннаго министромъ, возвращается въ Мальмезонъ и на другой день

Императрица, подъ какимъ-то предлогомъ, вызываетъ къ себе даму, которая совершенно не ела оливокъ. Поговоривъ съ ней о томъ, о семъ, она спрашиваетъ, о чемъ разговаривалъ съ нею Императоръ. Потомъ снова вопросъ: «Что онъ говорилъ вашей соседке?» Дама отвечаетъ, что онъ советовалъ ей не есть вечеромъ оливокъ. «О, – говоритъ Жозефина, – разъ онъ давалъ ей советы, то долженъ былъ сказать, что съ такимъ длиннымъ носомъ смешно разыгрывать Рокселяну». Затемъ она открываетъ книгу, лежащую на камине; это – новый ромавъ г-жи де Жанли *Герцогиня де Ля Валльеръ*. «Вотъ книга, – говоритъ она, – которая сводитъ съ ума всехъ молодыхъ и худыхъ блондинокъ».

Это отчасти верно, потому что въ Мальмезояне во всехъ комнатахъ, занятыхъ придворными дамами, можно было найти *«Герцогиню де Ля Валльеръ»*. Спросъ на эту книгу былъ необычайный; десяти изданій не хватило, чтобы исчерпать его; и несомненно, не кандидатки въ Ля Валльеръ мешали этому успеху.

Императоръ, между темъ, совершенно не имелъ намеренiй заводить себе фаворитку. «Я не желаю, – говорилъ онъ, – чтобы при моемъ Дворе власть была въ рукахъ женщинъ. Оне принесли много вреда Генриху IV и Людовику XIV; мое ремесло – много серьезнее, чемъ ремесло этихъ принцевъ, и французы стали слишкомъ серьезны, чтобы прощать государю связи, выставляемыя напоказъ и официально – возвеличенныхъ любовницъ».

Его настоящая любовница, – какъ сказалъ онъ, – власть. «Я слишкомъ много сделалъ для ея завоеванія, – прибавилъ онъ, – чтобы позволить кому-нибудь похитить ее у меня или даже домогаться ея». Между темъ онъ чувствовалъ, что его обходятъ. Не подлежитъ сомненію, что дама, – очень умная, действовавшая подъ вліяніемъ опытныхъ советчиковъ, – ничего не просила для себя. Она и не могла бы извлечь изъ своего положенія какія-либо выгоды, потому что это показалось бы страннымъ и породило бы подозренія у мужа, который меньше всего могъ бытъ попустителемъ. Самое большее, чего она могла добиться, – это должности придвориой дамы, хотя ни по своему возрасту, ни по положенію, ни по рожденію не могла претендовать на это, ея прошлое ничемъ не было связано съ прошлымъ Бонапартовъ и также не могло бы оправдать ея пребываніе при Дворе; это дало уже поводъ къ разговорамъ, а особенно къ шуткамъ; но чемъ менее продажна и тщеславна была она для себя самой, темъ удобнее ей было осуществлять желанія другихъ, – вчера покровительствовавшихъ ей, сегодня покровительствуемыхъ ею.

Мюратъ, уже маршалъ Имперіи, былъ возведенъ въ санъ принца и адмирала-адъютанта, что поставило его, после

Камбасереса и Лебрэна, въ ряду свѣтлѣйшихъ Принцевъ. Но въ то же время и по собственному почину Императоръ назначилъ Евгенія Богарне принцемъ Государственнымъ оберъ-канцлеромъ и сравнялъ его еъ Мюратомъ. Равновесіе между Бонапартами и Богарне было, такимъ образомъ, возстановлено и даже несколько въ пользу Богарне. Въ какихъ различныхъ выраженіяхъ Наполеонъ возвещаетъ Сенату эти два решенія и какъ различны места, которыя онъ отводитъ въ своемъ сердце пасынку и зятю!

Какъ чувствуется во второмъ случае, что онъ уступаетъ постороннимъ давленіямъ, родственнымъ обязательствамъ, корыстнымъ просьбамъ; и какъ чувствуется въ первомъ, что онъ действуетъ самъ по себе, что изъ лучшаго уголка его души исходятъ слова: «Среди заботъ и огорченій, неизбежныхъ при томъ высокомъ положеніи, которое Мы занимаемъ, мы почувствовали въ нашимъ сердце потребность найти сладостное утешеніе въ привязанности и неизменной преданности Нашего приемнаго сына… Наше родительское благословеніе будетъ сопутствовать ему на его жизненномъ поприще и съ помощью Провиденія онъ окажется современемъ достойнымъ похвалъ потомства». Евгеній, между темъ. ни о чемъ не просилъ; онъ не говорилъ, что его мало удовлетворяють почести, связанныя съ пребываніемъ въ высшихъ военныхъ чинахъ Имперіи; онъ – генералъ, командующій полкомъ егерей; этотъ чинъ ему былъ пожалованъ еще раньше; онъ находятся въ это время на пути въ Миланъ во главе гвардейской кавалеріи – постъ. несомненно, великоленный, и нужно сумасбродство г-жи Ремюза, чгобы называть опалой самую высшую милость, какую только могъ оказать императоръ двадцатитрехлетнему генералу.

Во всякомъ случае, эта опала, – вызванная, какъ утверждаетъ она, новымъ взрывомъ ревности къ Евгенію, – должна была быть необыкновенно кратковременна, потому что Евгеній отправился въ путь 16 января, согласно приказа отъ 14 января, мотивированному темъ, что Гвардія должна присутствовать на коронаціи въ Милане, а черезъ пятнадцать дней онъ получилъ вместе съ личнымъ письмомъ императора копію посланія къ Сенату и извещеніе о назначеніи его принцемъ государственнымъ оберъ-канцлеромъ.

Ничто не могло лучше доказать, что Наполеонъ снова возвращается къ Жозефине, что онъ не намерен кому-либо подчиняться и что овладевшая было имъ любовь, съ которой было связано столько надеждъ, уже почти прошло. Пресыщеніе, действительно, наступило скоро, – особенно, когда исчезли препятствія. Интрига была завязана въ Мальмезоне въ середине зимы; въ Малъмезоне же, еще до наступленія весяы, узелъ былъ

развязанъ.

Въ теченіе пятнадцати дней, которые Дворъ тогда провелъ тамъ, Наполеонъ могъ, пользуясь полной свободой, гулять со своей дамой, беседовать съ нею и, конечно, посещать ее; Жозефина, запершись у себя въ комнате, проводила целые дни въ слезахъ, худея не по днямъ, а по часамъ. Однажды утромъ императоръ приходитъ къ ней, начинаетъ говорить съ нею такъ, какъ говорилъ въ былое время, признается ей, что былъ оченъ влюбленъ, но что теперь это прошло и, въ конце-концовъ, проситъ ее помочь ему порвать связь. Она исполняетъ его просьбу буквально, вызываетъ къ себе даму, которая, вполне владея собою, не выказываетъ ни малейшаго волненія и противопоставляетъ словамъ Императрицы немое и величавое отрицаніе и безстрастіе своего мраморнаго лица. Она кавсегда сохранила нежную привязанность къ Императору, хотя последній, после Аустерлица, связи не возобновилъ и если иногда и возвращался къ ней, то настолько мимолетно, что самые внимательные наблюдатели съ трудомъ могли это подметить. Онъ относился къ ней, впрочемъ, съ большимъ уваженіемъ, оказывая ей всевозможныя милости, совместимыя съ положеніемъ ея мужа, и назначая ее одной изъ первыхъ для придворныхъ почестей и наградъ. Она была изъ числа техъ, которые и въ черные дни остались верны. Она украшала своей красотой праздники Ста Дней, и когда 26 іюня 1815 г., побежденный при Ватерлоо, навсегда удалялся изъ отечества, она одна изъ первыхъ прибыла въ Мальмезонъ – въ тотъ замокъ, который былъ свидетелемъ рожденія и смерти этого романа, – чтобы принести низложенному Императору последнюю дань своей почтительной привязанности и непоколебимой преданности.[16]

XII. Стефанія де Богарне

Еще до Аустерлица Наполеонъ решилъ создать между своимъ домомъ и царствующими домами Германіи целую сеть семейныхъ связей, которыя укрепили бы и сделали бы более тесными союзы политическіе. Онъ глубоко убежденъ, что его система воцарится въ Европе лишь тогда, когда кровь наполеонвскаго рода вполне перемешается съ кровью старинныхъ династій. Думая, что самъ онъ жениться уже не можетъ, онъ собираетъ вокругъ себя всехъ годныхъ къ браку молодыхъ людей и девушекъ, чтобы завязать связи, которымъ однемъ только онъ придаетъ значеніе, потому что оне кажутся ему стоящими выше случайностей политическихъ судебъ и, по его мненію, связываютъ государей кровно и обязываютъ ихъ.

Въ первую очередь, по возвращеніи изъ похода, – бракъ Евгенія де Богарне съ принцессой Августой Баварской. Она была обручена съ принцемъ Баденскимъ, но это не важно. Самолично давая мужа принцессе Августе, Наполеонъ съумеетъ, конечно, найти жену для принца Баденскаго. Для последняго онъ выбираетъ тоже одну изъ Богарне: Стефанію-Луизу-Адріенну де Богарне, дочь Клод де Богарне, графа де Рошъ-Барито и его первой жены Адріенны де Лезей-Марнезья, кузины (не более и не менее, чемъ шестой степени) Гортензіи и Евгенія. Она родилась въ Париже 26 августа 1789 г., четырехъ летъ отъ роду осталась сиротой, некоторое время пробыла въ монастыре Пантемонъ, была взята оттуда подругой ея матери, некоей Леди Бетсъ, которая, после закрытія монастырей, поручила свою воспитанницу двумъ бывшимъ монахинямъ Пантемонскаго монастыря – г-жамъ де Трелиссакъ и де Оабатье, которыя увезли ее къ себе на родину, сначала въ Кастель-саррасенъ, цотомъ въ Перигэ и, кажется, въ Монтобанъ. Ея бабушка по отцу, фанни де Богарне, занята стишками и любовными приключеніями. Отецъ ея эмигрировалъ. Ея дедушка, маркизъ де Марнезья, путешествуетъ по Пенсильваніи. Не будь Леди Бетсъ, ребенку пришлось бы жить на счетъ общественной благотворительности. Однажды, въ XII г., Жозефина разсказываетъ о молоденькой кузине въ присутствіи мужа. Бонапартъ, такой щепетильный во всемъ, что касается семьи, возмущенъ темъ, что его жена оставляетъ ребенка, носящаго ея имя, на попеченіи иностранки, Англичанки! Онъ посылаетъ курьера съ приказаніемъ привезти ребенка. Монахини противятся, но новый курьеръ привозитъ префекту, г. Байи, приказаніе взять Стефанію именемъ закона. Приходится подчиниться; дело не обходится безъ слезъ и безъ испуга. По

пріезде, девочку тотчасъ же помещаютъ къ г-же Кампанъ, и отныне она входитъ въ составъ маленькаго кружка молоденькихъ девушекъ, пріезжающихъ по воскресеньямъ въ Мальмезонъ и оживляющихъ своими белыми платьицами игры въ бары подъ развесистыми каштанами. Жозефина и Гортензія обращаются съ нею, какъ нельзя лучше; но на выходахъ въ дни торжестъ, она – ничто, не имеетъ никакого положенія и предназначена, повидимому, для такого же брака, какой приготовили ея двоюродной сестре Эмиліи де Богарне – г-же Лявалеттъ.

Но маленькая особа смотритъ на дело совершенно иначе, любитъ разыгрывать изъ себя принцессу и очень сухо обращается съ теми родственницами, которыя не имеютъ, подобно ей, чести проживать въ Императорскомъ дворце.

Такъ обстоитъ дело, когда, после женитьбы Евгенія, приходится заняться судьбой Баденскаго принца. Наполеонъ имеетъ въ виду сначала другую воспитаннщу Жозефины, ея племянницу Стефанію Таше, потомъ останавливается на Стефаніи де Богарне. Бракъ, окончательно решенный имъ при его проезде черезъ Карлсруэ 20 января 1806 г., подтвержденъ декретомъ, подписаннымъ въ Париже 17 февраля.

Стефавніи было тогда семнадцать летъ; у нея было милое личико; умница отъ природы, очень веселая, – немножко ребячливая, что ей очень шло, – она имела прелестный голосъ, красивый цветъ лица, живые, голубые глаза и великолепные, белокурые волосы. Взята она была изъ пансіона въ Тюильери после возвращенія Императора въ Парижъ, поместили ее въ комнатахъ, соседнихъ съ комнатами Императрицы, и тотчасъ же она внесла веселье и радость въ жизнь дворца. Живая, очень привлекательная и веселая, она оживляла своей резвостью угрюмые салоны, совершенно не робела передъ Императоромъ и даже еще больше шалила въ его присутствіи. Она развлекаетъ его, вноситъ разнообразіе въ его жизнь, забавляетъ его; она ему нравится; она скоро замечаетъ это и становится еще самоувереннее. Это какъ бы интермедія – не любви, но кокетства со стороны Стефаніи и флирта со стороны Наполеона. Ему хотелось бы, можетъ быть, и идти дальше, но девица желаетъ только позабавиться, извлечь все возможныя выгоды изъ своего положенія и совершенно не намерена компрометировать себя. Она прекрасно чувствуетъ, что та, на которой женится принцъ Баденскій, будетъ, возможно, не m-lle Богарне, а членъ семьи Наполеона, но въ качестве кого, какимъ образомъ, съ какими почестями войдетъ она въ семью? Все это зависитъ отъ Императора и только отъ него и, следовательно, необходимо знать, куда можетъ завести его легкое влеченіе, которое онъ

чувствуетъ къ ней.

Для Стефаніи речь идетъ о борьбе не съ Жозефиной, – если у последней и начинаетъ просыпаться ревность, то, съ другой стороны, она все-таки довольна темъ, что добыла эту принцессу, – а съ сестрами Наполеона, у которыхъ нетъ никакого желанія устулать свое место. Оне защищаютъ его, особенно Каролина Мюратъ, съ ожесточеніемъ и совершенно не церемонятся съ девочкой; но и она не оставляетъ безъ ответа ихъ нападки, открыто смеется надъ ними, показывая прелестные зубы; и не столько остроумныя замечанія, которыя она высказываетъ, сколько зубы, которыя она при этомъ показываетъ, обезпечиваютъ за нею преимущество. Каролина, выведенная изъ себя, доходитъ до грубостей. Однажды вечеромъ, когда ждали Императора, Стефанія уселась на складной стулъ; принцесса Каролина передаетъ ей приказъ встать, такъ какъ нельзя садиться передъ Принцессами Сестрами Его Величества – Стефанія встаетъ, но уже не смеется; она горько плачетъ. Въ этотъ моментъ входитъ Императоръ и, видя ея слезы, которыя идутъ ей такъ же, какъ и смехъ, спрашиваетъ, въ чемъ дело. «Только-то? – говоритъ онъ, – ну такъ садись комне на колени и ты не стеснить никого». И если это происшествіе и не вполне достоверно, то правдоподобнымъ, по крайней мере, его делаетъ следующая запись въ книге главнаго Церемоніймейстера, сделанная на другой день по пріезде пршща Баденскаго: *«Такъ какъ Мы желаемъ, чтобы Наша дочь. принцесса Стефанія-Наполеонъ, полъзовалась всеми прерогативами, принадлежащими ея рангу, – то на всехъ праздпжахъ, собрангяхъ и за столомъ она будетъ помещаться рядомъ съ Нами, а въ случае, если Насъ не будетъ, она будетъ помещаться по правую руку Имчіератрицы».* Такимъ образомъ, она становится выше Жюли, которая скоро будетъ королевой, выше Гортензіи, выше всехъ сестеръ и невестокъ Императора, даже выше принцессы Августы, жены пріемнаго сына.

И на другой день – посланіе къ Сенату, возвещающее одновременно и удочереніе Стефаніи-Наполеонъ, и ея бракосочетаніе; всемъ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ отданъ приказъ прислать депутаціи, и въ сенатской депутаціи фигурируетъ, въ качестве сенатора, Клодъ де Богарне, отецъ принцессы. Этотъ бывшій эмигрантъ, – съ XII г. – сенаторъ (25,000 франковъ жалованья), вскоре награждается за то, что онъ – отецъ такой прелестной дочери, еще одной почетной должностью (окладъ 25,000 франковъ), затемъ получаетъ, въ 1807 г., въ виде дара 25,882 франка, не говоря уже о томъ, что въ 1810 г. назначается Почетнымъ кавалеромъ Маріи Луизы (30,000

франковъ въ годъ), а 22 сентября 1807 г. получаетъ изъ рукъ самого императора даръ въ 200,000 франковъ.

Но все это и сравнить нельзя съ темъ, что делаетъ Императоръ для Стефаніи. Онъ самъ заботится о платьяхъ, которыя даетъ ей, и о приданомъ, которое заказываетъ для нея, о длинномъ, тюлевомъ, вышитомъ золотомъ и камнями платье, стоющемъ 2,400 франковъ, о двенадцати платьяхъ, изготовляемыхъ Ленорманомъ по 1900, 1800 и 1200 франковъ; онъ заказываетъ у Леруа на 45,178 фр. 96 сантимовъ всякихъ принадлежностей женскаго туалета, у Ру-Монтанья – на 2,574 франка искусственныхъ цветовъ. Онъ даетъ ей въ приданое полтора милліона франковъ, даритъ ей великолепную брилліантовую парюру, множество драгоценностей и на мелкіе расходы тысячу луидоровъ.

Гражданское бракосочетаніе, въ особенности же – церковное обставлено съ такою пышностью, какую только можно вообразить себе; императорская свита во всемъ ея блеске, настоящая выставка царскаго великолепія. Наполеонъ не смогъ бы сделать даже для своей собственной дочери. Празднество происходитъ не только во дворце: оно захватываетъ и городъ; на площади Согласія былъ сожженъ фейерверкъ. Но когда последнія ракеты погасли, последніе звуки музыки растаяли въ воздухе, гости были отпущены, и Императоръ съ Императрщей, согласно обычаю, отвели супруговъ; отъ Стефаніи нетъ возможности добиться, чтобы она приняла у себя своего мужа. Она кричитъ, она плачетъ, она требуетъ, чтобы позволили лечь въ ея комнате ея подруге по пансіону – m-lle Нелли Буржолли. Едутъ въ Мальмезонъ. Та же музыка. Кто-то говоритъ принцу Баденскому, что отвращеніе принцессы вызывается его прической, что она терпеть не можетъ прическу съ косой… Онъ приказываетъ тогда остричь себя a la Титъ, но, какъ только онъ появляется, Стефанія разражается громкимъ хохотомъ и объявляетъ ему, что онъ сталъ еще безобразнее. Каждый вечеръ принцъ приходитъ, проситъ, умоляетъ, но ничего не можетъ добиться и кончаетъ темъ, что засыпаетъ отъ утомленія въ кресле. Утромъ онъ идетъ жаловаться Императрице, а Наполеонъ, посмеиваясь, наблюдаетъ всю эту возню, ставшую басней всего Замка. Что Императору это нравится и онъ нисколько не сердится на Стефанію, видно изъ того, что онъ приказываетъ устроить большое празднество въ Тюильери по случаю блакосочетанія; это первый большой балъ, на который приглашенъ не только весь дворъ, но и весь городъ: две тысячи пятьсотъ персонъ. Совершенно невиданное до техъ поръ зрелище представляли две кадрили, которыя вели принцесса Людовикъ и принцесса Каролина – одна въ галлерее Діаны, другая – въ

маршальскомъ зале; совершенно безподобенъ былъ и буфетъ съ его шестьюдесятью антре, шестьюдесятью блюдами жаркого, двумя стами видовъ пирожныхъ, съ тысячью бутылокъ бонскаго вина, съ сотней шампанскаго, сотней бордосскаго и сотней дессертнаго. Но и при возвращеніи Стефанія не оказывается нежнее.

Должны были заговорить политическія соображенія, чтобы Наполеонъ решился вмешаться; кокетство m-lle де Богарне позабавило его, онъ не прочь былъ поддразнить по этому случаю свою жену и даже зашелъ гораздо дальше, чемъ хотелъ, предоставляя молоденькой девушке неподобающій ей рангъ, окружая ея бракъ совершенно исключительной роскошью. Но онъ видитъ, что принцъ Баденскій начинаетъ раздражаться, а теперь, когда надвигается война съ Пруссіей, приходится держаться осторожно со всеми немецкими Принцами, которые могутъ быть союзниками или, по крайней мере, оказаться полезными своей осведомленностью.

Впрочемъ, куда можетъ завести его эта игра въ любовь, не соответствующая ни его достоинству, ни его возрасту, ни его темпераменту? Онъ никогда не собирался женить принца Баденскаго на своихъ объедкахъ; несомненно, онъ не затронулъ чести Стефаніи до ея замужества; не могъ бы онъ взять себе въ любовницы эту наследную принцессу, которая уже такъ величественно держитъ себя, неимоверно гордясь темъ, что онъ ее удочерилъ. Она становится лишней въ Париже, она можетъ быть полезна въ Карлсруэ, хотя бы для того, чтобы уравновешивать вліяніе маркграфини Людовикъ и всего этого маленькаго двора, враждебнаго Франціи.

Наполеонъ наскоро разследуетъ какую-то исторію съ перехваченными письмами, которыя показываютъ, какое дурное обращеніе ожидаетъ его пріемную дочь, и даже еще не получивъ удовлетворенія, торопитъ съ отъездомъ. Стефанія уезжаетъ очень огорченная, хотя и увозитъ съ собою трехъ подругъ по пансіону – m-lle де Мако, m-lle Буржоли и m-lle Грюо. Только что прибыве въ Государство своего свекра, она пишетъ Императору: «Государь, каждый день, когда я остаюсь одна, я думаю о васъ. объ Императрице, обо всемъ, что мне дорого. Я переношусь во Францію, вижу себя подле васъ, и моя грусть доставляетъ мне даже удовольствіе». Наполеонъ отвечаетъ ей довольно строго, въ тоне совета, безъ малейшаго проявленія нежныхъ отеческихъ чувствъ: «Карлсруэ – прекрасный городъ… Будьте любезны съ избирателемъ, онъ вашъ отецъ… Любите вашего мужа, который заслуживаетъ этого своей привязанностью къ вамъ». Когда она, желая доставить ему удовольствіе, пишетъ, что ей хорошо въ

Карлсруэ, онъ смягчается, называетъ ее *своей дочерью,* но все же снова говоритъ о томъ, какъ она должна себя вести. Онъ становится любезенъ съ нею лишь тогда, когда наследный Принцъ проситъ взять его съ собою въ походъ и въ то же время сообщаетъ ему о беременности Стефаніи. «Я узнаю о васъ только добрыя вести, – пишетъ онъ. – Продолжайте же вести себя разумно и будьте добры со всеми». Онъ отправляетъ ей двухъ прекрасныхъ лошадей изъ своей конюшни, разрешаетъ ей пріехать въ Майнцъ къ Императрице и Гортензіии пробытъ съ ними то время, когда мужъ будетъ находиться въ арміи. Начиная съ этого момента, Наполеонъ почти въ каждомъ письме къ Жозефине, въ Майнцъ, посылаетъ поклоны Стефаніи, но делаетъ это между прочимъ, только потому, что она тамъ живетъ, безъ всякаго съ его стороны кокетства.

Въ 1807 г. Стефанія и ея мужъ получаютъ приглашеніе на празднества, устраиваемыя по случаю бракосочетанія Жерома съ Екатериной Вюртембергской; Стефанія спешитъ пріехать въ Парижъ. Но если она сохранила хоть какія-нибудь притязанія на сердце Наполеона, если она питаетъ еще какія-нибудь иллюзіи относительно своего удочеренія, происшедшаго только около года тому назадъ, относительно исключительнаго ранга, который такъ торжественно былъ ей тогда предоставленъ, – то какое разочарованіе ждетъ ее! Теперь ей отведено последнее место среди принцессъ; словно изъ милости фигурируетъ она среди Императорской Семьи. Теперь она – только одна изъ принцессъ германскаго Союза, и если бы здесь присутствовали германскія королевы, оне были бы впереди ея. Изъ милости ей даютъ складную скамеечку, тогда какъ принцессы, принадлежащія къ Семье, имеютъ стулья. Сначала она, повидимому, не замечаетъ своего паденія и съ удовольствіемъ позволяетъ Жерому, новому королю Вестфаліи, ухаживать за собой; но ея тетка делаетъ ей замечаніе, теперь она видитъ свое положеніе въ его истинномъ свете; она понимаетъ, что можетъ упрочить свое положеніе, только сблизившись съ мужемъ, и такъ влюбляетъ его въ себя, что онъ становится невыносимо ревнивымъ.

Во всякомъ случае, онъ будетъ ее защищать противъ коалиции родныхъ въ 1814 г., когда, после паденія Императора, отъ него начнутъ требовать, чтобы онъ разошелся съ нею, чтобы онъ удалилъ изъ Зерингенскаго дома этого ненужнаго свидетеля нарушенныхъ клятвъ, одно присутствіе котораго напоминаетъ о благодеяніяхъ, автора которыхъ такъ хотелось бы теперь забыть. Но не поэтому ли этотъ мужчина, такой здоровый, въ тридцать два года, вдругъ заболеваетъ, целый годъ чахнетъ и въ конце концовъ умираетъ въ непонятныхъ мученіяхъ въ 1818 г.?

И Стефанія не смогла сберечь ни одного сына изъ всехъ своихъ детей! Когда она теряетъ второго, или считаетъ его мертвымъ, она шлетъ Императору полный отчаянія крикъ: «Я была слишкомъ счастлива – я могла сказать Вашему Величеству, что у меня ребенокъ, просить его любить, оказывать ему покровительство; сынъ заставлялъ меня забывать о многахъ огорченіяхъ и былъ такъ необходимъ въ моемъ положеніи, обязанности котораго иногда очень тяжелы… Я должна была отказаться отъ всехъ моихъ надеждъ!..» Въ глубокій трауръ повергаетъ ее судьба, столь немилостивая къ ея сыновьямъ, оставляющая ей только дочерей, лишающая ея потомство, – обреченное изъ-за нея на политическое безплодіе, – права наследовать престолъ.

Но черезъ десять летъ после смерти Великаго Герцога, 26 мая 1828 г. между четырьмя и пятью часами вечера, на Нюренбергскомъ рынке одинъ буржуа встречаетъ молодого человека шестнадцати-семнадцати летъ, который твердитъ одну или две фразы на нижне-немецкомъ наречіи: Ноги этого юноши никогда неходили, его глаза никогда не видели солнечнаго света, его желудокъ не выноситъ никакой мясной пищи: такая атрофія органовъ могла быть вызвана только темъ, что онъ съ ранняго детства былъ лишенъ свободы и заключенъ въ темное помещеніе. Стефанія первая начинаетъ соображать, подсчитывать, сопоставлять даты: у нея создается убежденіе, что таинственный нюренбергскій незнакомецъ, которому дали имя Гаспара Гаузера, – ея сынъ, сынъ, котораго подменили мертвымъ ребенкомъ и который, будучи жертвой ненависти маркграфини Людовикъ и честолюбія графини Гохбергъ, въ теченіе шестнадцати летъ томился въ темноте въ наказаніе за то, что его мать – изъ семьи Наполеона. Но что можетъ сделать Стефанія?

Ея враги восторжествовали: одна царствуетъ; другая, осыпанная вместе съ своими потомками нежданными почестями, возвеличена настолько, что ея незаконнорожденному, въ лучшемъ случае, морганатическому потомству предстоитъ занять велико-герцогскій тронъ. Стефаніи остается только бояться за Гаспара Гаузера, оплакивать его, когда после трехъ неудачныхъ покушеній изъ-за угла, его, наконецъ, убиваютъ. Что это: одинъ изъ сладко баюкающихъ материнское сердце самообмановъ или одно изъ техъ откровеній, которыя лучше всякихъ полицейскихъ и судебныхъ разследованій освещаютъ иногда великое преступленіе? Какъ бы то ни было, но до своего последняго часа (она умерла 29 января 1860 г.) она уверяла техъ немногихъ французовъ, которыхъ принимала запросто у себя въ заброшенномъ Мангеймскомъ замке, что ея сынъ не умеръ, а

былъ у нея похищенъ въ 1812 г. Она называла авторовъ преступленія и ихъ соумышленниковъ, разсказывала о своихъ предположеніяхъ и о своихъ мечтахъ. Некоторые немецкіе писатели пытались доказывать, что эта мать ошибалась: темъ лучше для царствующаго Баденскаго дома!

XIII. Элеонора

Жозефина можетъ быть приблизительно спокойна за свое будущее, пока Наполеонъ не пріобрететъ уверенности въ томъ, что можетъ иметь детей; а чтобы эта уверенность создалась у него, необходимо стеченіе обстоятельствъ совершенно невероятное. И это какъ разъ происходитъ; открытіе приходитъ оттуда, откуда, несомненно, меньше всего его можно было ждать; – къ нему приводитъ легкая связь, которая, казалось, не будетъ иметь завтрашняго дня и которой Императоръ не могъ въ то время придавать никакого значенія.

Г-жа Кампанъ, бывшая горничная при Королеве, основала, какъ известно, въ Сенъ-Жерменъ-анъ-Лей, въ конце Революціи, пансіонъ для девицъ, которому, почти съ самаго начала его существованія, покровительствовала Жозефина; она последовательно поместила туда свою дочь Гортензію, своихъ племянницъ и двоюродныхъ сестеръ Эмилію и Стефанію де Богарне, Стефанію Таше, Фелицату де Фодоа, потомъ свою золовку, Каролину Бонапартъ, и даже дочь Люсьена – Шарлоту. Вокругъ этихъ молодыхъ девушекъ сгруппировалось большинство девицъ, отцы которыхъ имели или желали иметь какую-нибудь связь съ Консуломъ: m-lles Барбрэ-Марбуа, Леклеркъ, Викторъ, Кларкъ, Макдональдъ… Благодаря тому, что племянницамъ г-жи Кампанъ, m-lles Огье, удалось, пользуясь интимной близостью съ Гортензіей, заключить очень выгодные браки, множество всякихъ интригановъ, даже изъ бедныхъ, начали просить принять и ихъ дочерей въ пансіонъ.

Г-жи Кампанъ слыла за вліятельную особу, многимъ устроила судьбу, добилась для некоторыхъ эмигрантовъ исключенія изъ эмигрантскихъ списковъ, возвращенія конфискованныхъ имуществъ. Короче – поступать къ ней было въ моде, и рядомъ съ именами славными, но очень новыми, въ спискахъ имелись такія имена, какъ Ноайли, Талони, Лалли-Толендали, Рошмоны, затемъ имена крупныхъ финансистовъ и имена совершенно безвестныя.

Была тамъ, между прочимъ, одна молодая девушка, о происхожденіи которой хозяйке пансіона было бы неловко дать сведенія, если бы она выбирала своихъ пансіонерокъ такъ же осмотрительно, какъ это было въ начале ея деятельности; слава ея заведенія несколько померкла после Консульства, и она была вынуждена для заполненія свободныхъ местъ принимать почти всехъ, кто къ ней обращался. Это была m-lle Луиза-Екатерина-Элеонора Дэнюель де ля Плень. Отецъ, выдававшій себя за рантье, не всегда былъ счастливъ въ своихъ делахъ; мать, еще

оченъ хорошенькая, была довольно легкомысленна, и семья, занимавшая на Итальянскомъ бульваре роскошную квартиру, принимала у себя многочисленное и очень пестрое общество, жила со дня на день на доходы отца или на доходы матери, въ ожиданіи, когда дочь, которой было семнадцать летъ въ 1804 г. (она родилась 13 сентября 1787 г.), сделаетъ богатую партію или, по крайней мере, всупитъ въ светъ.

Время проходитъ, мать старится, отецъ влезаетъ въ долги, обожатели исчезаютъ, плата за пансіонъ становится обременительной, а съ техъ поръ, какъ Богарне ушли, у г-жи Кампанъ прошло время такихъ браковъ, какіе удалось заключить m-lle Ней или m-lle Савари.

Г-жа Денюэль, не имея доступа въ салоны, решается показать свою дочь въ театре, и въ одинъ прекрасный вечеръ какой-то офицеръ приличной наружности является, въ театре Gaite, въ ложу, передніе стулья которой занимаютъ оне съ дочерью, и занимаетъ свободное место. Дамы не имеютъ неприступнаго вида, офицеръ очень любезенъ, и знакомство быстро подвигается впередъ. Онъ говоритъ о любви, ему въ ответъ говорятъ о браке. Пусть – бракъ, если безъ него нельзя обойтись.

Его приглашаютъ на Итальянскій бульваръ, онъ, конечно, принимаетъ приглашеніе и продолжаетъ насупленіе. Отецъ, правда, пытается занять у него денегъ, это внушаетъ ему подозренія относительно. ихъ образа жизни, но разговоръ съ г-жей Кампанъ успокаиваетъ его совесть, – если вообще она есть у него; онъ только объявляетъ, что желаетъ венчаться въ Сенъ-Жерменъ, и венчаніе, действительно, происходитъ тамъ 25 нивоза XIII г. (15 января 1805 г.).

Этотъ офицеръ, Жанъ-Оноре-Франсуа Ревель, называвшій себя капитаномъ 15-го драгунскаго полка, прикомандированнымъ къ гепералу д'Авранжъ д'Южеранвилю, оказался мошенникомъ. Онъ былъ квартирмейстеромъ въ полку, въ которомъ служилъ, вышелъ въ отставку и говорилъ, что намеренъ заняться поставкой провіанта въ армію. Пока что, онъ жилъ въ долгъ въ какой-то гостинице и, повидимому, разсчитывалъ, чтобы выпутаться, гораздо более на красоту своей жены, чемъ на свои собственныя силы. Черезъ два месяца после женитьбы его арестовываютъ за то, что онъ представилъ въ уплату, въ своемъ полку, подложный вексель, и сажаютъ въ тюрьму по обвиненію въ подлоге.

Элеонора вспоминаетъ тогда, что была въ одномъ пансіоне съ Каролиной Мюратъ – съ Е. И. В. Принцессой Каролиной – и снабженная горячими рекомендаціями г-жи Кампанъ, отправляется къ ней просить ея покровительства. Каролина помещаетъ ее въ Шантильи въ какомъ-то якобы семейномъ доме,

въ которомъ принимаютъ молодыхъ женщинъ, попавшихъ въ несчастное положеніе; потомъ, по ея просьбе, она беретъ ее къ себе, несмотря на то, что г-жа Кампанъ советуетъ удалить ее изъ общества и черезъ некоторое время выдать замужъ где-нибудь въ провинціи.

Элеонора очень красива: высокаго роста, стройная, хорошо сложенная, брюнетка съ прекрасными черными глазами, живая и очень кокетливая. Воспитаніе, которое она получила, не научило ее быть разборчивой въ средствахъ; не могла она научиться этому и въ теченіе техъ двухъ месяцевъ, которые прожила съ Ревелемъ. Сначала ей было поручено докладывать о пришедшихъ, потомъ она была возведена въ санъ лектрисы; когда Наполеонъ, возвратившись изъ Аустерлица (конецъ января 1806 г.), явился повидать свою сестру, Элеонора, якобы случайно, оказалась тамъ, где онъ проходилъ; она постаралась обратить на себя вниманіе, и когда ей было сделано предложеніе, немедленно же съ восторгомъ приняла его. Ее везутъ въ Тюильери, а затемъ время отъ времени она является туда на два, на три часа, стараясь оставаться тамъ, какъ можно меньше. Она сама разсказывала, что въ комнате, въ которой Наполеонъ ее принималъ, въ глубине алькова, были повешены стенные часы и, когда Императоръ бывалъ занятъ, она переводила большую стрелку на полчаса впередъ. Время, которое Наполеонъ отдавалъ на подобныя развлеченія, было строго разсчитано; поднимая голову, онъ смотрелъ на часы: «Уже!» говорилъ онъ, и *влюбленная* дама освобождалась.

Хотя она уделяла этому и немного времени, последнее было хорошо использовано. Элеонора знала, какъ взяться за дело. Но она не хотела, чтобы выгодами положенія воспользовался Ревель. Поэтому, 13 февраля она начинаетъ дело о разводе, обвиняя мужа въ нанесеніи ей тяжкихъ оскорбленій, и выигрываетъ дело темъ более, что Ревель осужденъ уголовнымъ судомъ Сены-и-Уазы къ тюремному заключенію на два года. Разводъ объявленъ 29 апреля 1806 г. Произошло это какъ разъ во время, потому что съ марта месяца Элеонора беременна; она родитъ въ субботу, 13 декабря 1806 г., въ улице Виктуаръ, № 29, ребенка мужского пола, который записанъ подъ именемъ Леона, сына девицы Элеоноры Денюэль, рантьерки, двадцати летъ отъ роду, и находящагося въ безвестной отлучке отца.

Никакихъ сомненій относительно отцовства: Элеонора, «причисленная, какъ гласилъ актъ о разводе, къ Е. И. В. принцессе Каролине», жила, после возвращенія изъ Шантильи, въ улице Провансъ, въ правительственномъ отеле (это – отель Телюссонъ, который Мюратъ купилъ 22 нивоза X года). Она выходила изъ

него только для визитовъ въ Тюильери, тайяа которыхъ была известна Каролине. Впрочемъ, чтобы устранить все сомненія, достаточно было взглянуть на ребенка, сходство котораго съ Наполеономъ бросалось въ глаза.

Императоръ узналъ новость о рожденіи, находясь въ Пулстуке, 31 декабря. Чары волшебства разсеялись, и Императоръ отныне могъ быть увереньъ, что можетъ иметь наследника-сына. Это незаконное рожденіе ребенка безъ имени, быть можетъ, больше, чемъ какой-либо другой фактъ, повліяло на его последующую жизнь и определило важнейшія решенія, которыя онъ принялъ после Тильзита и выполнилъ лишь черезъ два года.

Леона поручили сначала г-же Луаръ, кормилице Ахила Мюрата; потомъ, въ 1812 г., былъ образованъ семейный советъ, назначившій ему въ опекуны г. Матьё де Мовьера, мэра коммуны Сенъ-Форже и барона Имперіи и, что было особенно важно, тестя Меневаля, личнаго секретаря Императора.

Наполеонъ, не довольствуясь темъ, что далъ уже ему значительное состояніе, поручилъ герцогу де Бассано въ январе 1814 г., передъ отъездомъ въ армію, прибавить къ нему ренту въ 12,000 ливровъ. 21 іюня 1815 г. онъ прибавилъ еще 100,000 франковъ въ акціяхъ Каналовъ; въ завещаніи былъ также оговореньъ капиталъ въ 320,000 франковъ, предназначенный на покупку земли для Леона; Наполеонъ помнилъ о немъ до своего последняго дня и посвятилъ ему 37 параграфъ своихъ *Инструкцій душеприказчикамъ:* «Я ничего не имелъ бы противъ того, чтобы Леонъ поступилъ въ магистратуру, если это ему по душе».

Но что все эти дары по сравненіи съ темъ, что однажды вздумалъ онъ сделать для него! Чтобы избежать развода, чтобы не расходиться съ Жозефиной, къ которой былъ искренно привязанъ, любя въ ней даже ея недостатки, чтобы выполнить, какъ ему казалось, разумнымъ образомъ, требованія закона о наследованіи, онъ, – это не подлежитъ никакому сомненію, – задумалъ усыновить своего незаконнорожденнаго сына, не одинъ разъ говорилъ объ этомъ съ Жозефиной, советовался со своими приближенными. Онъ ищетъ подходяшихъ примеровъ, ссылается на прецеденты, придумываетъ оправданія; если онъ отступаетъ оть этого плана, то только потому, что прошло время для подобныхъ пріемовъ, прошло время, когда Людовикъ XIV объявлялъ герцога дю Мена и графа Тулузскаго наследниками трона. А въ ожиданіи решенія этого вопроса онъ очень привыкъ къ ребенку, почти привязался къ нему. Онъ часто призываетъ его къ себе то въ Елисейскійдворецъ, то къ сестре Каролине, то даже въ Тюильери на то время, когда одевается и завтракаетъ. Ему нравится кормить его сластями, играть съ нимъ, забавляться его

живой болтовней.

Событія идутъ своимъ чередомъ, Наполеонъ лишается возможности по прежнему заботиться о Леоне; но въ 1815 г. онъ поручаетъ его своей Матери и кардиналу Фешу.

Мать Наполеона и раныне заботилась о немъ; она готова была многое сделать для него; но характеръ Леона былъ не изъ привлекателышхъ.

Въ 1832 г., двадцатипяти летъ отъ роду, онъ, уже раззоренный игрой, обращается къ кардиналу Фешу и обещаетъ ему отныне не терятъ no 45,000 франковъ въ одну ночь. – Клятва игрока! – Черезъ годъ мы видимъ его дельцомъ и въ то же время иллюминатомъ и политическимъ деятелемъ; онъ вызываетъ на дуэль то того, то другого (въ 1833 и 1834 гг.): онъ храбръ и несколько задоренъ. Въ 1834 г. онъ выбранъ батальоннымъ командиромъ національной гвардіи въ Сенъ-Дени, благодаря тому, что связываетъ себя съ «великимъ человекомъ, которому обязанъ своимъ рожденіемъ». За небрежное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ онъ временно отрешенъ отъ должности, а затемъ уволенъ и принимается за писаніе анологетическихъ брошюръ, въ которыхъ трудно разобраться. Въ 1840 г. онъ впутывается въ официальный кортежъ по случаю возвращенія Праха и, окончательно раззоренный, начинаетъ противъ матери целый рядъ процессовъ.

Элеонора сохранила свое состояніе. Императоръ никогда больше не виделъ ее, онъ отказался принять ее, когда въ 1807 г. она явилась въ Фонтенебло, но онъ расквитался съ нею, давъ ей отель въ улице Победы, 29, и 4 февраля 1808 г. – въ приданое – неотчуждаемую и непередаваемую ренту въ 22,000 ливровъ. Она выходитъ въ этотъ день замужъ за г. Пьера-Филиппа Ожье, пехотнаго поручика, сына некоего, г. Ожье, де Созей, который былъ депутатомъ Третьяго сословія въ Конституанте и супрефектомъ въ Рошфоре, а съ XII г. – депутатомъ Нижней-Шаранты въ Законодательномъ Корпусе. Поручикъ Ожье увезъ свою жену въ Испанію и умеръ въ плену после похода въ Россію. Элеонора скоро утешилась, снова вышла замужъ въ Секенгейме 25 мая 1814 г. за г. Шарля-Августа-Эмиля графа Люксбурга, майора на службе Баварскаго короля. Вернувшись въ Парижъ съ своимъ новымъ супругомъ, она наткнулась на шантажныя угрозы Ревеля, своего перваго мужа, который, пользуясь паденіемъ *тирана,* выставлялъ себя жертвой его, чтобы извлечь, по возможности, выгоды изъ создавшагося положенія. Г-жа Люксбургъ не испугалась его угрозъ, и Ревель, чтобы отмстить и заработать несколько грошей, опубликовалъ безчисленное множество памфлетовъ съ заглавіями великолепно

придуманными для того, чтобы вызвать скандалъ; но онъ потерялъ передъ всеми инстанціями процессъ, который началъ противъ своей бывшей жены.

Леонъ былъ немного счастливее въ своихъ процессахъ съ матерью: ему, правда, было отказано въ сдаче отчета, его обвиненіе въ мошенничестве было оставлено безъ последствій, но онъ добился того, что былъ признанъ незаконнорожденнымъ сыномъ, а вместо пенсіи на содержаніе ему присудили 2 іюля 1846 г. единовременно 4000 франковъ. Въ 1848 г. онъ, повидимому, опять добылъ денегъ, потому что собирается выставить свою кандидатуру на постъ президента Республики противъ принца Людовика-Наполеона, съ которымъ восемь летъ тому назадъ, въ марте 1840 г. хотелъ драться на дуэли. Исторія эта настолько странная, что только некоторымъ помешательствомъ и можно ее объяснить. Подробности ея можно найти въ брошюре, озаглавленной *Ответъ е. графа Леона, проживающаго въ Париже, улица Провансъ, 53, – издателю газеты* «Capitole» (Paris, imprimerie de Pierre Baudouin, 1840, in – 4°). Въ 1849 г. онъ выступаетъ на законодательныхъ выборахъ и выпускаетъ манифестъ: *Гражданинъ Леонъ, бывшій графъ Леонъ, сынъ императора Наполеона, директоръ Общества Мира, къ Французскому Народу.*

Наступаетъ Имперія. Леонъ получаетъ отъ Наполеона III, котораго хотелъ убить, пенсію въ 6000 франковъ и, согласно духовному завещанію Наполеона, капиталъ въ 225,319 франковъ; но этимъ онъ не удовлетворяется: въ 1853 г. онъ требуетъ 572,670 франковъ на основаніи никому неведомыхъ декретовъ отъ апреля, мая и іюня 1815 г.; въ 1857 г. онъ требуетъ судомъ съ министра Общественныхъ Работъ возвращенія 500,000 франковъ, которые, по его словамъ, следуютъ ему за изысканія пути Северной железной дороги.

Не проходитъ ни единаго года безъ того, чтобы онъ не выступилъ съ целымъ ворохомъ предложеній, требованій и петицій. Четыре, пять, шесть разъ его долги покрываются изъ суммъ цивильнаго листа. Его голова постоянно кишитъ проектами железнодоржныхъ линій, новыхъ бульваровъ, процессовъ, делъ. Его брошюра: *Миръ, решеніе италъянскаго вопроса,* изданная въ 1859 г., окончательно показываетъ, съ кемъ мы имеемъ дело: онъ провозглашаетъ въ ней, что Кессэнъ – пророкъ своего времени. «Одинъ онъ разрешилъ все трудные вопросы настоящаго и будущаго». Кессэнъ, – этого, можетъ быть, не знаютъ, – авторъ *Девяти книгъ* (1809 г.), основатель *Сераго Дома* (1810 г.), *Новаго Сераго Дома и Духовныхъ Семей.* Весьма вероятно, что *Общество Мира,* директоромъ котораго величалъ

себя Леонъ въ 1849 г., было продолженіемъ *Духовныхъ Семей, о* которыхъ въ 1859 г. онъ, вероятно, одинъ только и помнилъ.

Леонъ умеръ въ Понтуазе 15 апреля 1881 г. несомненно невменяемымъ.

Вокругъ загадочнаго происхожденія этого незаконнорожденнаго сына Наполеона создалось множество всякихъ романовъ. Но какой романъ можетъ сравняться съ исторіей его жизни, изъ которой намъ известны только обрывки, разбросанные въ судебныхъ отчетахъ, въ метрическихъ книгахъ, въ циркулярахъ и избирательныхъ афишахъ, и которая, если бы можно было проследить ее и разсказать целикомъ, принесла бы много всевозможныхъ сюрпризовъ.[17]

XIV. Гортензія

Начало 1807 г. было решающимъ въ жизни Наполеона. Въ Январе онъ узнаетъ о рожденіи Леона; въ мае онъ узнаетъ о смерти Наполеона-Карла. Рожденіе Леона принесло ему уверенность въ томъ, что онъ можетъ иметь прямое потомство; смерть Наполеона-Карла, старшаго сына Людовика и Гортензіи, – это гибель мечты о наследнике, съ которой онъ свыкся и осуществить которую посредствомъ торжественнаго акта усыновленія ему мешали до сихъ поръ только обстоятельства, независящія отъ его воли. Этотъ ребенокъ дорогъ его сердцу; это – сынъ девушки, которую онъ выростилъ, для которой онъ былъ отцомъ и воспитателемъ, которая почти съ самаго же начала настолько овладела его чувствами, что ея слезы заставили его простить Жозефину, тогда какъ его собственная любовь къ последней оказалась недостаточно сильной для этого. И въ то же время это – сынъ любимаго младшаго брата, на котораго онъ смотритъ, какъ на своего сына, котораго онъ содержалъ, училъ на свое жалованье поручика, сделалъ своимъ адьютантомъ, свидетелемъ первыхъ своихъ великихъ подвиговъ и вследъ за собою поднялъ на высоту трона. Въ этомъ ребенке онъ видитъ сильно выраженный типъ Бонапартовъ; къ нему не перешли ни отвислая губа, не носъ Людовика; утонченная грація креолки Гортензіи не лишила его мужественности, типъ Бонапартовъ былъ несколько смягченъ у него и опоэтизированъ ореоломъ белокурыхъ волосъ. Этому ребенку, – первому мальчику въ его роде, – онъ далъ имя своего отца. Онъ назвалъ его Наполеономъ-Карломъ, онъ такъ любилъ его, такъ живо выказывалъ свою привязанность къ нему, что некоторые нашли возможнымъ инсинуировать, будто онъ его отецъ, будто его падчерица Гортензія, передъ темъ, какъ онъ ее выдалъ за своего брата, была его любовницей. Верно ли это?

Брачный договоръ Гортензіи былъ заключенъ 13 нивоза X года (3 января 1802 г.); бракосочетаніе было отпраздиовано 14 (4 января), ея сынъ родился 18 вандемьера XI г. (10 октября 1802 г.). Въ моментъ бракосочетанія она не была, следовательно, беременна и роды не были преждевременны, потому что между свадьбой и рожденіемъ ребенка прашло двести восемьдесятъ дней. Нормальный періодъ беременности равенъ, какъ известно, двумстамъ семидесяти днямъ. Такимъ образомъ, зачатіе произошло, надо полагать, 23 нивоза (14 января). Между темъ, 18 нивоза (8 января), въ полночь, Первый Консулъ уехалъ въ Ліонъ и вернулся въ Парижъ только 12 плювіоза (1 февраля). Это –

доказательства матеріальныя; имеются и другія.

Людовикъ – ревнивый и подозрительный, какъ никто, съ первыхъ же дней замужества тиранически обращавшійся съ женою, не позволявшій ей провести ни единой ночи въ Сенъ-Клу, ни на минуту не упускавшій ее изъ виду, постоянно шпіонившій за нею, – не преминулъ, конечно, и самъ произвести подсчетъ.

Страдая болезнью, схваченной въ юности и поразившей крайне артритическій организмъ его, онъ, чтобы избавиться отъ нея, вначале попробовалъ дѣйствіе ваннъ изъ потроховъ, заражавшихъ своимъ зловоніемъ старую оранжерею въ концѣ террасы фэйянъ. Теперь же, съ цѣлью отвлечь жидкость изъ внутреннихъ органовъ наружу, онъ спалъ на бѣлье и въ сорочкѣ чесоточнаго больного изъ госпиталя, заставляя и жену свою спать на маленькой кроватке въ томъ же алькове, въ которомъ спалъ и онъ. Каждую горничную, заподозренную въ преданности къ Гортензіи, онъ безпощадно разсчитывалъ; ея мать онъ при всякомъ случаѣ осыпалъ самыми тяжкими обвиненіями; и при всемъ этомъ Людовикъ никогда ни малейшимъ образомъ не сомневался въ своемъ отцовстве. Онъ счелъ нужнымъ подтвердить въ *Историческихъ документахъ о Голландіи,* что онъ, дѣйствительно, былъ отцомъ своихъ троихъ ребятъ, которыхъ онъ и его жена, какъ онъ говоритъ, «любили одинаково нежно». Онъ повторялъ это заявленіе и въ прозе, и въ стихахъ (какъ известно, онъ считалъ себя поэтомъ). Когда Наполеонъ предложилъ усыновить, въ качестве своего наследника, Наполеона-Карла, Людовикъ могъ сделать намекъ на ходившіе тогда слухи; но это еще не означаетъ, что онъ имъ верилъ: они были для него предлогомъ, чтобы не соглашаться на предложеніе брата. Если онъ въ разговоре съ Наполеономъ касался, хотя бы намекомъ, этого предмета, то не есть ли это лучшее доказательство, что у него не было ни малейшихъ сомненій? Наполеона-Карла Людовикъ любилъ; правда, проявленія привязанности зависели у него вообще отъ его капризовъ; это былъ человекъ со странностями, склонный къ меланхоліи; но онъ любилъ его, какъ умелъ, и, когда ребенокъ умеръ, долго оплакивалъ его. Только тогда – и на очень короткое время – онъ помирился съ своей женой, съ которой вообще обращался настолько плохо, что Императоръ считалъ необходимымъ ставить ему это на видъ; онъ писалъ нежныя и почтительныя письма своей теще, которую обыкновенно терпеть не могъ; онъ провожалъ въ Котере свою больную жену и въ Котере, при обстоятельствахъ, столь хорошо известныхъ, Гортензія забеременела третьимъ сыномъ, Карломъ-Людовикомъ-Наполеономъ, который сталъ впоследствіи императоромъ Наполеономъ III.

Такимъ образомъ, Людовикъ никогда ни минуты не думалъ, что Гортензія могла быть любовницей Наполеона и не только засвидетельствовалъ это, но и все его поведеніе отъ 1800 до 1809 г. есть сплошное доказательство, что онъ былъ уверенъ въ противномъ. Гортензія же до 1809 г. ничего не знала даже о существованіи этихъ слуховъ.

Бракъ матери съ генераломъ Бонапартомъ заделъ ее за живое. Какъ разъ передъ темъ, какъ онъ былъ заключенъ, она жила въ пансіоне г-жи Кампанъ въ Сенъ-Жерменъ-анъ-Лей, педалеко отъ своего дедушки маркиза да Богарне и тетки, г-жи Реноденъ, на которой лишь недавно женился маркизъ. Она вышла изъ пансіона и поселилась въ Тюильери приблизительно лишь передъ отъездомъ Консула въ Маренго. Следовательно, только после его возвращенія она получила возможностъ постоянно и запросто видеть его. У Наполеона возникло тогда чувство привязанности къ ней; онъ относился ке ней ласково, съ отцовской нежностью, но ей трудно было привыкнуть къ нему. Она испытывала какую-то почтительную робость передъ нимъ; дрожала, когда разговаривала съ нимъ. не смела о чемъ-нибудь попросить его; когда ей приходилось обращаться къ нему за какой-нибудь милостыо, она прибегала къ посредникамъ. «Глупенькая, – говорилъ Бонапартъ, – почему читъ, боится меня?»

Онъ совершенно или почти не вмешивался, когда Жозефина устраивала бракъ своей дочери съ Людовикомъ Бонапартомъ, такъ какъ надеялся, что этотъ бракъ создастъ некоторую связь между его семьей и семьей его жены, виделъ въ немъ политическія выгоды, а, главнымъ образомъ, не вмешивался изъ чувства деликатности по отношению къ Жозефине и къ ея детямъ отъ перваго брака. Но впоследствіи каждый разъ, когда онъ считалъ это уместнымъ, онъ укрощалъ Людовика, успокаивалъ его, делалъ ему выговоры, давалъ указанія, какъ онъ долженъ держаться съ Гортензіей; при этомъ онъ проявлялъ тактъ, деликатность, терпеніе поистине замечательные. Онъ глубоко жалелъ свою падчерицу, относился къ ней съ истиннымъ уваженіемъ, взвешивалъ въ ея присутствіи каждое свое слово. «Гортензія – повторялъ онъ, – заставляетъ меня верить въ добродетель».

Онъ знаетъ, что ходятъ слухи о его связи съ ней; что тотчасъ же после свадьбы Людовика съ Гортензіей среди публики, – и, быть можетъ, среди людей, очень близко стоящихъ къ нему, – разсказываютъ, будто онъ выдалъ ее замужъ беременной отъ него, что Гортензія родила раньше, чемъ прошло девять месяцевъ после ея свадьбы. Клевета, перейдя черезъ проливъ, возвратилась теперь раздутая и разукрашенная англійскими газетами. Чтобы сразу

прекратить ее, Консулъ придумываетъ scenario, которое делаетъ еще меньше чести его воображенію, чемъ его деликатности. Онъ велитъ устроить балъ въ Мальмезоне. Гортензія присутствуетъ на этомъ балу; хотя она беременна уже на седъмомъ месяце, Бонапартъ подходитъ къ ней, проситъ ее танцовать. Она отказывается: она устала; она знаетъ. кроме того, какъ вообще не любитъ ея отчимъ, когда танцуютъ беременныя женщины, особенно если оне одеты, какъ теперь, въ платья, такъ тесно облегающія тело, что формы его обрисовываются совершенно ясно. Онъ настаиваетъ, проситъ – только одинь контръ-дансъ; снова – отказъ. Наконецъ, «онъ наговорилъ ей столько любезностей», что она уступаетъ. На другой день, въ одной газете, любовные стишки объ этомъ контрдансе. Гортензія, взбешенная, жалуется. Никакого ответа. Балъ только для того и былъ данъ, чтобы доставить поводъ напечатать эти стихи, которые должны доказать, что г-жа Людовикъ-Бонапартъ действительно беременна; поэтому же поводу и Moniteur, до техъ поръ никогда ничего не говорившій о семье Консула, печатаетъ въ своемъ номере отъ 21 вандемьера следующую заметку: «Госпожа Людовикъ Бонапартъ родила мальчика 18 вандемьера въ 9 часовъ вечера».

Наполеонъ, следовательно, все сделалъ, чтобы пресечь клевету; но она не прекращается, распространяется все шире; клевета эта конечно, оскорбительна, но такъ какъ она не можетъ задеть ни его, ни Людовика, ни Гортензію, то онъ свыкается съ ней, начинаетъ оценивать ее съ политической точки зренія и видитъ, что можетъ извлечь изъ нея некоторыя выгоды. Онъ любитъ этого ребенка, котораго ему навязываютъ въ сыновья; онъ любитъ его, какъ своего собственнаго; онъ проявляетъ къ нему чисто отцовскую слабость; мило и нежно дурачится вместе съ нимъ. Онъ въ восторге, когда ребенокъ, видя проходящихъ по саду солдатъ, кричитъ имъ: «Да здравствуетъ солдатъ Нононъ!» Ему приносятъ его во время обеда, онъ сажаетъ его на столъ, заставленный посудой и кушаньями, и забавляется, глядя, какъ ребенокъ хватается за все и переворачиваетъ все, что можетъ достать. Онъ ходитъ вместе съ нимъ кормить табакомъ газелей, сажаетъ его на нихъ верхомъ, хохочетъ, когда ребенокъ называетъ его дядя Бибишъ.[18] Его приносятъ къ нему, когда онъ одевается; онъ целуетъ его, дергаетъ за уши, делаетъ ему гримасы, потомъ, становясь на четвереньки на ковре, играетъ съ нимъ. Ну, что же! Если оне назначитъ этого ребенка своимъ наследникомъ, все придутъ къ убежденію, что онъ его отецъ: что ему до этого?

Въ немъ будутъ видеть его кровь, его родъ, его геній. Наследованіе не будетъ тогда искуственнымъ, противоречащимъ

всемъ конституціямъ всехъ народовъ: это будетъ наследованіе, основанное, въ глазахъ народа, на прямомъ кровномъ родстве, которое народъ считаетъ единственно-допустимой основой наследованія. Это противно добрымъ нравамъ, – правда; но у Наполеона нетъ предразсудковъ: онъ считаетъ, что его исключительная судьба поставила его настолько выше всего обычнаго, что обычныя требованія морали не будутъ применяться къ нему націей, возможность же обезпечить за собою такимъ образомъ правовую устойчивость настолько важна для нея, что она не обратитъ вниманія на неприличіе, даже если будетъ догадываться о последнемъ. Къ тому же это будутъ только подозренія, только широко распространенное предположеніе, а не уверенность; а онъ, Наполеонъ, знаетъ, какое это можетъ иметь значеніе.

Не значитъ ли это, основываясь на простыхъ предположеніяхъ, нескромно навязывать Императору те или иные взгляды и мысли? Ни въ какомъ случае. Черезъ два года, беседуя съ Гортензіей (последняя занесла этотъ разговоръ въ свои мемуары, которые не были изданы), онъ долго говорилъ ей о последствіяхъ смерти ея сына, «котораго, – прибавилъ онъ, – считали также моимъ сыномъ». «Вы знаете, – сказалъ онъ, – насколько нелепо такое предположеніе, но темъ не менее, вы всю Европу не смогли бы разубедить въ томъ, что этотъ ребенокъ былъ моимъ». Онъ останавливается на мгновенье, видя, какъ поражена Гортензія, и потомъ продолжалъ: «о, васъ, темъ не менее, не думаютъ хуже, чемъ прежде. Вы пользуетесь общимъ уваженіемъ. Но этому поверили». Онъ помолчалъ некоторое время и потомъ снова заговорилъ: «Можетъ быть, и хорошо, что этому верили; поэтому-то для меня его смерть была большимъ несчастіемъ». Я была такъ поражена, – пишетъ далее Гортензія, – что не могла произнести ни слова и такъ и осталась стоять у камина. Я не слышала больше, что онъ говорилъ. Слова: *«Можетъ бытъ, и хорошо, что этому верили»* – словно сняли съ моихъ глазъ повязку; они перепутали у меня все въ голове и поразили меня прямо въ сердце нестерпимой болью. Какъ! Когда онъ обращался со мною, какъ съ дочерью, когда онъ такъ просто и такъ сердечно заменялъ мне отца, котораго я потеряла, выказывалъ мне столько заботъ, осыпалъ меня милостями, все это была политика, а не чувство привязанности».

Гортензія заблуждается. Если была въ этомъ политика, то была и привязанность; но ея возмущеніе, – вполне законное у нея, какъ у женщины, – не позволяетъ ей здраво оценить положеніе вещей, которое Наполеонъ разсматриваетъ, какъ мужчина. Онъ осыпалъ Гортензію знаками своего вниманія, не для того, чтобы

подтвердить слухи, будто Карлъ-Наполеонъ его сынъ; напротивъ, онъ старался опровергауть ихъ. Но слухи не прекращались, уверенность въ ихъ справедливости крепла въ умахъ; тогда у него явилась мысль воспользоваться ими въ интересахъ своей власти и укрепленія своей династіи. Онъ поступилъ въ данномъ случае совершенно такъ же, какъ поступалъ на поле брани; одна изъ поразительныхъ особенностей его ума заключалась именно въ томъ, что онъ умелъ съ замечательной точностью оценить положеніе, въ которое попадалъ, принять его такимъ, каково оно было, и тотчасъ же действовать сообразно съ нимъ.

И несмотря на то, что, какъ онъ самъ говорилъ Гортензіи, смерть Наполеона-Карла была для него большимъ несчастьемъ, онъ не возмущается предъ лицомъ непоправимаго. Ему приписываютъ фразу: «У меня нетъ времени забавляться чувствомъ жалости подобно другимъ людямъ». Онъ могъ ее сказать; смерть беднаго маленькаго Наполеона была для него очень чувствительной потерей, онъ пишетъ объ этомъ всемъ – двадцать разъ Жозефине, пять или шесть разъ Гортензіи, Жозефу Жерому, Фуше, Монжу; но – «такова была его судьба»; и если бы после того, какъ судьба свершилась. Наполеонъ безъ конца предавался горю, онъ не былъ бы самимъ собою, онъ изменилъ бы тому философскому взгляду на жизнь, къ которому пріучило его непрерывное жестокое зрелище войны, где смерть – постоянная спутница, где только живые входятъ въ наличный составъ и принимаются въ разсчетъ.

Данная комбинація не удалась: Наполеонъ-Карлъ былъ одной изъ внешнихъ связей, соединявшихъ его съ Жозефиной. Эта связь порвалась. Между Наполеономъ и Жозефиной остаются отныне лишь узы личной привязанности и нежности, сплетенныя десятью годами общей жизни, прерывавшейся продолжительной разлукой, частыми ссорами и резкими недоразуменіями. Выдержатъ ли эти узы испытаніе, подобное тому, которому подверглись оне уже въ 1805 г., въ связи съ отношеніями Наполеона къ г-же***?

XV. Госпожа Валевская

1 января 1807 г.; по дороге изъ Пулстука въ Варшаву, Императоръ останавливается на несколько минутъ, чтобы переменить лошадей, у воротъ города Броне. Целая толпа ждетъ тамъ освободителя Польши, – шумная, охваченеая энтузіазмомъ толпа, бросающаяся навстречу императорской карете, какъ только она показывается. Карета останавливается; генералъ Дюрокъ выходитъ изъ нея и прокладываетъ себе путь къ зданію почты. Въ тотъ моментъ, когда онъ входитъ туда, онъ слышитъ вдругъ отчаянные крики, видатъ умоляюще протянутыя къ нему руки, и какой то голосъ говоритъ ему – по-французски: «О, сударь, помогите намъ выйти отсюда и дайте мне хотя бы на мгновеніе увидеть его!»

Онъ останавливается: это две светскія дамы, какимъ-то образомъ попавшія въ эту толпу крестьянъ и рабочихъ. Одна изъ нихъ, та, что обратилась къ нему съ этими словами, кажется ребенкомъ: это блондинка, съ большими голубыми глазами, очень наивными и кроткими, горящими въ этотъ моментъ огнемъ святого восторга. Ея нежная кожа, розовая, словно свежая чайная роза, залита краской смущенія; она не высока ростомъ, но дивно сложена; стройна и гибка, какъ сама грація; одета очень просто, на голове – темная шляпа съ большой черной вуалью.

Дюрокъ подметилъ все это съ одного взгляда; онъ освобождаетъ двухъ женщинъ и, предложивъ руку блондинке, ведетъ ее къ дверце кареты. «Государь, – говоритъ онъ, – взгляните на нее: она не побоялась вмешаться въ толпу, чтобы увидеть васъ».

Императоръ снимаетъ шляпу и склонившисъ къ даме начинаетъ что то говорить ей; но она, словно, вдохновенная свыше, вне себя, какъ бы въ изступленіи, какъ говоритъ она сама, не даетъ ему даже окончить фразу: «Добро пожаловать, тысячу разъ добро пожаловать на нашу землю! – восклицаетъ она. – Что бы мы ни сделали, ничто не сможетъ выразить съ достаточной силой ни чувства, которыя мы питаемъ къ вамъ, ни радость, которую мы испытываемъ, видя васъ попирающимъ землю нашей родины, ждущей васъ, чтобы подняться!»

Въ то время, какъ она бросаетъ ему прерывающимся голосомъ эти слова, Наполеонъ внимательно смотритъ на нее. Онъ беретъ букетъ, бывшій при немъ въ карете, и подаетъ ей его: «Сохраните его, – говоритъ онъ, – какъ залогъ моихъ добрыхъ намереній. Мы увидимся, надеюсь, въ Варшаве и я потребую тогда благодарности изъ вашихъ прелестныхъ устъ».

Дюрокъ снова занялъ свое место около Императора; карета быстро удаляется и некоторое время можно видеть шляпу Наполеона, которой онъ машетъ въ виде приветствія.

Эта молодая женщина была Марія Валевская. Урожденная Лачинская, она принадлежала къ старинной, но бедной, къ тому же очень многочисленной семье. Г. Лачинскій умеръ, оставивъ вдову и шесть человекъ детей; Марія была тогда ёще маленькой девочкой; вдова, занятая управленіемъ маленькаго именія, представлявшаго все ихъ состояніе, отдала девочекъ въ пансіонъ. Оне научились тамъ немножко французскому и немецкому языкамъ, немножко музыке и танцамъ. Пятнадцати съ половиною летъ Марія вернулась въ родительскій домъ не особенно ученой, но совершенно целомудренной; ея сердце знало лишь две страсти: религію и родину. Любовь, которую питала она къ Богу, не уступала по силе лишь любви къ отчизне. Это были единственныя побудительныя начала въ ея жизни и чтобы вывести изъ равновесія ее, обыкновенно безответно-мягкую, достаточно было сказать, что она выйдетъ замужъ за русскаго или пруссака, – врага ея народа, схизматика или протестанта.

Какъ только она вернулась къ своей матери, ей представились, благодаря совершенно случайному стеченію обстоятельствъ, сразу две великолепныя партіи, и г-жа Лачинская приказываетъ ей выбрать того или другого изъ этихъ нежданныхъ претендентовъ. Одинъ – очаровательный молодой человекъ, у котораго есть все, чтобы нравиться, показавшійся ей съ перваго же взгляда очень привлекательнымъ. Онъ невероятно богатъ, принадлежитъ къ прекрасной семье, чудно красивъ, но онъ – русскій: онъ – сынъ одного изъ техъ генераловъ, которые особенно жестоко угнетали Польшу. Никогда она не согласится стать его женой.

Тогда надо выбрать другого, старика Анастасія Колонна Валевича-Валевскаго. Ему семьдесятъ летъ, онъ уже успелъ два раза овдоветь и старшему изъ его внуковъ на девять летъ больше, чемъ Маріи. Но зато онъ очень богатъ; въ томъ округе, въ которомъ живутъ Лачинскіе, онъ – *сеньеръ,* ему принадлежитъ здесь вся земля, у него – *замокъ,* онъ задаетъ тонъ, онъ одинъ только принимаетъ бедныхъ соседей и приглашаетъ ихъ къ столу. Онъ былъ шталмейстеромъ Двора при покойномъ короле; въ торжественные дни – на немъ голубая орденская лента Белаго Орла. Онъ – глава одного изъ славнейшихъ родовъ Польши; достоверно известно, что его родъ ведется отъ римскихъ Колонна, имеетъ тотъ же гербъ; его родъ древнее всехъ родовь Королевства и Республики. Какъ было г-же Лачинской неувлечься такимъ зятемъ! Марія даже не пытается открыто сопротивляться, потому

что на первое же сделанное ею возраженіе ей былъ данъ резкій отпоръ; она заболеваетъ горячкой, которая держитъ ее целыхъ четыре месяца между жизнью и смертью. Не успела она вполне оправиться, какъ ее уже повели подъ венецъ.

Три года юная страдалща живетъ въ пустынномъ замке Валевича, находя србе единственное утешеніе въ вере, которая разгорается въ ней съ каждыиъ днемъ все сильнее и сильнее. Наконецъ, она забеременела. Теперь у нвя – сынъ. Все оживаетъ вокругъ нея; жизнь ея сына не будетъ похожа на ея неудачную жизнь, онъ будетъ иметь право на счастье, котораго не знала она. Но неужели этому ребенку придется, какъ и ей, жить на захваченной врагомъ земле, которую нельзя назвать отечествомъ? Неужели и ему придется переносить, подобно ей, рабство и вымаливать у победителя, какъ вымаливалъ ея отець, титулы и богатство? Она хочетъ, чтобы ея сынъ былъ полякъ и свободный человекъ и для этого ея отчизна должна возстать и освободиться.

Тотъ, кто сломилъ только что Австрію и въ Аустерлице померялся силами съ Россіей, скоро столкнется съ Пруссіей и ея союзниками. Наполеонъ – провиденціальный врагъ державъ-участницъ раздела, следовательно, онъ – другъ, призванный спаситель Польши. Онъ двинулся въ походъ и каждый свой этапъ отмечаетъ победой; онъ разсеиваетъ, какъ жалкую фантасмогорію, прусскую армію, онъ вступаетъ в Берлинъ, онъ приближается къ границамъ, бывшаго королевства; тогда всеми – ею въ особенности – овладеваетъ необыкновенное возбужденіе, какая-то лихорадка энтузіазма и надежды. Валевичъ далекъ отъ источниковъ новостей: где, какъ не въ Варшаве, она сможетъ во-время узнавать все? Ея мужъ, тоже патріотъ, ездившій въ XI г. въ Парижъ посмотреть на Перваго Консула и представленный тогда ему, предлагаетъ ей ехать въ городъ. Они приезжаютъ туда, устраиваются. Домъ у нихъ поставленъ на очень приличную ногу, потому что надо соблюдать свой рангъ, а, кроме того, молодая женщина должна вступить въ светъ. Она чувствуетъ, что ей многаго не достаетъ для этого; она боится за свой французскій языкъ; она робка и не чувствуя никакой опоры ни со стороны семьи, ни со стороны знакомствъ и связей, страшно боится показаться въ светъ, а особенно боится появиться подъ Бляхой – во дворце князя Іосифа Понятовскаго, центре высшаго общества. Подчиняясь приказаніямъ мужа, она решается сделать только некоторые необходимые визиты, но этимъ и ограничивается. Она живетъ, такимъ образомъ, въ полной безвестности и, несмотря на ея красоту, никто не обращаетъ на нее вниманія.

Приходитъ весть, что скоро прибудетъ Императоръ и все волнуются, все стараются приготовить ему въ Варшаве еще

лучшій пріемъ, чемъ пріемъ, оказанный въ Позене. Все перевернуто вверхъ дномъ. Наполеонъ долженъ остаться доволенъ: отъ этого зависитъ судьба Польши. Молодая жещина желаетъ первой приветствовать его и не разсуждая, не понимая того, что делаетъ, она приглашаетъ одну изъ своихъ двоюродныхъ сестеръ сопровождать ее, вскакиваетъ въ карету и мчится, преодолевая все препятствія, въ Броне.

* * *

Проводивъ взглядомъ императорскую карету, она долго стоитъ на месте, какъ зачарованная. Чтобы заставить ее очнутъся, ея подруге пришлось окликнуть ее, толкнуть ее. Она старательно заворачиваетъ тогда въ батистовый платокъ букетъ, который поднесъ ей Императоръ, садится въ карету и возвращается къ оебе только поздно ночью.

Она твердо решила сохранить полнейшее молчаніе объ этой поездке, не представляться Императору, не присутствовать ни на одномъ празднике; она и подругу свою очень просила молчать, но та слишкомъ гордится всемъ этимъ приключеніемъ, чтобы не разсказать о немъ. Однажды утромъ князь Іосифъ Понятовскій присылаетъ къ ней узнать, въ которомъ часу ее можно видеть. Онъ приходитъ после полудня и, желая показать, что ему все известно, хохочетъ, приглашая ее на балъ, который онъ устраиваетъ. Она краснеетъ, смущенно говоритъ ему, что не понимаетъ въ чемъ дело; онъ объясняетъ ей, что за однимъ изъ обедовъ, устроенныхъ въ честь Императора, Наполеонъ обратилъ было вниманіе на княгиню Любомирскую; съ техъ поръ старались все время показывать ее ему; но Дюрокъ разсказалъ теперь, что если его повелителъ выказывалъ княгине некоторое вниманіе, то потому, что она напоминала ему одну прелестную незнакомку, виденную имъ на почтовой станціи Броне. Кто эта незнакомка? Дюрокъ разсказалъ все подробности этого происшествія, подробнейшимъ образомъ описалъ наружность и туалетъ дамы; но Понятовскій не могъ все же догадаться, терялъ уже надежду узнать, о комъ идетъ речь, когда нескромность ея спутницы поставила его на верный путь и вотъ онъ здесь.

Императоръ запомнилъ ее; она должна пріехать на балъ. Она отказывается; онъ настаиваетъ: «Кто знаетъ, – говоритъ онъ, – быть можетъ небо изберетъ васъ орудіемъ, чтобы вернуть намъ отечество!» Она решительно отказывается и онъ уходитъ раздосадованный; но какъ только онъ ушелъ, докладываютъ последовательно о прибытіи самыхъ видныхъ представителей

Польши, «государственныхъ мужей, авторитетъ коихъ основанъ на уваженіи, на общемъ почтеніи и на довеpіи къ нимъ, въ виду ихъ поведенія и ихъ мудрости». Каждому изъ нихъ известно, въ чемъ здесь дело и каждый разсыпается въ комплиментахъ и тонкихъ намекахъ. Мало того: на помощь имъ приходитъ супругъ. Онъ одинъ не знаетъ о томъ, что произошло въ Броне; въ ихъ настойчивости онъ видитъ ни что иное, какъ почтеніе со стороны равныхъ къ занимаемому имъ положенію, одобреніе со стороны общества за выборъ третьей жены, сделанный вне своего круга и павшій на эту молодую жещину; онъ настаиваетъ еще решительнее ихъ, говоритъ ей, что ея робость смешна и происходитъ просто отъ непривычки къ обществу. Онъ не только проситъ, онъ приказываетъ. Тогда она уступаетъ; она поедетъ на балъ. Она ставитъ съ своей стороны, лшиь одно условіе: такъ какъ все дамы уже представлены, то пусть ее не представляютъ въ отдельности, это смутитъ ее еще больше.

Наступаетъ решительный день: мужъ торопитъ ее; онъ боится пріехать, когда Императора уже не будетъ. Онъ делаетъ ей замечанія, критикуетъ ея нарядъ; онъ хотелъ бы видеть на ней что-нибудь исключительно элегантное и нарядное, а она выбрала платье изъ гладкаго белаго атласа съ газовой туникой и убрала себе волосы только діадемой изъ листьевъ. Она является. Она проходитъ по салонамъ, сопровождаемая одобрительнымъ шепотомъ гостей. Ее сажаютъ между двумя дамами, которыхъ она не знаетъ, и тотчасъ же Іосифъ Понятовскій бросается къ ней и становится позади нея: «Васъ ждали съ нетерпеніемъ, – говоритъ онъ, – вашъ пріездъ доставилъ большую радость. Ваше имя заставили повторить несколько разъ, чтобы заучить его напамять. Посмотревъ на вашего мужа, пожали плечами, говоря: несчастная жертва! и мне приказали пригласить васъ танцовать».

– Я не танцую, – отвечаетъ она. – Мне совершенно не хочется танцовать.

Князь отвечаетъ, что это приказъ, что Императоръ следитъ, исполняютъ ли его; что если она не будетъ танцовать, это скомпрометируетъ его, что успехъ бала зависитъ только отъ нея. Она отказывается все решительнее. Понятовскому остается одно: найти Дюрока и разсказать ему все; Дюрокъ докладываетъ Императору.

Вокругъ прелестной незнакомки увиваются самые блестящіе офицеры генеральнаго штаба. То, что уже не тайна для поляковъ, продолжаетъ быть тайной для французовъ. Наполеонъ пускаетъ тогда въ ходъ самыя решительныя средства, чтобы отстранить этихъ плохо осведомленныхъ соперниковъ. Больше всехъ усердствуетъ Людовикъ де Перигоръ; Императоръ подзываетъ

Бертье и приказываетъ ему немедленно же послать этого адъютанта въ 6-й корпусъ въ Пассаргъ. Перигора сменяетъ Бертранъ; снова подзывается Бертье: Бертрана немедленно же отправить на главную квартиру принца Жерома, подъ Бреславль.

Между темъ танцы пріостановлены; Императоръ проходитъ салоны, разсыпая кругомъ себя фразы, которыя онъ хотелъ бы сделать любезными, но онъ занятъ совсемъ другимъ и эти любезности попадаютъ совершенно не по адресу.

У одной молоденькой девушки онъ справляется, сколько у нея детей, одну старую деву спрашиваетъ, не ревнуетъ ли ее мужъ за ея красоту, одну чудовищно толстую даму – любитъ ли она танцовать. Онъ говоритъ, какъ бы не думая, не слушая именъ, которыя ему называютъ, которыя ничего не вызываютъ у него въ уме изъ заученнаго урока, и взглядъ, и вниманіе его целикомъ направлены къ той, которая одна только и существуетъ въ этотъ моментъ для него.

Онъ приближается къ ней; соседки толкаютъ ее локтями, чтобы она встала; и, поднявшись, страшно бледная, съ опущенными глазами, она слышитъ: «Белое не идетъ къ белому, сударыня, – говоритъ онъ очень громко и прибавляетъ почти шепотомъ: – Я имелъ право ждать иного пріема после…» Она ничего не отвечаетъ.

Онъ смотритъ на нее съ минуту и идетъ дальше.

Черезъ несколько минутъ онъ уходитъ съ бала. Общество разбивается на группы; все торопятся разсказать, что сказалъ Наполеонъ той или иной даме; но особенно интересуетъ всехъ: что онъ сказалъ ей? Что означаетъ эта громко сказанная фраза? а особенно, что это за фраза, сказанная тихо, фраза, изъ которой даже наиболее близко стоявшіе услышали лишь последнее слово? Она скрывается, но въ карете мужъ начинаетъ ее разспрашивать; потомъ, въ ответъ на ея молчаніе, объявляетъ ей, что принялъ приглашеніе на обедъ, на которомъ долженъ присутствовать Императоръ. Онъ предлагаетъ ей одеться более изысканно и неожиданно разстается съ нею у входа на ея половину, въ тотъ самый моментъ, когда она уже хочетъ разсказать ему о своей необдуманной поездке въ Броне и всехъ техъ домогательствахъ, съ которыми къ ней обращаются, и о тревогахъ, которыя не покидаютъ ее.

Только что успела она вернуться къ себе, какъ ея горничная передаетъ ей следующаго содержанія записку, которую она съ трудомъ разбираетъ:

«Я виделъ только Васъ, я восхищался только Вами, я хочу только Васъ. Немедленнымъ ответомъ успокойте

пылкое нетерпеніе страсти.
«Н.»

Она съ отвращеніемъ мнетъ записку, стиль которой возмущаетъ ее; но на улице кто-то ждетъ и этотъ кто то – Іосифъ Понятовскій. «Никакого ответа», – говоритъ она и посылаетъ горничную передать это; но князь не считаетъ дело потеряннымъ, идетъ за посланной, проникаетъ въ покои. Она только-только успеваетъ запереться и отвечаетъ черезъ дверь, что ея решеніе непоколебимо; она отказывается, какъ отказалась танцовать. Князь проситъ, умоляетъ, грозитъ и рискуя довести дело до скандала, стоитъ целыхъ полчаса передъ запертой дверью. Наконецъ, онъ уходитъ, совершенно взбешенный.

На другой день, какъ только она проснулась, горничная передаетъ ей вторую записку. Она не открываетъ ее, складываетъ вместе съ первой и приказываетъ отдать ихъ принесшему. Что она можетъ сделать? Ей восемнадцать летъ, она одна, некому дать ей советъ, направить ее; она защищается изо всехъ силъ, но что можетъ сделать она одна противъ всехъ? Съ утра уже ея салонъ полонъ, превращается въ какой то водоворотъ. Здесь все выдающіеся представители націи, члены правительства, маршалъ Дюрокъ. Она отказывается выйти подъ темъ предлогомъ, что у нея мигрень, упорно запирается у себя въ комнате и лежитъ на кушетке; но мужъ приходитъ въ ярость и чтобы доказать, что онъ, въ противность тому, что о немъ говорятъ, вовсе не ревнивъ, вводитъ противъ ея воли князя Іосифа и поляковъ. Въ ихъ присутствіи онъ требуетъ, чтобы она согласилась представиться, чтобы она присутствовала на обеде, на который приглашенъ. Поляки поддерживаютъ его въ одинъ голосъ. Одинъ изъ нихъ, самый старейшій, наиболее уважаемый и наиболее популярный среди членовъ правительства, пристально смотритъ на нее и говоритъ ей строгимъ тономъ: «Иеобходимо всемъ поступиаться, сударыня, передъ лицомъ обстоятельствъ, имеющихъ такое огромное, такое важное значеніе для всей націи. Мы надеемся, поэтому, что ваше недомоганіе пройдетъ ко времени имеющаго состояться обеда, отъ котораго вы не можете отказаться, если не хотите прослыть плохой полькой».

Делать нечего, приходится встать и по приказанію мужа отправиться къ г-же Вобанъ, любовнице князя Іосифа, которая должна дать ей советы относительно туалета и посвятить ее въ требованія придворнаго этикета. Это – верхъ хитрости, потому что отдать ее г-же Вобанъ, – значитъ отдать ее со связанными руками тому, кто ведетъ всю интригу, Г-жа Вобанъ не видитъ въ этомъ ничего худого и разыгрываетъ свою роль вполне искренно.

Урожденная Пюже-Барбантанъ, она жила раньше въ Версале, бежала въ Варшаву во время эмиграціи и живетъ открыто со своимъ прежнимъ, вновь обретеннымъ любовникомъ; она полагаетъ, что дать любовницу Государю, – называется ли этотъ Государь Людовикъ XV или Наполеонъ, – есть самая высокая миссія, которую только можетъ выполнить куртизанка; что касается порядочности, стыдливости, долга, супружеской верности, то она никогда и не думала даже, чтобы светская женщина могла положить на одни весы подобные предразсудки и выгоды такого положенія. Впрочемъ, подобныя выгоды въ. данномъ случае не могутъ соблазнить; она чувствуетъ, что здесь необходимо действовать крайне осторожно, что съ такой добродетелью можно будетъ справиться лишь средствами, для нея непривычными, и осыпавъ свою гостью увереньями въ преданности и комплиментами, она поручаетъ ее одной молодой женщине, которая состоитъ при ней чемъ то въ роде компаньонки; разведенная жена, безъ средствъ къ жизни, хорошенькая, живая, легкомысленная, близкая по возрасту къ г-же Валевской, она обладаетъ всеми данными, чтобы понравиться ей – вплоть до самаго экзальтированнаго, самаго пылкаго – искренняго или притворнаго – патріотизма. «Все, все для этого святого дела!» – повторяетъ она каждую минуту.[19]

Она вкрадывается къ ней въ доверіе, овладеваетъ ея сердцемъ, которое до техъ поръ совершенно не знало дружбы, которое жаждетъ раскрыться и отдается, даже не замечая этого. Она въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ мужемъ. проводитъ все время съ женою и когда решаетъ, что последняя поколеблена ея речами, ея громкими фразами, ея неистовымъ патріотизмомъ, читаетъ ей следующее письмо, написанное и подписанное самыми видными представителями націи, самими членами временнаго правительства:

> «Сударыня, маленькія причины вызываютъ иногда большія последствія. Женщины во все времена имели большое вліяніе на міровую политику. Исторія самыхъ отдаленныхъ временъ, какъ и исторія нашего времени, подтверждаютъ намъ эту истину. Пока страсть владеетъ мужчинами, вы, женщины, будете одной изъ самыхъ страшныхъ силъ.
>
> Будь вы мужчина, вы отдали бы вашу жизнь благородному и справедливому делу защиты отечества. Какъ женщина, вы не можете. служить ей, защищая ее физической силой, ваша природа не позволяетъ этого. Но зато существуютъ иныя жертвы, которыя вы вполне

можете принести, и ихъ вы должны взять на себя, хотя бы оне были тяжки для васъ.

Думаете ли вы, что Эсфирь отдалась Агасферу изъ чувства любви? Ужасъ, который онъ ей внушалъ и который повергъ ее въ обморокъ подъ его взглядомъ, доказываетъ, что нежность была не при чемъ въ этомъ союзе. Она пожертвовала собою, чтобы спасти свой народъ, и ей досталась слава этого спасенія.

Да сможемъ же и мы сказать то же о вашей славе и о нашемъ счастіи!

Разве вы не дочь, не мать, не сестра, не супруга техъ ревностныхъ сыновъ Польши, которые все соединяются съ нами въ единый національный союзъ, сила котораго можетъ быть увеличена (?) только числомъ и согласіемъ входящихъ въ его составъ. Слушайте же, сударыня, что сказалъ одинъ знаменитый человекъ, одинъ святой и благочестивый церковнослужитель, что сказалъ Фенелонъ: «Мужчины, имеющіе всю власть въ обществе, не смогутъ провести своими постановленіями ничего действитольно благого въ жизнъ. если женщины не помогаютъ имъ въ этомъ». Внемлите же этому голосу, къ которому присоединяется и нашъ, чтобы принести счастье двадцати милліонамъ человекъ».

Такимъ образомъ, семья, отечество, религія все предписываетъ уступить, все – и Старый, и Новый Заветъ. Все приведено въ действіе, чтобы ускорить паденіе молодой, восемнадцатилетней женщины, простодушной, наивной, не имеющей ни мужа, которому могла бы довериться, ни родителей, которые заступились бы за нее, ни друзей, желающихъ ее спасти. Все – въ заговоре противъ нея и, чтобы сразить ее, ей читаютъ записку Наполеона, – ту саму, которую она отказалась открыть и отослала обратно:

«Я вамъ не понравился, сударыня? Я имелъ, между темъ, право надеяться на противное. Ошибся ли я? Ваше влеченге ко мне ослабело, тогда какъ мое къ вамъ усиливается. Вы отнимаете у леня покой! О дайте немного радости счастья бедному сердцу, готовому обожать васъ. Неужели такъ трудно получить ответъ? Вы должны мне ихъ два.

"Н".

И въ тотъ моментъ, когда услужливая дама дочитываетъ эту записку, входитъ мужъ. Онъ страшно гордится успехомъ,

выпавшимъ на долю его жены, и ставитъ его въ заслугу себе, ничего не понимая, совершенно не подозревая, чего ждутъ отъ нея. – потому что онъ честный человекъ; онъ снова настаиваетъ на томъ, чтобы она отправилась на обедъ. Бедное дитя прекрасно знаетъ, что этотъ шагъ будетъ решительнымъ, что онъ обяжетъ ее. Но все этого хотятъ: хорошо, она поедетъ. До самаго вечера салонъ переполненъ взволнованными посетителями, приносящими свои молчаливыя поздравленія, и, чтобы она не вздумала перерешить за ночь, около нея, словно часовой, остается до самаго утра подруга г-жи Вобанъ.

Она едетъ противъ своей воли на обедъ въ честь Императора и, садясь въ карету, утешаетъ себя темъ, что разъ она не любитъ Наполеона, ей нечего и бояться его. Когда она вошла, угодливость некоторыхъ гостей, поджидавшихъ ее, чтобы просить уже у нея покровительства, окончательно внушила ей отвращеніе къ этой ея, якобы, победе, и она еще больше укрепилась въ своемъ решеніи остаться непреклонной. Въ это время вошелъ Императоръ. Онъ былъ лучше подготовленъ, чемъ на балу и въ более подходящемъ настроеніи, чтобы быть любезнымъ съ окружающими. Но когда, быстро обойдя присутствующихъ, онъ подошелъ къ ней, и ее ему назвали, онъ сказалъ просто: "Я полагалъ, что вы нездоровы; вполне ли вы оправились?» Эта простая фраза, своей нарочитой банальностью отводившая подозренія, показалась ей, именно въ силу этого, въ высшей степени деликатной.

За столомъ она оказалась рядомъ съ Дюрокомъ, почти напротивъ Императора, который, какъ только все уселись, началъ отрывисто, по своему обыкновенію, разспрашивать одного изъ гостей объ исторіи Польши. Онъ, казалось, внимательно слушалъ ответы, возвращался къ нимъ, старался выяснить себе ихъ, ставя все новые вопросы; но говорилъ ли онъ, или слушалъ, онъ отрывалъ свой взглядъ отъ г-жи Валевской только для того, чтобы посмотреть на Дюрока, съ которымъ у него велисъ, повидимому, какіе-то немые переговоры. То, что Дюрокъ говорилъ своей соседке, было, какъ бы, продиктовано ему взглядами и некоторыми, вполне естественными жестами, которые Императоръ проделывалъ какъ бы машинально, продолжая серьезнейшую беседу о европейскихъ политическихъ делахъ. Въ известный моментъ онъ подноситъ руку къ левому борту сюртука. Дюрокъ колеблется несколько секундъ, внимательно смотритъ на своего повелителя и, наконецъ, понявъ, испускаетъ вздохъ облегченія. Речь идетъ о букете, букете, фигурировавшемъ на станціи Броне, «Что съ нимъ сталось?» спрашиваетъ Дюрокъ свою соседку.

Она спешитъ ответить, что благоговейно хра нитъ для сына цветы, которые далъ ей Императоръ. «О, – прерываетъ ее вполголоса Дюрокъ, – разрешите предложить вамъ более достойныхъ васъ». Она чувствуетъ въ этомъ намекъ, который возмущаетъ ее, и она быстро, во всеуслышаніе, отвечаетъ ему, краснея отъ стыда и гаева: «Я люблю только цветы!» Дюрокъ на мгновенье растеривается. «Хорошо, – говоритъ онъ, наконецъ, – мы соберемъ лавры на вашей родной земле и преподнесемъ ихъ вамъ». На этотъ разъ онъ оказался находчивее, онъ чувствуетъ это по ея смущенію.

А что сделалось съ ней, когда, при возвращеніи въ салоны, среди общаго безпорядка, наступившаго при выходе изъ-за стола, Императоръ приблизился къ ней и, пристально глядя на нее взглядомъ, таинственной силы котораго никогда не могъ выдержать ни единый человекъ, взялъ ея руку, сжалъ ее съ силой и сказалъ ей тихо: «Нетъ, нетъ, у кого такіе ласковые, такіе кроткіе глаза, у кого такой добрый видъ, тотъ дастъ себя уговорить, тому не можетъ нравиться мучить другого, или это – самая отъявленая кокетка и самая жестокая изъ женщинъ».

Онъ уезжаетъ; все мужчины следуютъ за нимъ, а она даетъ увезти себя къ г-же Вобанъ. Ее тамъ ждутъ. Тамъ – только посвященные, только те, что были на обеде; все они окружаютъ ее: «Онъ виделъ только васъ, онъ бросалъ въ вашу сторону пламенные взгляды». Только она одна можетъ защищать передъ нимъ дело родины; толъко она одна можетъ тронуть его, повліять на него, чтобы онъ возстановилъ Польшу. Мало по малу, словно повинуясь какому-то приказу, все удаляются. Въ тотъ моментъ, когда Дюрокъ входитъ въ салонъ, она тамъ одна съ приставленной къ ней дамой, ставшей ея тенью. Все двери заперты, Дюрокъ усаживается около нея, кладетъ ей на колени письмо и, взявъ ее за руку, ласково уговариваетъ ее: «Неужели вы отвергнете просьбы человека, никогда не знавшаго отказа? О, его слава обвеяна грустыо, и отъ васъ дависитъ заменить эту грусть минутамисчастья». Онъ говоритъ долго. Она ничего не отвечаетъ. Освободивъ свою руку, она закрыла ею лицо и плачетъ, словно ребенокъ, громко всхлипывая. Но за нее отвечаетъ другая женщина, она обещаетъ, что она пойдетъ на свиданіе. И когда г-жа Валевская возмущается, она стыдитъ ее за недостатокъ патріотизма, говоритъ ей, что она плохая Полька, что Наполеону нельзя отказать въ чемъ бы то ни было и, провожая Дюрока съ новыми увереніями въ преданности, она открываетъ письмо, которое онъ принесъ и чи таетъ громко:

«Бываютъ минуты, когда чрезмерная власть

тяготитъ, и я это испытываю теперь. Какъ удовлетворить порывы сердца, которое хотело бы кинуться къ вашимъ ногамъ, но которое удерживаетъ тяжесть высшихъ соображеній, парализующая самыя горячія желанія? О, если бы вы хотели!.. Только вы одна можете устранить препятствія, разделяющія насъ. Мой другъ Дюрокъ облегчитъ вамъ эту задачу.

О! Придите! Придите! Малейшее желаніе ваше будетъ исполнено. Ваша родина будетъ мне дороже, если вы сжалитесь надъ моимъ беднымъ сердцемъ.

"Н".

Такимъ образомъ, судьба ея страны въ ея рукахъ. Теперь уже не другіе, теперь онъ самъ это говоритъ. Мысль, которую вотъ уже пять дней все пережевываютъ вокругъ нея, врезывается ей въ мозгъ: отъ нея зависитъ, чтобы ея отчизна возродилась, чтобы ея нація добилась отмены гнусныхъ разделовъ, чтобы истерзанные члены соединились и чтобы Белый Орелъ вновь развернулъ свои крылья для полета. Какая мечта! Какая ослепительная мечта! Но что – она? Что должна она сделать, чтобы сыграть такую роль? Ответъ готовъ: ей надо только следовать советамъ, въ которыхъ не будетъ недостатка. Она еще борется. Какъ! Такъ отдаться! Это оскорбляетъ въ ней целомудріе. Ей отвечаютъ, что она просто на просто провинціалка, что все это – глупые предразсудки, что съ этимъ не считаются. Разве другія не готовы занять место, которое ей предложено? Почему ей упускать его? Почему сомневаться въ томъ, что она можетъ добиться благихъ результатовъ? Хотя Наполеонъ и Императоръ, онъ – мужчина, не больше и мужчина влюбленный. У нея вырываютъ, наконецъ, слова: «Делайте со мной, что знаете!»

Но только она отказывается писать, отвечать на записку. У нея нетъ физическихъ силъ на это. Ее оставляютъ одну, чтобы пойти посоветоваться, но, уходя, ее запираютъ. Что, какъ она перерешитъ и вздумаетъ бежать! Она же и не думаетъ объ этомъ: она размышляетъ или, вернее, разбитая всеми этими волненіями, грезитъ въ полудремоте.

Не можетъ ли она согласиться на свиданіе, не совершая греха? Не можетъ ли она, внушивъ Императору уваженіе, даже дружеское чувство къ ней, добиться его доверія, передать ему чаянія своего народа? Ведь, онъ не позволитъ себе насилія надъ нею! Она не можетъ дать ему любовь, но она принесетъ ему свое поклоненіе, энтузіазмъ, благоговейную преданность. Она все это скажетъ ёму.

И ея ничемъ не извращенное воображеніе, воображеніе

восемнадцатилетней жещины, знавшей только почти платоническія ласки семядесятилетняго мужа, устремляется въ область мечты, въ ту область, где стыдливость женщины живетъ мирно рядомъ съ целомудріемъ мущинъ, где души людскія, презревъ и отвергнувъ чувственность, общаются между собою, сближаются и сливаются воедино въ гармоніи, почти божественной.

Возвращаются. Все условлено: ей не придется ни писать, ни говорить. Но только она не уйдетъ изъ дворца. Ее оставятъ здесь на целый день и вечеромъ передадутъ темъ, которыя должны пріехать за нею. Медленно тянется время, и бедная жеящина, подъ гнетомъ ожиданія, поочередно смотрятъ то на стрелку, бегущую по циферблату часовъ, то на эту замкнутую и немую дверь, – туда, откуда принесутъ ей приговоръ къ пытке.

Въ половине одиннадцатаго кто-то стучитъ. Быстро надеваютъ на нее шляпу съ большой вуалыо, покрываютъ плащемъ и ведутъ, невменяемую, словно помешанную на уголъ улицы, где стоитъ карета. Ее подталкиваютъ, заставляютъ сесть. Мущина въ длинномъ плаще и круглой шляпе, открывшій дверцу, поднимаетъ подножку и садится рядомъ съ нею. Они едутъ, не говоря другъ другу ни слова, и останавливаются около потайной двери Большого Дворца; ее выводятъ изъ кареты; ее ведутъ, поддерживая, къ двери, которую кто-то нетерпеливо открываетъ изнутри. Ее сажаютъ въ кресло.

Передъ ней Наполеонъ. Она не видитъ его, она плачетъ. Онъ – у ея ногъ; онъ начинаетъ тихо говорить ей что-то, но вдругъ у него вырываются слова: «твой старый мужъ». Она вскрикиваетъ, бросается къ двери, хочетъ бежать; ее душатъ рыданія. При этихъ словахъ весь ужасъ, вся грубость, весь позоръ акта, который она готовится свершить, встали вдругъ передъ нею во всей ихъ реальности – осязаемые, гнусные. Онъ – удивленъ. Онъ не понимаетъ. Въ первый разъ онъ находится въ такомъ положеніи. Кто она, эта жевлцина, которая, хотя и заставила себя просить, – не особенно, впрочемъ, долго (онъ не знаетъ, какія средства здесь пущены были въ ходъ), но пришла все же ночью на свиданіе, а теперь задыхается отъ рыданій и бьется о дверь; кто она – развратница и кокетка, какихъ мало, или простушка необычайной наивности? Что это – комедія, которую съ нимъ играютъ, чтобы заставить его подороже заплатить за то, чего онъ желаетъ? Но нетъ, онъ слышитъ въ крикахъ искреннія ноты, видитъ непроизвольныя движенія, которыя не могутъ быть заученными, особенно, въ восемнадцать летъ.

Отъ двери, въ которую она вцепилась, онъ насилыо, но бережно, ведетъ ее, сажаетъ въ кресло и голосомъ, уже гораздо

болѣе нѣжнымъ, въ которомъ лишь на мгновенія и противъ его воли прорывается привычный ему повелительный тонъ, онъ, избегая словъ и образовъ, могущихъ ее задеть, выискивая обороты и выраженія, которые не могутъ причинить ей боли, начинаетъ послѣдовательно допрашивать ее и непреодолимой логикой своихъ вопросъ вырываетъ у нея обрывки отвѣтовъ, которыми пользуется для своихъ новыхъ вопросовъ. По своей ли волѣ отдалась она тому, чье имя носитъ? Не изъ любви ли къ богатству и знатности? Кто заставилъ ее соединить свою юность, свою едва расцѣтшую красоту съ отжившей, почти восьмидесятилѣтней старостью? Ея мать хотѣла этого брака! «Но у тебя могло явиться раскаяніе!» – восклицаетъ онъ. Тогда она ищетъ убѣжища въ религіи. «Что было закрѣплено на землѣ, то можетъ быть расторгнуто только на небесахъ». Онъ начинаетъ смѣяться, она возмущается и плачетъ еще сильнѣе.

Но что же это, въ концѣ-концовъ? Что это за неведомый ему плодъ, отъ котораго онъ еще никогда не вкушалъ? Какъ! Женщина, желающая остаться вѣрной своему мужу, вѣрной своей религіи, эта женщина – здѣсь, у него, ночью къ его услугамъ! Это – тайна, онъ хочетъ немѣменно раскрыть ее и снова еще настойчивѣе задаетъ свои вопроеы: какое воспитаніе она получила, какую жизнь вела въ деревнѣ, какое общество посѣщала, каковы ея мать, семья – онъ хочетъ все знать и прежде всего – имя, которое она получила при крещеніи, имя Маріи, которымъ онъ отныне всегда будетъ называть ее.

Въ два часа утра стучатъ въ дверь: «Какъ! Уже?» говоритъ онъ. – Ну, моя нѣжная, моя скорбная голубка, осуши свои слезы, иди отдохни. Не бойся больше орла, въ твоемъ присутствіи у него иныхъ силъ, кромѣ страстной любви, но любви, которой нужно прежде всего твое сердце. Ты, въ концѣ-концовъ, полюбишь его, потому что онъ будетъ для тебя всѣмъ, всѣмъ, слышишь?" Онъ помогаетъ ей завязать плащъ, ведетъ ее къ двери, но тамъ, положивъ руку на щеколду и грозя не открыть, заставляетъ ее поклясться, что она придетъ и завтра.

Ее отвозятъ домой: она немного успокоилась, страхъ почти исчезъ. Ей кажется, что ея химера облекается въ плоть и кровь, что ея мечта осуществляется. Онъ былъ добръ, онъ былъ нѣженъ, нисколько не грубъ; онъ пощадилъ ее сегодня вечеромъ, почему онъ не пощадитъ ее завтра?

Въ девять часовъ утра приставленная къ ней дама уже у ея изголовья. Въ рукахъ у нея большой пакетъ, и она таинственно разворачиваетъ его, тщательно заперевъ двери. Она вынимаетъ изъ него нѣсколько футляровъ, обтянутыхъ краснымъ сафьяномъ, оранжерейные цветы, перемѣшанные съ вѣтками лавра, и

запечатанное письмо. Но лишь только извлекла она изъ футляровъ великолепный алмазный цветокъ и алмазную гирлянду, только что она успела повернуть въ рукахъ эти украшенія, чтобы показать игру камней, – какъ г-жа Валевская, бывшая еще въ постели, вырываетъ ихъ у нея изъ рукъ и съ силою бросаетъ въ другой конецъ комнаты. Она требуетъ, чтобы сію же минуту отнесли обратно все эти драгоценности. Ее считаютъ, значитъ, продажной, думаютъ, этого достаточно, чтобы она сдалась? Но это мало смущаетъ посредницу; она распечатываетъ письмо и читаетъ его.

> «Марія, моя нежная Марія, моя первая мысль – о тебе, мое первое желаніе – видеть тебя. Ты придешь опять, да? Ты мне это обещала. Если нетъ, орелъ прилетитъ къ тебе! Я увижу тебя за обедомъ, мой другъ предупредилъ меня объ этомъ. Соблаговоли принять этотъ букетъ, пусть онъ станетъ таинственой связью, тайно соединяющей насъ среди окружающей насъ толпы. И подъ взглядами целой толпы мы сможемъ понимать другъ друга. Когда я положу руку на сердце, знай, что оно все занято тобою и въ ответъ мне ты прижмешь руку къ букету! Люби меня, милая моя Марія, и пусть никогда твоя рука не оставляетъ букета!
>
> «Н.»

Но что бы ни было въ этомъ письме, ее не заставятъ принять брилліанты, ни даже цветы, ни даже лавры. У нея есть готовое оправданіе: букетъ на груди полагается только на балахъ, а она едетъ на обедъ. Избавиться же отъ этого обеда у нея нетъ никакой возможности. У всехъ окружающихъ ее головы идутъ кругомъ, все охвачены честолюбивыми замыслами; ея семья опьянена, ея мужъ попрежнему совершенно слепъ: онъ не имеетъ ни малейшаго представленія о той игре, которая ведется вокругъ него, и более горячо, чемъ кто-либо, жаждетъ новыхъ почетныхъ приглашеній.

Она является; все бросаются къ ней, смотрятъ на нее, представляются ей. Ей кажется, что все эти незнакомые люди знаютъ, что произошло накануне. Императоръ уже здесь. Онъ, видимо, чемъ-то недоволенъ; онъ хмуритъ брови; онъ смотритъ на бедную женщину злымъ взглядомъ, – пронзительнымъ и испытующимъ, мечущимъ молніи.

Вдругъ она видитъ, что онъ быстро направляется къ ней; вся дрожа при мысли, что здесь, на глазахъ у всехъ, можетъ произойти какая-нибудь сцена, какая-нибудь непоправимая вспышка, она опоминается и прикладываетъ руку къ тому месту, где долженъ былъ быть букетъ. И сразу выраженіе лица его

смягчается, гаснетъ пламя въ глазахъ, рука отвечаетъ подобнымъ же знакомъ и, передъ темъ, какъ пройти къ столу, онъ подзываетъ Дюрока и что-то говоритъ ему на ухо.

Лишь только она села, какъ и на предыдущемъ обеде, рядомъ съ маршаломъ, последній начинаетъ упрекать ее за то, что на ней нетъ букета; но она отвечаетъ наступленіемъ по поводу брилліантовъ: она не приметъ никакого подарка въ этомъ роде, пусть это будетъ известно разъ навсегда! Какъ могла бы она осмелиться только показаться съ этими украшеніями? Одно только могло бы дать удовлетвореніе ея чувствамъ обожаній и преданности – это надежда на лучшее будущее для ея страны. «Разве Императоръ, – отвечаетъ Дюрокъ, – не далъ вамъ этой надежды? И онъ напоминаетъ о целомъ ряде актовъ, которые уже и теперь значатъ больше всякихъ обещаній. А что касается того, любитъ ли онъ ее, такъ разве она можетъ въ этомъ сомневаться? И сейчасъ, какъ разъ, онъ смотритъ только на нее. Въ то время, какъ онъ занятъ, повидимому, исключительно общимъ разговоромъ, вопросами, которые онъ задаетъ, и ответами, которые получаетъ, онъ не перестаетъ держать руку на сердце. Онъ только что подзывалъ къ себе. Дюрока, сказалъ ему что-то на ухо; онъ просилъ его непременно напомнить ей, что она обещала придти вечеромъ. И потомъ, – разсужденія о тщете величія, о потребности такого Государя, какъ Императоръ, иметь около себя сердце, которое понимало бы его, о томъ, какъ прекрасна эта миссія, выполнить которую хотела бы каждая женщина…

Она пришла одинъ разъ, она должна придти опять. Принимаіотъ те же лредосторожности я точно такимъ же образомъ везутъ ее. Она входитъ. Онъ мраченъ, озабоченъ. «Наконецъ, вы – здесь, – говоритъ онъ, – я уже не надеялся увидеть васъ». Онъ снимаетъ съ нея плащъ, беретъ у нея шляпу, усаживаетъ въ кресло, потомъ, стоя передъ нею, требуетъ у нея одравданій. Зачемъ она ездила въ Броне? Зачемъ она старалась заронить въ него чувство, котораго сама не разделяла? Почёму она отвергла его цветы, даже лавры? Что она съ ними сделала? Онъ связывалъ съ ними надежду провести столько *интересныхъ минутъ,* и она его лишила ихъ. Его рука все время лежала на его сердце, а ея рука была неподвижна; только одинъ разъ она ответила. И въ бешенстве ударивъ себя по лбу, онъ крикнулъ ей: «Вотъ она – Полька! Вы подтверждаете мой взглядъ на вашу націю!»

Глубоко взволнованная такимъ пріемомъ, страшно смущенная этими словами, она робко проситъ: «О, Государь, рада Бога, скажите мне вашъ взглядъ».

И онъ говорятъ тогда, что считаетъ Поляковъ увлекающимися

и легкомысленными. Все у нихъ делается изъ прихоти, у нихъ ни въ чемъ нетъ последовательности. Ихъ пылкій энтузіазмъ шуменъ и порывистъ, они не умеютъ управлять имъ, не способны сделать его стойкимъ. И этотъ портретъ – ея портретъ. Разве не полетела она, какъ сумасшедшая, взглянуть на него при его проезде? Онъ отдалъ свое сердце за этотъ нежный взглядъ, за эти страстныя слова, а она – она скрылась.

Сколько онъ не искалъ ее, онъ не могъ найти и когда она, наконецъ, пришла – одной изъ последнихъ – она была холодна, какъ ледъ. Пусть же она знаетъ: каждый разъ, когда онъ считалъ какую-нибудь вещь невозможной, онъ желалъ ее еще более страстно. Ничто не можетъ остановить его. Сама по себе мысль о невозможности разжигаетъ въ немъ страсть, и онъ продолжаетъ наступать. Онъ привыкъ, чтобы все съ готовностью уступало его желаніямъ, сопротивленіе, которое она ему оказываетъ, доставляетъ ему страданіе.

Мало по малу онъ воспламеняется; гневъ – подлинный или показной – туманитъ ему голову: «Я хочу, пойми ты это, *хочу* заставить тебя любить меня! Я возродилъ имя твоей родины: ея стволъ стоитъ еще благодаря мне. Я сделаю больше. Но знай: такъ же, какъ эти часы, – которыя у меня сейчасъ въ руке и которыя я разбиваю на твоихъ глазахъ, – такъ же, какъ они, погибнетъ ея имя и все твои надежды, если ты доведешь меня до крайности, отвергнувъ мое сердце и отказывая мне въ твоемъ».

Передъ этимъ бешенствомъ, передъ этими угрозами, при виде часовъ, разлетевшихся вдребезги, бедная жещияа, какъ снопъ, падаетъ на полъ… Когда къ ней возвращается сознаніе, она уже не принадлежятъ себе. Онъ около нея, вытираетъ ей слезы, которыя капля за каллей текутъ у нея изъ глазъ.

Отныне – это связь, если можно такъ назвать ея обыкновеніе каждый вечеръ являться во дворецъ, съ пассивной покорностью принимать ласки, за которыя она ждетъ награды; если она и отдалась или, вернее, позволила взять себя, то не за такіе пустяки, какъ назначеніе временнаго правителъства, созданіе эмбріона арміи и присоединеніе нескольких ротъ легкой кавалеріи къ охране французскаго Императора. Плата, которая только и могла бы удовлетворить ее, которая могла бы оправдать ее въ ея собственныхъ глазахъ, это – возстановленіе Полъши, какъ націи и Государства. Не умея притворяться, казаться любящей, когда сердце не испытываетъ ничего, не умея симулироватъ страсть, которой не знала ея целомудренная душа, она не имеетъ никакихъ данныхъ, чтобы подчинить себе любовника и руководить имъ, и не способна даже скрыть отъ него, каковъ единственный стимулъ, которому она повинуется. Каждый вечеръ

она сводитъ разговоръ на то, чемъ постоянно занята ея мысль; ее утешаютъ, обнадеживаютъ, даже обещаютъ, но все – въ счетъ будущаго, будущаго, мучительную пытку котораго она предвидитъ, не видя ей конца.

И это не потому, что она встречаетъ осужденіе со стороны окружающихъ ее. За исключеніемъ мужа, котораго она вынуждена была оставить, все наперебой ухаживаютъ за нею, не какъ за фавориткой, а какъ за жертвой, потому что ни для кого не тайна, какъ она страдаетъ, и насколько она заслуживаетъ уваженія, почтенія и сожаленія. Родныя сестры ея мужа, княгиня Яблоновская и графиня Биргинская, берутъ ее подъ свое покровительство. Если бы она захотела, то могла бы занимать въ Варшаве первое место и, будь она иной, она была бы тамъ царицей. Тогда она имела вы враговъ, теперь же, такъ какъ она держится въ тени, ея не боятся, ей меньше курятъ фиміамъ, но зато относятся съ большимъ сочувствіемъ.

Впрочемъ, ея положеніе нисколько не шокируетъ польское общество, которое лишь прикрываетъ свои привычки восточной полигаміи щегольскимъ скептицизмомъ, вывезеннымъ изъ Версаля. Оно видело образцы морали въ лице Екатерины Великой, усвоило ихъ и находитъ, при желаніи, въ разводе законную – и даже религіозную – санкцію своимъ внебрачнымъ прихотямъ.

Въ те времена не было ни одного магната, который, будучи женатъ, не имелъ бы, вместе съ темъ, открыто любовницы въ обществе и не содержалъ бы, въ какомъ-нибудь изъ своихъ поместій, одну или несколько фаворитокъ-грузинокъ.

Такимъ образомъ, Наполеонъ, который не таскаетъ за собой во время походовъ гарема, кажется представителямъ польскаго дворянства необычайно целомудреннымъ государемъ; онъ решителыю отвергъ всехъ женщинъ, которыя все были готовы отдаться ему: онъ пожелалъ лишь одну изъ нихъ и ждалъ, чтобы она отдалась ему сама.

Эти представители дворянства считаютъ свой образъ действій не только естественнымъ, но и строго обязательнымъ. Разъ Наполеонъ пріехалъ въ Варшаву и живетъ тамъ, онъ долженъ иметь женщину, и они должны предложить ему ту, которая понравилась ему больше всехъ.

Къ счастью, нашлась такая женщина, какой они не встретили бы за сто летъ: простая, наивная, стыдливая, безкорыстная, одушевленная лишь страстной любовью къ родине, способная внушить глубокое чувство и истинную любовь, воплотившая въ себе все, что есть привлекательнаго и блатороднаго въ націи.

Она не будетъ для Наполеона случайной любовницей, она

будетъ для него, такъ сказать, *супругой на стороне;* она не будетъ, правда, пользоваться ни почестями, связанными съ властью, ни роскошью и великолепіемъ, окружающими тронъ, но она будетъ занимать совершенно особое место, она будетъ посланницей своего народа при Императоре, его *полъской женой.* Со временемъ она сумеетъ еще крепче, чемъ теперь, привязать сердце Наполеона къ судьбамъ Польши. Одного ея молчаливаго присутствія будетъ достаточно, чтобы заставлять его вспоминать о своихъ обещаніяхъ, оправдываться въ ихъ неисполненіи, что бы мысль о неуплаченномъ долге постоянно тревожила его совесть.

Въ сущности, нельзя сказать, чтобы они ошибались, потому что почти каждый вечеръ онъ возвращается къ вопросу, о которомъ постоянно напоминаетъ ему эта женщина.

Онъ прекрасно чувствуетъ – и говоритъ это ей, – что она не его любитъ, а свою отчизну, и она нисколько не отрицаетъ этого. Она признается въ этомъ совершенно откровенно, а онъ, – онъ, который такъ всегда настораживается при первомъ же подозреніи, что женщина хочетъ руководить и пользоваться имъ, – онъ выдаетъ свого тайну этому наивному и откровенному ребенку; онъ чувствуетъ, насколько далека она отъ всего что составляетъ предметъ тщеславія другихъ женщинъ! Ему такъ хотелось бы удовлетворить ее! Но онъ – несостоятельный должникъ, онъ не можетъ уплатить ей того, на что она имела право надеяться!

«Ты можешь быть уверена, – говоритъ онъ ей, – что данное тебе мною обещаніе будетъ исполнено. Я уже принудилъ Россію оставить ту часть, которую она захватила; время сделаетъ остальное. Не насталъ еще моментъ осуществить полностью все, нужно терпеливо ждать. Политика – это веревка, которая лопается, если ее слишкомъ натягиваютъ. А пока, формируются ваши политическіе деятели. Потому что, сколько ихъ у васъ? Вы богаты добрыми патріотами; у васъ есть руки – да, съ этимъ я согласенъ; доблесть и отвага брызжутъ у вашихъ храбрецовъ изъ всехъ поръ, но этого недостаточно: необходимо теснейшее единеніе».

Непрестанно – и это странно и удивительно. потому что онъ больше, чемъ кто-либо, считалъ недопустимымъ, разговоры съ женщиной о полтітике, – непрестанно, и какъ бы противъ своей воли, онъ возвращается въ этихъ вечернихъ беседахъ къ тому, что надо сделать, чтобы улучшіть положеніе народа, поднять его благосостояніе, создать действенное единомысліе хотя бы въ ущербъ интересамъ владетельнаго дворянства.

«Ты прекрасно знаешь, – говоритъ онъ ей, – что я люблю твой народъ; что мои планы, мои политическіе взгляды – все заставляетъ меня желать его полнаго возрожденія. Я хочу помочь

ему, хочу защитить его права; все, зависящее отъ меня и не противоречащее моему долгу и интересамъ Франціи, я, несомненно, сделаю; но, подумай, слишкомъ большое разстояніе разделяетъ насъ: то, что я могу установить сегодня, завтра можетъ быть разрушено. Мой первый долгъ – защита интересовъ Франціи. и я не могу проливать кровь французовъ за дело, чуждое ихъ интересамъ, и вооружать мой народъ, чтобы мчаться вамъ на помощь каждый разъ, когда это будетъ необходимо».

И совершенно внезапно, – приводя этимъ въ полнейшее замешательство свою собеседницу, – онъ переходитъ къ салоннымъ сплетнямъ, ко всякимъ исторійкамъ, къ пикантнымъ анекдотамъ. Онъ хочетъ, чтобы она разсказывала ему о частной жизни каждаго, съ кемъ онъ встречается. Его любопытство ненасытимо и распространяется на самыя мелкія подробности. Везде, где бы онъ ни былъ, – а здесь, где на карту поставлены такіе важные интересы, особенно, – онъ этимъ способомъ составляетъ себе мненіе о правящемъ классе.

Изъ всей совокупности этихъ мелкихъ фактовъ, – которые запечатлеваются у него въ памяти и до которыхъ онъ такъ жаденъ, что удивляетъ своей осведомленностью слушающую его женщину, – онъ делаетъ свои выводы, и она замечаетъ тогда, что сама же дала ему въ руки оружіе противъ себя самой; она протестуетъ, она возмущается его выводами, и стычка кончается темъ, что онъ, похлопывая ее по щеке, говоритъ ей: «Моя милая Марія, ты достойна быть спартанкой и иметь отечество».

Онъ не любилъ бы ее такъ, какъ любитъ, если бы не занимался ея туалетомъ. Онъ имеетъ претензію считать себя знатокомъ въ этомъ деле. «Вы знаете, что я прекрасно понимаю толкъ въ нарядахъ», писалъ онъ Савари. Еще въ самомъ начале Консульства, когда надо было послать подарокъ какой-нибудь изъ государынь, напримеръ, королеве Испанской или Прусской, онъ самъ его выбиралъ. У него при Дворе ни одна плохо одетая женщина не ускользаетъ отъ его критики, и даже Жозефина, пріучившая его къ величайшей роскоши, къ изысканнейшему изяществу, къ утонченнейшему вкусу, не защищена отъ его замечаній. Особенно не терпитъ онъ платья темныхъ цветовъ, а г-жа Валевская упорно носитъ платья самыя простыя и только белыя, серыя или черныя. Последнія страшно ему не нравятся, и онъ говоритъ ей это. «Полька, – отвечаетъ она, – должна носить трауръ по своему отечеству. Когда вы возродите его, я не буду разставаться съ розовымъ цветомъ».

Такимъ образомъ, все его заставляетъ возвращаться къ одной и той же теме, но это нисколько не сердитъ его и нисколько не охлаждаетъ его горячую любовь къ ней. Въ это время онъ пишетъ

своему брату Жозефу: «Я никогда не былъ такъ здоровъ и такъ галантенъ». И это признаніе настолько необычно въ его устахъ, что его нельзя не признать знаменательнымъ.

Ему не достаточно видеть свою любовницу каждый вечеръ съ глазу на глазъ; въ теченіе того времени, которое онъ проводитъ въ Варшаве до битвы при Эйлау, онъ требуетъ, чтобы она бывала на всехъ званыхъ обедахъ, на всехъ празднествахъ, на которыхъ присутствуетъ онъ. И на всехъ этихъ торжествахъ онъ все время, не пропуская ни одного мгновенія, переговаривается съ нею темъ немымъ и таинственнымъ языкомъ, которому онъ обучилъ ее и въ которомъ она теперь более опытна, чемъ самъ Дюрокъ. Она понимаетъ теперь эти движенія руки, знаки, делаемые палъцами, предназначенные только для нея, позволяющіе ей одной угадывать чувства, вызванныя ею и владеющія Императоромъ, когда онъ поддерживаетъ со всей ассамблеей оживленный разговоръ, ведетъ споръ, разсказываетъ съ поразительной точностью о техъ или иныхъ событіяхъ, произноситъ торжественную речь.

«Это удивляетъ тебя? – говоритъ онъ ей. – Пойми же, что я долженъ достойно занимать выпавшій мне на долю постъ. Мне досталась честь повелевать народами: я былъ только желудемъ и сталъ дубомъ. Я властвую, я у всехъ на виду, за мною наблюдаютъ и издали, и вблизи. Это положеніе заставляетъ меня иногда играть роль не совсемъ естественную для меня, но которую я долженъ выполнять, чтобы быть въ своихъ собственныхъ глазахъ – еще больше, чемъ въ глазахъ окружающихъ, – достойнымъ носителемъ сана, которымъ я облеченъ. Но тогда, какъ для всехъ я представляю собою дубъ, мне нравится быть желудемъ съ тобой одной. Разве могъ бы я, подъ взглядами целой толпы, сказать тебе: „Марія, я люблю тебя!“ Всегда, когда я тебя вижу, мне хочется это сделать, но я не могу наклониться къ твоему уху, не нарушивъ приличія».

Когда онъ переноситъ свою главную квартиру въ Финкенштейнъ, она должна следовать за нимъ; и тамъ они ведутъ тихое, монотонное существованіе, совершенно подобное тому, которое она вела некогда въ поместьи своего стараго мужа. Одиночество прерывается совместными, съ глазу на глазъ съ Императоромъ, обедами, за которыми имъ служитъ простой лакей. Медленно текущіе часы отдаетъ она чтенію или рукоделію. Развлеченіе – парады, на которые она смотритъ черезъ закрытые жалюзи; это жизнь затворницы, всегда къ услугамъ повелителя, въ полной зависимости отъ него, безъ общества, безъ удовольствій, безъ малейшаго кокетства; и эта жизнь удовлетворяетъ ее гораздо больше, чемъ блестящая, шумная, светская жизнь, которую она

вела въ Варшаве.

Такимъ образомъ, для него она – тотъ типъ женщины, который онъ думалъ найти въ Жозефине: женщины нежной, мягкой, внимательной, робкой, не имеющей ни желаній, ни, повидимому, даже воли, принадлежащей ему целикомъ, живущей исключительно для него, женщины, которая если и проситъ у него милости, то милости настолько колоссальной, въ такой степени неличной, что замыслить ее, при всей ея химеричности, можетъ лишь необыкновенно возвышенная душа, требовать же ея отъ человека значитъ, приравнивать этого человека почти къ Богу.

Все это затрагиваетъ самыя интимныя струны его души и, когда онъ уезжаетъ изъ Польши, не осуществивъ той мечты, изъ-за которой эта женщина отдалась ему; когда она, разочаровавшись, въ отчаяніи, въ последній разъ умоляетъ его возвратить ей отечество и отказывается ехать за нимъ въ Парижъ, заявляя, что намерена удалиться въ глухую деревню и ждать тамъ, въ трауре и молитве, исиолненія обещаній, которыхъ онъ не сдержалъ, – тогда онъ, въ свою очередь, умоляетъ ее: «Я знаю, – говоритъ онъ, – что ты можешь жить безъ меня… Я знаю, что сердце твое не принадлежитъ мне… Но ты хорошая, ты добрая; твое сердце такъ благородно и такъ непорочно! Неужели ты лишишь меня возможности проводить каждый день около тебя несколько минутъ блаженства? Только ты ихъ можешь дать мне, а меня считаютъ самымъ счастливымъ человекомъ въ свете». И онъ говоритъ это съ такой горькой и печальной улыбкой, что ее охватываетъ странное чувство жалости къ этому владыке міра, и она обещаетъ пріехать въ Парижъ.

Она пріезжаетъ туда въ начале 1808 г., и отныне эта таинственная связь, – несомненно прерываемая время отъ времени изменами со стороны Наполеона, но остающаяся, темъ не менее, для него сильнейшей, единственной сердечной привязанностью, – принимаетъ такой странный характеръ, что, если бы не были найдены несомненныя доказательства ея существованія, если бы сопоставленіе показаній различныхъ свидетелей, совершенно невзначай дающихъ то въ одномъ, то въ другомъ случае отдельныя подробности, отдельныя достоверныя даты, не позволяли связно установить весь ходъ событій, – то нельзя было бы утверждать, что связь эта имела непрерывный характеръ, о чемъ, повидимому, не знали даже самые осведомленные современники.

Во время походовъ 1809 г. г-жа Валевская переезжаетъ въ Вену, где для нея приготовили очень элегантный домъ около Шенбруннскаго дворца; тамъ она забеременела и после Венскаго

мира поехала разрешиться отъ бремени въ Валевичъ, где и родился 4 мая 1810 г. Александръ-Флоріанъ-Жозефъ-Колонна-Валевскій. Не имеемъ ли мы право спросить себя, после всего того, что намъ теперь известно, не объясняются ли некоторыя колебанія, проявленныя Наполеономъ при переговорахъ съ Австріей, нерешителыюсть его въ вопросе о томъ, что ему делать съ Польшей, – присутствіемъ той, которой онъ такъ формально обещалъ возстановить ея отечество?

Въ конце 1810 г. г-жа Валевская, проведя сезонъ водолеченія въ Спа, возвращается въ сопровожденіи своей золовки княгини Яблоновской, въ Парижъ и привозитъ съ собой новрожденнаго; она занимаетъ изящный отель въ Шоссе-д'Антенъ – сначала въ улице Уссей, № 2, потомъ въ улице Виктуаръ, 48. Каждое утро Императоръ посылаетъ къ ней за распоряженіями. Къ ея услугамъ предоставляютъ ложи во всехъ театрахъ, передъ нею открыты двери всехъ музеевъ. Корвизару поручено заботиться о ея здоровьи; на Дюрока возложена обязанность снабжать ее въ самой широкой степени матеріальными средствами и заботиться вообще о ея удобствахъ. Императоръ даетъ ей ежемесячную пенсію въ десять тысячъ франковъ.

Одинъ изъ примеровъ ея вліятельности: въ Спа одинъ молодой англичанинъ, г. С… позволилъ себе, по меньшей мере, сомнительную шутку по отношенію къ княгине Яблоновской. По возвращеніи, княгиня приглашаетъ его сопровождать ее и г-жу Валевскую въ артиллерійскій музей. Въ зале доспеховъ общество останавливается передъ доспехами Жанны д'Аркъ и въ то время, какъ г. С… разсматриваетъ ихъ, героиня вытягиваетъ руки, схватываетъ молодого Англичанина и прижимаетъ его къ сердцу. Онъ бьется, задыхается, молитъ о пощаде; но только по приказанію г-жи Валевской Жанна д'Аркъ возвращаетъ ему свободу. Не есть ли это доказательство известной вліятельности – особенно, если принять во вниманіе, какъ ревниво относился Наполеонъ къ своимъ музеямъ?

Всегда, когда у него есть возможность вырваться, Императоръ пріезжаетъ на короткое время къ ней, или приглашаетъ ее въ замокъ вместе съ сыномъ, которому немедленно же по его прибытіи было пожаловано званіе графа Имперіи. Въ обществе никто, за исключеніемъ Поляковъ, и не подозреваетъ объ этихъ отношеніяхъ; г-жа Валевская почти не показывается въ светъ, принимаетъ у себя лишь нескольких соотечественниковъ. Она держитъ себя въ высшей степени корректно, сдержанно, ведетъ скромный образъ жизни. Когда она отправляется на воды въ Спа, ея золовки сопровождаютъ ее. Летніе месяцы она проводитъ у своей золовки въ Монсъ-сюръ-Оржъ, где последняя снимаетъ

домъ, называемый замкомъ Бретиньи, который некогда принадлежалъ герцогине де Ришелье. Тщетно пытаются вовлечь ее въ светскую жизнь: она самымъ тщательнымъ образомъ старается скрывать то, чемъ другія женщины были бы такъ горды. Деревенскій домъ, въ которомъ она живетъ, очень скромный, совершенно уединеяный, – ея міръ, и она старается какъ можно реже покидать его. Темъ не менее, ею занимаются въ посольскихъ кругахъ и даже среди шпіоновъ; въ числе прочихъ нелепостей о ней разсказываютъ, что она официально пользуется правомъ свободнаго доступа ко Двору; между темъ, личное право свободнаго доступа, бывшее верхомъ милости, никогда не давалось разъ навсегда; даже для дамъ, состоявшихъ при Доме, оно должно было возобновляться при каждомъ путешествіи въ новый дворецъ. Списки сохранились, и г-жа Валевская не фигурируетъ въ нихъ. По всей вероятности, ея визиты запросто ни въ какомъ отношеніи не были официальными.

Въ начале 1812 г. состояніе отношеній съ Россіей даетъ основаніе предвидеть въ близкомъ будущемъ войну; въ Монсе очень радуются этому. Княгиня Яблоновская получаетъ изъ Варшавы письмо за письмомъ: ей сообщаютъ, что Императоръ решительно обязался возстановить Польшу во всей ея целости. Дамы спешатъ писать своимъ управляющимъ, приказываютъ имъ предоставить замки къ услугамъ Французовъ и обращаться съ ними, какъ съ господами. Въ своемъ поклоненіи Императору оне доходятъ почти до безумия. Вечеромъ распеваютъ національныя песни, жгутъ фейерверкъ, даже танцуютъ, но – мазурку. Утромъ слушаютъ обедню, бываютъ на девятинахъ. На руке у каждой изъ нихъ – шарфъ національныхъ цветовъ. Это – повтореніе, да еще, пожалуй, въ усиленной степени, подъемовъ 1807 и 1809 гг. Однажды къ княгине является съ визитомъ Костюшко; онъ видитъ ихъ энтузіазмъ, ихъ патріотическое неистовство, видитъ эти шарфы; онъ приближается къ хозяйке дома, не говоря ни слова, развязываетъ шарфъ и прижимаетъ его къ сердцу.

Имелъ ли Костюшко основаніе истолковывать такимъ образомъ замыслы Императора? Во всякомъ случае, отношенія Наполеона къ г-же Валевской проявились какъ разъ въ этотъ моментъ въ акте настолько исключителыюмъ, что въ немъ нельзя не видеть, – помимо предосторожности, принимаемой на всякій случай передъ большой войной, – открытаго шага навстречу польскимъ дворянамъ съ целью усилитъ ихъ преданность. Вотъ этотъ актъ, каждое слово котораго заслуживаетъ вниманія, такъ какъ среди многочисленныхъ декретовъ о пожалованіи титуловъ и именій нетъ ни одного, заключающаго аналогичныя статьи. Этотъ, единственный въ своемъ роде, актъ находится въ прямомъ

противоречіи съ принципами, служившими основой Имперскаго Дворянства, и напоминаетъ некоторыми своими положеніями распоряженія Людовика XIУ относительно Узаконенныхъ (Legitimes).

Во дворце Сенъ-Клу, 5 мая 1812 г...

Наполеонъ, Императоръ Французовъ, король Италіи, Протекторъ Рейнской Федераціи, Медіаторъ Швейцарской Конфедераціи и проч., и проч., и проч.

Мы декредитировали и декредитируемъ нижеследующее: Статья первая. – Именія, находящіяся въ королевстве Неаполитанскомъ, поименованныя въ прилагаемой при семъ ведомости и составляющія нашу личную собственность, даруются нами настоящимъ декретомъ графу Александру-Флоріану-Жозефу Колонна-Валевскому, дабы изъ нихъбылъ составленъ майоратъ, учреждаемый нами въ его пользу, при этомъ нами жалуется ему титулъ графа Имперіи.

Ст. 2. – Эти именія подлежатъ передаче потомству, какъ прямому, законному, такъ и побочному или пріемному по мужской линіи въ порядке первородства упомянутаго графа Валевскаго.

Ст. 3. – Въ томъ случае, если графъ Валевскій скончается, не оставивъ после себя детей мужескаго пола, мы повелеваемъ, чтобы его дочери, если таковыя будутъ, – рожденныя отъ законнаго брака, были призваны къ владенію именіями, входящими въ составъ майората, при условіи раздела этихъ именій между ними на равныя части.

Ст. 4. – Въ случае, предвиденномъ предшествующей статьей, доля каждой изъ дочерей графа Валевскаго въ упомянутомъ имениі, подлежитъ передаче вместе съ графскимъ титуломъ потомству прямому, законному, побочному или пріемному по мужской линіи, въ порядке первородства той, которая эту долю получила.

Ст. 5. – Согласно нашихъ статутовъ отъ 1 марта 1808 г., именія, составляющія майоратъ графа Валевскаго, подлежатъ возврату въ нашу личную собственность 1), если упомянутый графъ Валевскій умретъ, не оставивъ после себя потомства; 2), въ случае пресеченія мужского потомства; 3), въ случае пресеченія мужского потомства каждой изъ дочерей упомянутаго

графа Валевскаго, которыя на основаніи ст. 3 получаютъ часть майората.

Ст. 6. – До совершеннолетія графа Валевскаго мы желаемъ, чтобы госпожа графиня Марія Колонна-Валевская, урожденная Лачинская, его мать, пользовалась всеми доходами и прибылями, получаемыми съ майората, съ обязателъствомъ, съ ея стороны, содержать и воспитывать сына согласно его положенію, а также управлять упомянутыми именіями, какъ управлялъ бы ими добрый отецъ семейства, но безъ обязательства для упомянутой г-жи Валевской давать какіе-либо отчеты въ прибыляхъ и доходахъ съ упомянутыхъ именій, отъ каковой дачи отчетовъ мы ее совершенно освобождаемъ.

Ст. 7. – Начиная съ совершеннолетія графа Валевскаго и вступленія его во владеніе принадлежащимъ ему майоратомъ, мы обязуемъ его уплачивать упомянутой госпоже Валевской, его матери, ежегодную и пожизненную пенсію въ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Ст. 8. – Въ случае, предвиденномъ ст. 3, т. е., если со смертью графа Валевскаго безъ мужского потомства маіоратъ перейдетъ къ дочерямъ упомянутаго графа Валевскаго, каждая изъ нихъ обязуется выплачивать упомянутую пенсію въ той части, которая достанется ей въ именіяхъ маіората.

Ст. 9. – Въ случае возврата маіората въ нашу личную собственность, мы повелеваемъ, чтобы упомянутая госпожа Валевская сохранила до своей смерти полное обладаніе доходами и прибылями именій, составляющихъ маіоратъ.

Ст. 10. – Ведомость именій, включенныхъ нами въ маіоратъ графа Валевскаго, будетъ препровождена вместе съ настоящимъ декретомъ нашему кузену, Принцу Великому Имперскому Канцлеру, дабы по просьбе и настоянію упомянутой госпожи Валевской онъ изготовилъ въ обычной форме жалованныя грамоты, соответственно настоящему декрету, а также актъ о передаче имущества, каковое мы разрешаемъ упомянутой госпоже Валевской принять отъ имени ея сына, въ отступленіе, въ пределахъ необходимаго, отъ всехъ законовъ, правилъ и обычаевъ, сему противоречащихъ.

Ст. 11. – После отсылки жалованной грамоты, когда

упомянутая госпожа Валевская приметъ все имущество, старшій управляющій нашихъ личныхъ владеній введетъ отъ имени ея сына упомянутую госпожу Валевскую во владеніе имеміями, которыя мы имеемъ въ виду въ настоящемъ декрете, и вручитъ ей все документы, подтверждающіе ея права на собственность.

Ст. 12. – Нашъ Кузенъ, Принцъ, Великій Канцлеръ Имперіи и Главный Управляющій нашими личными владеніями должны озаботиться въ томъ, что касается каждаго изъ нихъ, исполненіемъ настоящаго декрета.

Наполеонъ.

По указу Императора:

Министръ Государственный Секретарь

Главный Управляющій Личными Имеміями Графъ Дарю.

Этотъ маіоратъ состоялъ, какъ видно изъ ведомости, имеющейся при декрете, изъ шестидесяти девяти фермъ или земельныхъ участковъ, сдаваемыхъ въ наемъ различнымъ лицамъ за 169,516 франковъ 60 сантимовъ; имемія эти Императоръ оставилъ себе при вступленіи Мюрата на Неаполитанскій престолъ; это были остатки земель, дарованныхъ герцогамъ Отрантскому, Гаэтанскому и Тарентскому, а также графу Ренье.

Жалованная грамота была подписана Императоромъ въ Кенигсберге 15 іюля; актъ о передаче маіората новому владельцу былъ выданъ хранителемъ печатей 13 августа, уполномоченный госпожи Валевской вступилъ во владеніе имеміями 12 октября, и пользованіе арендной платой началось съ новаго сельскохозяйственнаго года.

Г-жа Валевская пріехала въ Варшаву, чтобы быть на месте въ моментъ возрожденія ея отечества. Архіепископъ, г. Малинъ, держалъ себя съ нею, какъ съ «факсимиле Императрицы», и все удивлялись, съ какимъ «скромнымъ достоинствомъ» она себя держитъ въ затруднительномъ положеніи, въ которомъ очутилась; никто не сомневался, что личныя дела, на которыя она ссылалась для объясненія своего пріезда, были лишь предлогомъ, что настоящей причиной ея путешествія была надежда, что ее вызовутъ на главную квартиру. Но ее не вызываютъ туда, и она возвращается въ Парижъ, где, повидимому, начинаетъ бывать въ свете чаще прежняго. Мы думаемъ такъ не потому, что она, после настоятельныхъ приглашеній Жозефины, едетъ въ Мальмезонъ съ своимъ сыномъ, котораго Императрица засыпаетъ игрушками и подарками, а потому, что она делаетъ себе въ это время костюмы, которые могли предназначаться только для посещеній

Императорскаго двора. Таковы два торжественныхъ наряда въ 1813 г.: черное, бархатное платье съ отделкой изъ тюля, расшитаго чистымъ золотомъ, и платье изъ белаго тюля и токъ, украшенный перьями.

Хотя она и прежде одевалась очень изящно и на свои бальныя платья расходовала у одного только Леруа три тысячи франковъ въ полгода, но придворныхъ костюмовъ у нея до сихъ поръ не было. Въ туалетахъ своихъ она по-прежнему предпочитаетъ белое или, вообще, блеклые тона, несколько траурнаго характера; у нея имеется платье изъ лиловаго левантина, платье изъ белаго тюля съ тремя ветками акаціи, изъ белаго тюля съ полу-осыпавшимися и мятыми розами; или, это – белое съ голубымъ – польскіе цвета: напримеръ, платье изъ тафты съ белыми и голубыми отливами, изъ голубого тюля, гарнированное верескомъ и белыми маргаритками.

Для того, чтобы Наполеонъ помнилъ о ней, ей нетъ нужды появлятьея при Дворе; доказательствомъ можетъ служить письмо, написанное въ Ножане, 8 февраля 1814 г. среди тяжкихъ тревогъ войны, на другой день после Бріеннъ, накануне Шанпоберъ. Боясь, чтобы Мюратъ на конфисковалъ его первый даръ, онъ поручилъ своему главному казначею, г. де ля Бульеръ, учредить новый маіоратъ, съ рентой въ пятьдесятъ тысячъ ливровъ, на имя молодого графа Валевскаго, въ случае смерти котораго мать его наследовала бы ему. Его безпокоитъ мысль, что не все формальности выполнены, что акціи Каналовъ, дающія ренту въ 30,000 фунтовъ, не превращены еще въ недвижимость, что другіе двадцать тысячъ франковъ еще не вписаны въ Большую книгу, и собственноручно онъ пишетъ ля Бульеру:

> «Я получйлъ ваше письмо относительно молодого Валевскаго. Предоставляю вамъ полную свободу действій. Делайте, что следуетъ, но делайте немедленно. Меня прежде всего интересуетъ ребенокъ, а мать – потомъ.
>
> «Н.»
>
> Ножанъ, 8 февраля.

Обо всемъ этомъ она ничего не знаетъ, ибо не было на свете другой такой безкорыстной души, какъ ея. Въ последніе дни, когда Императоръ, всеми покинутый, искалъ у смерти убежища, въ которомъ ему отказала судьба, – она пріезжаетъ въ Фонтенбло и целую ночь ждетъ въ передней, не позоветъ ли онъ ее къ себе. Онъ же, поглощенный своими мыслями, обезсиленный только что перенесенными физическими страданіями, справляется о ней только черезъ часъ после ея отъезда. «Бедная женщина! –

говоритъ онъ, – она будетъ думать, что ее забыли!»

Она ему пишетъ и онъ собственноручно отвечаетъ ей:

> «Марія, я получилъ ваше письмо отъ 15. Чувства, которыя одушевляютъ васъ, глубоко трогаютъ меня. Они достойны вашей прекрасной души и вашего добраго сердца. Если устроивъ свои дела, вы отправитесь на воды въ Люкъ или Пизу, – я съ большимъ удовольствіемъ повидаю васъ, какъ и вашего сына, по отношенію къ которому мои чувства всегда останутся неизменными. Будьте здоровы, не огорчайтесь, вспоминайте обо мне съ любовью и никогда не сомневайтесь во мне.
>
> «Н.»
>
> 16 апреля.

Въ августе она находится во Флоренціи. Она намеревается ехать на корабле въ Неаполь осмотреть владенія, принадлежашія ея сыну, и просить Мюрата сохранить ихъ за нимъ. Она обращается къ Императору съ просьбой принять ее, и въ конце месяца, въ сопровожденіи сына, сестры, брата, полковника Лачинскаго, высаживается на острове Элъба и проводитъ одинъ день около Императора въ эрмитаже Мадонна де ля Маргіана. Въ 1815 г., узнавъ о возвращеніи Наполеона въ Парижъ, она спешитъ пріехать, и среди женщинъ, преданность которыхъ пережила величіе Императора и которыя чаще всехъ бываютъ въ Елисейскомъ дворце и въ Мальмезоне, ее надо назвать первой.

Но после отъезда на Святую Елену, она сочла себя свободной. Г. Валевскій умеръ въ 1814 г., и она въ 1816 г. вышла замужъ за кузена Императора, генерала, графа д'Орнано, отставного полковника гвардейской кавалеріи, одного изъ самыхъ блестящихъ и храбрыхъ офицеровъ Великой Арміи. Бракосочетаніе происходило въ Льеже, куда графу пришлось бежать после второго возвращенія Бурбоновъ. Этотъ бракъ очень огорчилъ пленника Святой Елены. «Императоръ, разсказываетъ одинъ изъ его товарищей, всегда сохранялъ чрезвычайно нежныя чувства къ г-же Валевской, и не въ его характере было позволять темъ, кого онъ любилъ, любить что-нибудь кроме него». Впрочемъ, бедной женщине такъ и не пришлось пожить счастливой жизнью: 9 іюня 1817 г. она родитъ въ Льеже, возвращается въ Парижъ, куда разрешено вернуться ея мужу, и вскоре после пріезда, 15 декабря 1817 г, умираетъ въ своемъ отеле въ улице Виктуаръ.

Что касается ея сына, – о которомъ Императоръ сказалъ въ своемъ завещаніи: «Я желаю, чтобы Александръ Валевскій былъ привлеченъ на военную службу во Франціи», – то онъ сделалъ,

какъ известно, блестящую карьеру. Его жизнь солдата, писателя, дипломата и государственнаго человека слишкомъ тесно переплетена съ современной намъ исторіей, чтобы было необходамо распространяться о ней и считать ея оценку своевременной.[20]

XVI. Разводъ

Смерть Наполеона-Шарля разсеяла мечты Наполеона о наследнике; рожденіе Леона разсеяло сомненія относительно возможности иметь потомство; любовь къ г-же Валевской отодвинула въ его сердце на задній планъ образъ Жозефины. Въ Тильзите еще не было, можетъ быть. определеннаго разговора о русской великой княжне, но после возвращенія изъ Тильзита, все идетъ къ разводу: впервые Императоръ принимаетъ мысль о последнемъ. Но какой длинный промежутокъ отделяетъ здесь замыселъ отъ его осуществленія! Въ другихъ делахъ, делахъ ума, а не сердца, если решеніе принято, онъ не допускаетъ никакихъ лромедленій и идетъ къ цели, не останавливаясь ни передъ чемъ. Здесь же его умъ взвесилъ все неудобства, создаваемыя безплодіемъ Жозефины, все выгоды развода и второго брака, но сердце его противится политическимъ замысламъ, и въ теченіе целыхъ двухъ летъ, отъ іюля 1807 г. до октября 1809 г., онъ колеблется, то решается, то снова отступаетъ, и эту странность въ немъ нельзя объяснить никакими политическими соображеніями, она определяется исключительно чувствомъ любви.

Для того, чтобы Наполеонъ обрелъ энергію порвать съ женщиной, къ которой его привязывали десятилетаяя привычка, сильная страсть, пылкость темперамента, даже тщеславіе, съ женщиной, которую онъ любилъ настолько, что призвалъ ее разделить съ нимъ тронъ и иногда предпочиталъ ее и ея родныхъ своимъ собственнымъ роднымъ, – необходимо было, чтобы соединяющая ихъ связь постепенно, нитъ за нитью, истерлась и порвалась, и чтобы разводъ сталъ не только выгоденъ, но и неизбеженъ. Сразу онъ не могъ примириться съ мыслью – принести въ жертву свою подругу, и когда онъ бываетъ готовъ уже сдаться, онъ начинаетъ видеть въ ней еще больше достоинствъ, потому что считаетъ себя виноватымъ передъ ней. «Она этого не перенесетъ; она умретъ отъ этого». И разве не приходитъ онъ къ мысли, что его собственная судьба зависитъ отъ нея и отъ ея звезды?

Но не пустое суеверіе останавливаетъ его, даже не забота о томъ, что станутъ думать старые товарищи по оружію, армія и народъ, если черезъ два года после коронаціи онъ отвергнетъ жену, которую помазалъ на царство; онъ не считается съ общественнымъ мненіемъ, онъ слушаетъ только свое сердце и отступаетъ. Видя его колебанія, некоторые изъ наиболее приближенныхъ къ нему, – какъ, напримеръ, Фуше, – задумываютъ ускорить развязку и хотятъ посредствомъ ловкихъ

инсинуацій толкнуть Жозефину взять на себя иниціативу и принести себя въ жертву, Наполеонъ не можетъ отрицать, что это чрезмерное усердіе внушено, пожалуй, планами, которые онъ самъ же задумалъ и о которыхъ далъ окружающимъ поводъ догадываться. Но чемъ меныпе решимости онь чувствуеть въ себе, темъ онъ становнтся раздражителънее; онъ сердится, резко осуждаеть Фуше, третируетъ его такъ, какъ не третировалъ раньше ни одного человека, каково бы ни было его положеніе. Одинъ изъ его же министровъ задумалъ произвести на него давленіе и заставить его сдаться! И этотъ министръ, этотъ изворотливый полицейскій позволяетъ себе вмешиваться въ его интимную жизнь, совать свою гнусную рожу въ его супружескую комнату! Жозефина пользуется его кратковременнымъ негодованіемъ и, умело направляемая Талейраномъ, – который на этотъ разъ по темъ или инымъ соображеніямъ, хочетъ помешать Фуше, – идетъ съ прямымъ вопросомъ къ Наполеону, который не осмеливается признаться въ своихъ планахъ, колеблется, отступаетъ, даетъ снова забрать себя въ руки.

Теперь – конецъ на некоторое время спискамъ пригодныхъ для брака принцессъ, составляемымъ по альманаханъ, конфиденціальнымъ сведеніямъ, получаемымъ отъ заграничныхъ агентовъ, портретамъ, тщательно подбираемымъ, чтобы составить себе по нимъ прочное мненіе. Наполеонъ «снова сходится съ женой и еще ближе, чемъ прежде, какъ показываютъ его частые ночные визиты къ ней. Онъ сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ, онъ плачетъ, онъ клянется ей въ глубокой привязанности». Тщетно атакуютъ его снова и думаютъ, что удалось убедить его; у него съ новой силой пробуждаются его прежнія чувства къ жене, и теперь уже она сама, пользуясь выгодами своего положенія, ставитъ вопросъ о разводе, делая видъ, что ставитъ его еще решительнее, чемъ онъ. Она, – объ этомъ она прямо заявляетъ ему, – не пойдетъ навстречу его желанію, но если онъ прикажетъ, то она подчинится; но онъ долженъ приказать. У него же нетъ силъ приказать. Чтобы укрепить свою власть, чтобы поставить прочно свою династію, чтобы обезпечить, въ пределахъ человеческаго предвиденія, безсмертіе своего творенія, *«человекъ съ железнымъ сердцемъ»* долженъ устранить съ своего пути женщину, и онъ не можетъ этого сделать.

Но веренъ ли онъ ей въ те періоды, когда чувствуетъ себя снова влюбленнымъ въ нее? Нетъ, въ его чувстве къ жене верность совершенно не при чемъ. Въ его любви всецело господствуютъ память о прошломъ, жалость, признательность, нежность; страсть въ ней – лишь отголосокъ прошлаго, безъ всякихъ заблужденій относительно красоты и молодости женщины. И когда Наполеону

попадаются подъ руку женщины более молодыя и красивыя, онъ способенъ желать ихъ и брать, при чемъ его чувство къ Жозефине нисколько не умаляется. Пребываніе въ Париже и Фонтенбло съ августа по октябрь 1807 г. – время наибольшаго успеха для г-жи Гадзани; и г-жа Гадзани – въ это время тоже не единственная. Чисто физическое наслажденіе, которое она способна была доставлять, и которому только ея необыкновенная красота придавала некоторый интересъ, – не могло бы привязать къ ней Наполеона на целыхъ два месяца. Въ Фонтенбло думаютъ, что онъ готовъ влюбиться въ г-жу де Б…, мужъ которой состоитъ въ весьма отдаленномъ родстве съ Богарне, чему и обязанъ своимъ местомъ при дворе, – одна изъ самыхъ хорошенькихъ среди придворныхъ женщинъ. При гигантскомъ росте (5 футовъ, 6 дюймовъ), она блещетъ пышно-распустившейся красотой. Ей всего 28 летъ. Некоторые находятъ даже, что для такого огромнаго роста голова ея слишкомъ мала, и что черты лица кажутся детскими; но те, которые говорятъ такъ, не видели ее одетой шахматной королевой въ кадрили на балу Марескальки. При этомъ – неглупая, безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ предразсудковъ. Императоръ видитъ ее за завтраками на охоте, которые она никогда не пропускаетъ, и замечаетъ ее; онъ велитъ сказать ей объ этомъ и даже, говорятъ, пишетъ ей. Ея квартира находится въ самомъ нижнемъ этаже замка, выходитъ въ садъ Діаны, очень удобна для вечернихъ визитовъ; приходится проникать черезъ окно, въ амбразуре котораго высокая ступенька грозитъ неосторожнымъ посетителямъ шумнымъ паденіемъ, но дама гостепріимна и умеетъ облегчить доступъ къ себе. Все это сходитъ для нея очень хорошо, и мужъ, уже старый и наивнейшій человекъ, только потираетъ руки: «Моя жена, – говоритъ онъ однажда въ салоне, – изумительно изобретательная женщина. Мы не богаты, но, благодаря ея способностямъ, кажемся богатыми: это настоящее сокровище!» Работаетъ она столь усердно, что делаетъ его камергеромъ при одномъ изъ королей-братьевъ Императора, – камергеромъ последней очереди, – и барономъ Имперіи, дабы самой быть баронессой. Но романъ, – въ самомъ существованіи котораго многіе сомневались, такъ хорошо хранился секретъ, – не имелъ продолженія после путешествія въ Фонтенбло, и мужу пришлось перестать радоваться. Пришлось ему испытать и другія разочарованія. Г-жа де В…поссорилась со своей принцессой изъ-за одного блестящаго офицера: она была вычеркнута изъ придворныхъ списковъ и вынуждена поселиться въ своемъ имѣніи; офицеръ же отправился въ Испанію, где былъ тяжело раненъ. По возвращеніи оттуда, онъ выздоровелъ, она развелась съ мужемъ, они повенчались, и было бы нескромно

приводить здесь точныя даты.

Возможно, что какъ разъ въ этотъ моментъ онъ находится въ связи съ другой дамой, состоявшей при принцессе Полине, съ некоей г-жей де Матисъ. Непонятно было, что, собственно, могло ему нравиться въ ней. «Она, – разсказываетъ одинъ современникъ, – маленькаго роста, блондинка, кругла, какъ шаръ, и несколько менее свежа, чемъ роза». «Это была, – разсказываетъ другой, – маленькая, довольно полная блондинка, въ которой я не виделъ ничего особеннаго, и я никогда не могъ понять этого чувства». Она прожила очень долго и, глядя на нее, – на ея весь завитой, белокурый парикъ, на ея голову, слишкомъ большую для ея тела, хотя и последнее было очень толстымъ и съ трудомъ двигалось на очень короткихъ ногахъ, – казалось непонятнымъ, что въ ней было увлекательнаго, и какъ могла она придтись по вкусу Императору. Но она имела письменныя доказательства этого и не упускала случая показывать ихъ.

Но, придаваясь развлеченіямъ, вернувшись къ супружескому ложу, позволивъ воспоминаніямъ увлечь себя, растрогать и взволновать, Императоръ не изменилъ своего решенія, не отказался отъ мысли, которая постоянно преследуетъ и тревожитъ его, на которую его вечно наталкиваютъ его советчики, а еще усерднее последнихъ – его собственное честолюбіе и его собственный разсудокъ. Въ виду будущаго развода, онъ уезжаетъ въ Италію въ конце 1807 г. Жозефину очень безпокоитъ вопросъ о томъ, что будетъ съ ея сыномъ, если она окажется отвергнутой. Правда, еще въ 1805 г. Наполеонъ сделалъ Евгенія вице-королемъ Италіи; въ 1806 г., когда онъ женилъ его на принцессе Августе, онъ далъ ему титулъ Сына Франціи; но обещанія, данныя имъ, не были еще окончательно утверждены въ законодательномъ порядке, и обезпеченіе за Евгеніемъ и его потомствомъ наследственныхъ правъ на королевскій престолъ покоится все еще на чисто словесныхъ заявленіяхъ.

Онъ желаетъ въ этомъ пункте успокоить одновременно и свою жену, и Баварскій домъ; и хочетъ также выяснить, какой именно бракъ былъ бы для него приличнее. Онъ жалелъ, что не женился на Вице-Королеве Августе, слывшей первой красавщей въ придворныхъ кругахъ; но сестра Августы, принцесса Шарлотта, не будетъ ли она для него подходящей женой? Имея это въ виду, онъ вызываетъ въ Миланъ короля, королеву и принцессу Баварскихъ. Но потомъ онъ соображаетъ, что нельзя же ему сделаться beau frere'омъ своего же beau-fils'a. Кроме того, молодая девушка нравится ему меньше, чемъ онъ ожидалъ. Онъ предоставляетъ ее ея странной судьбе и возвращается къ новому плану: къ плану брачнаго союза внутри своей же семьи.

Разве не подросла уже и не стала невестой Лолоттъ, которой онъ уже пять летъ не виделъ, и которую водилъ когда-то за руку по своимъ консульскимъ салонамъ? Это – дочь отъ перваго брака Люсьена и Катерины Буайе, которую Наполеонъ любилъ, какъ сестру, несмотря на то, что она была дочерью хозяевъ маленькой гостиницы въ Сенъ-Максименъ, въ департаменте Варъ, и, когда вступила въ семью, не умела даже подписатъ свою фамилію. Несомненно, после того, какъ Лолоттъ вышла изъ-подъ опеки Элиза и уехала изъ Франціи съ отцомъ и мачехой, она стала на ихъ сторону; но ей нетъ и пятнадцати летъ, воспоминанія ранняго детства еще могутъ пробудиться въ ней. И Императоръ, въ такой степени привязанный къ своей семье, что ему трудно бываетъ оказать какую-нибудь милость лицу, не состоящему членомъ Бонапартовскаго рода, въ такой степени привязанный къ братьямъ, что всю свою жизнь только и делаетъ, что прощаетъ имъ ихъ прегрешенія, а примиреніе съ Люсьеномъ кажется ему деломъ первостепенной важности, – Императоръ действительно способенъ былъ увлечься мыслью основать свое потомство на крови своего собственнаго рода и вывести свою династію, такъ сказать, изъ самого же себя. Впрочемъ, если разница летъ, действительно, слишкомъ велика, если молодой девушке этотъ проектъ внушитъ отвращеніе, если онъ самъ раздумаетъ, то разве онъ не сможетъ посадить Лолоттъ вместо своего трона на какой-либо другой европейскій тронъ, который онъ, такимъ образомъ, *бонапартизируетъ,* – на тронъ Испаніи, напримеръ? Для его плановъ на будущее эта девушка его крови, единственная, уже годная для брака, можетъ оказаться вообще полезной. Онъ выписываетъ ее въ Парижъ; онъ помещаетъ ее у своей матери для наблюденія за нею; но Лолоттъ недолго живетъ здесь. Она очень забавляетъ своего отца письмами о придворной жизни, повидимому, совершенно не подозревая, что ея письма просматриваются. Наполеонъ убеждается, что ему ничего не поделать съ дочерью Люсьена, и отсылаетъ ее обратно въ Италію. Она не нашла тамъ королевской короны, но зато нашла свадебный венецъ: въ 1815 г. она вышла замужъ за принца Габріелли и умерла только въ 1865 г.

Съ точки зренія матримоніальныхъ проектовъ, путешествіе въ Италію дало ничтожные результаты, темъ не менее Фуше не успокоился и продолжалъ распространять и раздувать слухи о разводе, и даже молніеносныя письма, которыя онъ получалъ, не могли заставить его прекратить интригу. Всей его изощренности и ловкости не хватило на то, чтобы понять, что моментъ упущенъ, что если ужасы Эйлау, если опасность заговора, составленнаго въ его отсутствіе, могли показаться Императору грозвными въ

политическомъ смысле, то впечатленія эти не были, все же, настолько сильны, чтобы оказаться длительными, чтобы заставить его сознать необходимость оставлять въ Париже, когда онъ самъ отправляется воевать, такъ сказать, живое представительство самого себя. Чтобы заставить его решиться, все необходимое для брака должно быть на лицо. Между темъ, бракъ на русской княжне – дело далекаго будущаго; съ Баваріей – все кончено, въ Австріи въ данный моментъ искать нечего; въ 1805 г. Австрія сама делала въ этомъ смысле предложенія, а теперь у нея нетъ невестъ. Бракъ внутри семьи – въ запасе, но отъ семьи Люсьена можно всего ожидать, и крупныя затрудненія здесь неизбежны. Надо, следовательно, ждать.

Наполеонъ это и делаетъ после своего возвращенія, въ теченіе трехъ месяцевъ, которые проводитъ въ Париже. Сердце его занято целикомъ г-жей Валевской, недавно лишъ прибывшей изъ Польши. Мысль его занята множествомъ всякихъ делъ, особенно испанскими делами, съ которыми онъ желаетъ покончить до того, какъ возобновитъ съ Александромъ беседу, начатую въ Тильзите. Мысль о разводе возникаетъ у него только приступами; более, чемъ когда-либо неспособный на что-нибудь решиться, а особенно – объявить свою волю (хотя теперь Талейранъ и толкаетъ его на это), постоянно взволнованный, больной отъ раздраженія, испытывая жестокія желудочныя схватки, онъ въ одинъ изъ такихъ дней притягиваетъ къ себе на кровать свою жену, совершенно уже одетую для придворнаго пріема, плачетъ надъ ней и надъ самимъ собою, жалуется, что не можетъ ее покинуть.

Нетъ! Онъ не можетъ. Словно сама судьба связала его съ нею, словно есть у нея какой-то талисманъ любви. Хотя онъ и говоритъ иногда, что она уже стара и безобразна, но во время пребыванія въ Мараке онъ дурачится съ нею и играетъ, какъ настоящій влюбленный. Кажется, что у него нетъ никакихъ заботъ о будущемъ, никакой задней мысли о разрыве, когда на прогулке, передъ всемъ эскортомъ, онъ ловитъ Жозефину по пляжу и толкаетъ ее въ воду, *въ комнату любви,* смеясь при этомъ во всю глотку. Или вдругъ – такая фантазія: однажды Жозефина второпяхъ потеряла свои ботинки; онъ взялъ ихъ, бросилъ въ сторону и заставилъ ее войти въ карету разутой, чтобы увидеть, почувствовать ея ноги, которыя онъ такъ любитъ.

Въ такіе моменты въ немъ пробуждается не только физическое, но и духовное влеченіе къ ней. Никогда Жозефина не была такъ находчива, какъ во время этого путешествія въ Байонну, никогда она такъ не ухаживала за нимъ, не выказывала ему столько утонченнаго вниманія.

Какъ заслуженно находитъ онъ ее на своемъ месте – умной, ловкой, необыкновенно тактичной – при странной встрече съ повелителями Испаніи, которую имъ приходится выдержать! Какъ потомъ, во время тріумфальнаго путешествія по южнымъ и западнымъ провинціямъ, когда было такъ невыносимо жарко, что приходилось ехать ночью, чтобы хотя неімного освежиться, когда каждая остановка отмечалась однообразными, одинаково мало интересными празднествами, пріемами и безконечными представленіями, когда онъ самъ почувствовалъ уже усталость отъ всехъ этихъ овацій, – она была всегда на ногахъ, всегда готова къ выходу, несмотря на мигрени и недомоганье, всегда точна и пунктуальна, всегда съ приветливой улыбкой на губахъ; каждому она умела сказать лестное для него слово, умела трогательнымъ и привлекательнымъ жестомъ снять съ себя и предложить женщине или девушке какую-нибудь изъ драгоценныхъ вещей, которыми заранее съ этой целыо украшала себя, умела любое банальное и официальное подношеніе превратить въ личный, интимный подарокъ! Какъ она умела делать видъ, что интересуется и вещами, и людьми, семьями, детьми, всемъ темъ, что особенно льститъ матерямъ! Она кажется рожденной для того, чтобы дополнять его, чтобы сочетать свою приветливую женственность съ его властнымъ могуществомъ, чтобы увлекать сердца въ то время, когда онъ воспламеняетъ умы!

И темъ не менее, хотя онъ больше, чемъ кто-либо, испыталъ на себе обаяніе Жозефины въ теченіе этихъ четырехъ месяцевъ, когда онъ жилъ только съ нею и позволилъ себе лишь мимолетную неверность съ m-lle Гильебо, – темъ не менее, по возвращении, мысль о разводе вновь овладеваетъ имъ, и не подлежитъ никакому сомненію, что эта мысль играла крупную роль въ поездке въ Эрфуртъ. Чтобы тонкими намеками внушить Александру, что онъ готовъ предложить свой тронъ одной изъ великихъ княженъ, онъ везетъ съ собой Талейрана. Но Талейранъ, вместо того, чтобы служить своему повелителю, безсовестно изменяетъ ему: это онъ доставляетъ Русскому Императору средство отклонить лредложеніе Наполеона, закладываетъ основы для новой коалиціи противъ Франціи и подготовляетъ войну 1809 года.

После Эрфурта Наполеону приходится мчаться въ Парижъ и потомъ – на испанскую границу. Онъ успокаивается на полу-слове, полу-обещаніи Александра и воображаетъ, что, когда будетъ покончено съ Испанскимъ мятежомъ, бракъ съ русской княжной станетъ очень простымъ деломъ. Но это не мятежъ, это – возстаніе: онъ думалъ, что для полнаго торжества ему понадобится здесъ два месяца, между темъ, за три месяца онъ не

достигаетъ ничего, кроме нѣсколькихъ безплодныхъ побѣдъ. А затемъ – заговоры въ Парижѣ, въ его собственной семьѣ, надежды на его смерть, Австрія, во всеоружіи готовящаяся къ наступленію, возстаніе народовъ, проповедуемое въ Германіи Великими Герцогами, священная война. подготовляемая тайнымн обществами. Онъ покидаетъ Бенавенте, галопомъ, пришпоривая лошадь, проносится черезъ станціи, мчится, словно пажъ. Онъ не проводитъ въ Парижѣ и трехъ месяцевъ; пробывъ здесь столько времени, сколько нужно, чтобы разоблачить того или иного изменника, привести въ порядокъ дела, собрать армію и двинуть ее на Дунай, а затемъ – снова въ путь, потому что Австрія уже начала нападеніе, эрц-герцогъ Карлъ вторгся на территорію Конфедераціи.

Но когда после этого головокружительнаго похода, который длился безъ перерыва семнадцать месяцевъ, онъ останавливается въ Шенбрунне и обдумываетъ свое положеніе, неизбежная необходимость развода становится ему вновь ясна. Дело не только въ томъ, чтобы обезпечить во что бы то ни стало престолонаследіе, – хотя разъ у него родится сынъ, что ему тогда до темныхъ происковъ Мюрата и Каролины? – Кроме того, важно, чтобы во время его отсутствія въ Парижѣ оставался его представитель, вокругъ котораго объединялись бы его друзья въ случае, напримеръ, высадки Англичанъ или роялистскаго возстанія. И нетъ около него Жозефины, чтобы волновать его воспоминаніями о былой любви, трогать сердце мыслью объ общей имъ судьбе, пугать воображеніе мыслью о расторженіи ихъ слившихся воедино жизней, о возможномъ тогда закате его звезды. Другая женщина, такая же внимательная, гораздо более кроткая и сдержанная, гораздо более молодая и красивая и въ то же время плодовитая, коротаетъ съ нимъ время, тихая и нежная, давая ему къ тому же уверенность въ будущемъ отцовстве. Если онъ еще могъ сомневаться въ себе въ случае съ Элеонорой, то здесь – никакихъ сомненій, потому что онъ знаетъ, какую огромную жертву принесла ему эта женщина въ Варшаве; онъ знаетъ, какую жизнь она вела эти два года: онъ самъ приготовилъ ей тюрьму въ Шенбрунне и заперъ ее въ ней такъ, какъ хотелъ.

Такимъ образомъ, конецъ колебаніямъ! Это решено; покончено съ борьбой, которая целыхъ два года занимала его мысль и терзала сердце; борьбой съ самимъ собою, когда и дни, и ночи были отравлены мучительной боязнью разрыва, когда, раньше, чемъ решиться на жертву, онъ исчерпалъ все комбинаціи, какія только могъ придумать его изобретательный умъ. Усыновленіе побочнаго ребенка, симуляція беременности, даже возвратъ къ одному изъ сыновей Гортензіи – онъ все обдумалъ,

все перебралъ, былъ готовъ на все, но на деле одно только практично, одно только можетъ дать прочную основу Имперіи. Онъ это чувствуетъ, онъ это понимаетъ. И чтобы избавить себя отъ волненій, а особенно, чтобы избавить отъ нихъ свою жену, чтобы не начать снова колебаться, онъ изъ Шенбрунна отдаетъ приказъ архитектору въ Фонтенбло наглухо отделить апартаменты Императрицы отъ его апартаментовъ. И когда Жозефина пріезжаетъ, – опоздавъ въ первый разъ, – онъ отказывается принять ее и сидитъ, запершись съ министрами. Никакихъ частныхъ разговоровъ, никакой возможности объясниться: между собой и ею онъ постоянно нарочно ставитъ постороннихъ людей. Посредникамъ, приближеннымъ – намеки, наболее близкимъ – откровенное признаніе. Для последней схватки, после того, какъ онъ безуспешно пытался втянуть въ дело Гортензію, – онъ вызываетъ изъ Италіи Евгенія и, когда ему становится известно, что последній – въ пути, онъ самъ вызываетъ въ Париже последній, решительный разговоръ, въ которомъ считаетъ долгомъ своимъ возвестить Жозефине принятое имъ решеніе. Она ждетъ этого, ждетъ не только съ 1807 г., но всегда, все время. Значитъ, разразился онъ, этотъ ударъ, защищаясь отъ котораго она пускала въ ходъ всю свою ловкость, ужасъ предчувствія котораго отравилъ всю ея жизнь – значитъ наступилъ моментъ развода, который угрожалъ ей еще при возвращеніи изъ Египта, навязчивая мысль о которомъ возвращалась снова и снова – и при провозглашеніи пожизненнаго Консульства, и при установленіи Имперіи, каждый разъ, когда счастье, казалось, осыпало ее своими милостями. Но на этотъ разъ – нечего делать, никакой лазейки, никакого средства. Она пускаетъ все-таки въ ходъ обмороки и слезы безъ всякой надежды снова овладеть имъ, только для того, чтобы извлечь наибольшія выгоды изъ положенія, въ которое попала. Она желаетъ прочно устроить сына, желаетъ, чтобы было исполнено то, что ей обещано для него. Что же касается ея самой, то прежде всего и особенно она не желаетъ уезжать изъ Парижа, затемъ, она желаетъ, чтобы были уплачены ея долги, потомъ, чтобы за ней сохранили рангъ и прерогативы Императрицы, потомъ еще, чтобы у нея были деньги, много денегъ. И она получаетъ все это, получаетъ все, чего желаетъ: Елисейскій дворецъ, какъ городскую резиденцію, Мальмезонъ, какъ летнюю, Наваррскій замокъ – для охоты, три милліона въ годъ, тотъ же почетъ, какимъ пользовалась раньше, титулъ, гербы, охрану, эскортъ, весь внешній декорумъ царствующей Императрицы, особое место въ Государстве, место въ высшей степени странное, пожалуй, единственное въ своемъ роде, не имеющее себе

примера, если не восходить къ эпохамъ Рима и Византіи.

Но деньги, дворцы, титулы, – все это – ничто для него; онъ даетъ больше: свои слезы. Онъ даетъ дни глубокой скорби, проводимые въ Тріанове за игрой, – онъ, который никогда не играетъ! – онъ даетъ свои непрестанныя заботы о жене, то и дело гоняя во весь карьеръ въ Малъмезонъ пажей, шталмейстеровъ, камергеровъ, высшихъ офицеровъ, чтобы иметь всегда свежія новости а каждомъ часе, каждомъ мгновеньи, которое она проводитъ безъ него. И какъ встревоженный любовникъ, какъ самый верный и самый нежный любовникъ, онъ пишетъ письмо за письмомъ, заста вляетъ всехъ окружающихъ ездить къ ней съ визитами, желаетъ знать до мелъчайшихъ подробностей, какъ живетъ отвергнутая имъ жена. Нетъ такой любезности, нетъ такой милости, которыхъ онъ не оказалъ бы ей, чувствуя или считая себя виноватымъ передъ нею. Онъ желалъ бы, чтобы и она приняла решеніе, подчинилась свершившемуся, съ достоинствомъ приняла свое новое положеніе, сняла съ него тяжесть сознанія, что она несчастна, благодаря ему.

И темъ не менее, когда онъ является въ Малъмезонъ, чтобы повидать ее и постараться утешить, онъ не обнимаетъ ее, даже не входитъ въ ея покои, старается все время держаться на виду у всехъ, потому что хочетъ, чтобы и Жозефина, и все знали, что между ними навсегда все кончено. И тщательно избегая давать кому-либо поводъ думать, что та, которая вчера была его женой, состоитъ теперь при немъ любовницей, онъ выказываетъ ей этимъ новый знакъ своего уваженія. – И потомъ, кто знаетъ? Можетъ быть, онъ и самъ все еще не уверенъ въ своихъ чувствахъ; въ такомъ случае, онъ проявляетъ къ ней не только уваженіе; онъ показываетъ этимъ, какой живой, и глубокой, и крепкой, способной пережить все, даже молодость и красоту, была и осталась его любовь, зародившаяся тринаддать летъ назадъ, такая страстная вначале, такая непоколебимая, несмотря на случайныя измены, самая властная и самая слепая, какую испытывалъ когда-либо человекъ.

XVII. Марія-Луиза

I.

До сихъ поръ Наполеонъ смотрелъ на всехъ женщинъ, которыми обладалъ, какъ на стоящихъ ниже себя. Престижъ, который въ начале имела въ его глазахъ Жозефина, исчезаетъ, начиная съ 1806 г. Видя при своемъ дворе знатнейшихъ дамъ старой Франціи – Монморанси, Мортемаръ, Ляваль, – онъ понялъ, что такое Богарне, и научился более точно определять разстояніе между людьми. Среди его любовницъ не было ни одной, происхожденіе или известность которой могли бы льстить его тщеславію. Онъ совершенно не искалъ такихъ, а если встречалъ, то быстро въ нихъ разочаровывался и даже не доводилъ съ ними дела до конца.

Впрочемъ, велика ли была бы. въ его теперешнемъ положеніи честь отъ техъ победъ, которыя онъ могъ одержать во Франціи! Чтобы связь съ женщиной могла удовлетворять его тщеславіе, она должна соответствовать его положенію; для этого необходима, по крайней мере, девушка императорской фамиліи; и таковую онъ находитъ, когда Императоръ Австрійскій молитъ его о союзе и предлагаетъ ему въ супруги свою старшую дочь Марію-Луизу.

Это уже не то, что некогда было съ Жозефиной; это – доступъ не въ мнимый фобуръ Сенъ-Жерменъ; это – вступленіе въ семью королей, родство съ теми, кому древность рода и историческая слава даютъ власть надъ міромъ – съ Бурбонами и Габсбургами-Лотарингскими. Это значитъ, что достигнута последняя ступень, на которую оставалось подняться, чтобы сравняться, – по крайней мере, такъ ему кажется, – съ теми, которые предшествовали ему на этомъ, завоеванномъ имъ троне, чтобы связать себя съ ними названіями, какъ бы устанавливающими родственную связь. Онъ сможетъ сказать: *Мой дядя,* говоря о Людовике XVI; *Моя тетка,* говоря о Маріи-Антуанете, такъ какъ его будущая жена дважды, по отцу и по матери, – племянница королевы и короля Франціи.

Отныне его обращеніе къ императорамъ и королямъ не будетъ уже сводиться къ одному лишь этикету иллюзорнаго братства, обычному между государями: онъ будетъ действительно ихъ пасынкомъ или ихъ внукомъ, ихъ двоюроднымъ братомъ или шуриномъ: наполеоновская система, которую онъ установилъ уже на Западе и целыхъ четыре года пытался связать съ различными династическими системами посредствомъ браковъ Евгенія, Стефаніи и Жерома, будетъ соединена черезъ собственный его

бракъ съ австрійской системой, какъ некогда была соединена съ нею система Бурбоновъ. Его династія потеряетъ свой случайный характеръ – ея слабое место – и черезъ несколько поколеній, когда забудется ея революціонное происхожденіе, пріобретететъ родственныя связи, которыя Наполеонъ считаетъ въ политике единственно прочными и долговечными.

Этимъ бракомъ его тщеславіе, следовательно, удовлетворено. Но какъ онъ, при его властномъ характере, уживется съ женпщной, которая, имея такихъ предковъ, будучи окружена ореоломъ такого величія, должна врожденнымъ инстинктомъ, понимать, что она есть, и чего стоитъ, должна стремиться занять достойное ея место и должна обладать той присущей принцамъ, рожденнымъ принцами, уверенностью въ непогрешимости, которой одной достаточно, чтобы возвышать ихъ. въ собственномъ сознаніи, надъ всеми людъми?

Благодаря удивительному стеченію обстоятельствъ, почва оказывается, словно нарочно, прекрасно подготовленной. Девочка, которую ему отдаютъ, совершенно не воображаетъ, что можетъ иметь иную волю, чемъ воля ея отца; она знаетъ, что ея судьба всегда будетъ находиться въ полной зависимости отъ интересовъ ея рода; что ея личность предназначена служить придачей при заключеніи какого-нибудь договора; она воспитана такъ, что приметъ, не возмущаясь, почти не разсуждая, любого мужа, котораго укажетъ ей политика.

Съ самаго детства ее для того и воспитывали.

Ее научили многимъ языкамъ: немецкому, англійскому, турецкому, чешскому, испанскому, итальянскому, французскому, даже латинскому, по-тому что никому не известно, куда занесетъ ее судьба. И чемъ обширнее у нея запасъ словъ, чемъ больше различныхъ словъ она знаетъ, чтобы выражать одну и ту же мысль, темъ меньше у нея мыслей; но это именно то, что требуется!

Ее обучали искусствамъ, доставляющимъ развлеченія – музыке и рисованію, – которыя повсюду считаются приличнымъ и благороднымъ занятіемъ для праздныхъ принцессъ.

Религіозное воспитаніе ея было чисто словеснымъ; ее принуждали къ исполненію мельчайшихъ обрядовъ, но ее ограждали отъ всякихъ догматическихъ споровъ, потому что суженый ея можетъ оказаться, въ лучшемъ случае, схизматикомъ.

Все, что относится къ вопросамъ нравственности, тщательно окутывалось густейшимъ туманомъ тайны. Эрцгерцогиня не должна знать. что въ природе существуютъ два различные пола. Прибегая къ предосторожностямъ, на которыя способны только казуисты великой испанской школы, воспитатели дошли, въ

цеяхъ охраненія ея невинности, до такихъ утонченныхъ требованій стыдливости, что получалось нечто, граничащее съ непристойностью. Въ птичьихъ дворахъ – только куры, ни единаго петуха; въ клеткахъ – ни одного кенаря, только канарейки; ни единаго кобеля въ апартаментахъ, только – суки. Книги – и какія жалкія! – обезврежены съ ножницами въ рукахъ, страницы, строчки, отдельныя слова вырезаны, причемъ делающимъ это даже въ голову не приходитъ, что именно надъ этими пустыми местами мечтаютъ эрцгерцогини. Правда, гувернантка, аја, а затемъ – оберъ-гофмейстерина, держатъ эти мечты на привязи.

Она распоряжается въ апартаментахъ, присутствуетъ на урокахъ, наблюдаетъ за играми, следитъ и за служанками, и за учительницами. Ни днемъ, ни ночью она не оставляетъ своей воспитанницы. Такъ какъ эта должность считается важной и связана съ политикой, то занимающее ее лицо меняется при каждой смене министровъ У Маріи-Луизы за восемнадцать легъ сменилось пять гувернантокъ; но воспитаніе ведется по такимъ строгимъ и разъ навсегда установленнымъ правиламъ что, несмотря на перемены персонала оно остается неизменнымъ.

Изъ развлеченій – только то, что принято въ монастыряхъ: разведеніе цветовъ, уходъ за птичками, иногда закуска на травке съ дочерью гувернантки. Въ дни выхода – очень мирная, но очень буржуазная интимная семейная обстановка и общество старыхъ дядюшекъ, занимающихся живописью или музыкой, Никакихъ туалетовъ ни единой драгоценной вещи, ни баловъ, ни участія въ придворныхъ торжествахъ; изредка поездка куда-нибудь на сеймъ. Что особенно запечатлелось въ цамяти Маріи-Луизы, что особенно казалось ей интереснымъ, – это бегство передъ французскими нашествіями: дисциплина теряла тогда свою строгостъ, и эрцгерцоганя избавлялась отъ уроковъ.

Наполеояу отдаюгъ, такимъ образомъ, не женщину, а ребенка, пріученнаго къ такимъ строгимъ однообразнымъ и узкимъ правиламъ, что всякая дисциплина, по сравненію съ ними, покажется мягкой, и любое, даже малейшее удовольствіе – чемъ-то увдекательнымъ.

Но если воспитаніе придушило въ ней, такимъ образомъ, природу, то не следуетъ ли опасаться что природа захочеть вознаградить себя? Такое же воспитаніе получили дочери Маріи-Терезы и темъ не менее, Марія-Антуанета показала себя въ Версали, Марія-Каролина – въ Неаполе, Марія-Амелія – въ Парме. Это, конечно, такъ, но Наполеонъ думаетъ, что здесь виноваты мужья, которые не сумели взяться за дело, и у него на этотъ предметъ имеются особые планы. Пансіонерка, которую онъ получитъ, перейдетъ просто на просто изъ Шёнбруннскаго или

изъ Люксенбургскаго монастыря въ монастырь Тюильери или Сенъ-Клу. Прибавится только мужъ. Те же строгія правила, то же неотступное наблюденіе; ни свободы въ отношеніяхъ, ни чтенія безъ цензуры, ни единаго посетителя-мужчины, въ заменъ аја – придворная дама и четыре *красныя женщины,* стоящія непрерывно, день и ночь, две – у дверей, две – въ апартаментахъ, какъ часовые предъ лицомъ непріятеля.

Такимъ образомъ, разъ ему, мужу, приходится открыть жене то, что ея воспитаніе имело целью скрыть, онъ заменитъ это охранительное неведеніе предосторожностями матеріальными: ни единый мужчина, какъ бы низко или высоко ни стоялъ онъ на общественной лестнице, не будетъ оставаться ни единой минуты съ Императрицей.

Вокругъ нея возродится во всей своей силе старинный этикетъ временъ Людовика XIV, ослабевшій, благодаря индиферентности Людовика XV и безхарактерности Людовика XVI. Но тогда какъ при короляхъ недоверіе прикрывалось традиціонными почестями, для чего знатнейшимъ придворнымъ дамамъ поручалось, подъ видомъ компаньонокъ, следить за королевой, Наполеонъ внесетъ въ это дело безпощадную прямоту своихъ военныхъ приказовъ и усилитъ строгость последнихъ, поручивъ исполненіе ихъ вдовамъ и сестрамъ военныхъ.

Это – не ревность, потому что онъ еще совсемъ не знаетъ ту женщину, для которой издаетъ уже законы: это – благоразумная предосторожность. Онъ говоритъ Государственному Совету: «для адюльтера достаточно канапе», и онъ убежденъ, быть можетъ, по опыту, что каждое свиданіе наедине между мужчиной и женщиной легко приводитъ къ преступленію. При такомъ недовериі къ женщине ему должны быть по вкусу порядки, принятые на Востоке. Если онъ не можетъ, – потому что это не принято на Западе, – запереть свою жену въ гаремъ, то онъ заменяетъ евнуховъ *красными женщинами* и решетки – этикетомъ. За исключеніемъ названія, это – та же тюрьма. Правда, разъ жена согласна на эту тюрьму, онъ готовъ дать ей все матеріальныя блага, какихъ только она пожелаетъ: темъ хуже, если эти блага ничемъ не отличаются отъ техъ, которыя Султанъ способенъ предложить своей любимой одалиске!

Въ Вене у Маріи-Луизы не было ни элегантныхъ платьевъ, ни дивныхъ кружевъ, ни редкихъ шалей, ии роскошнаго белья; здесь – при томъ условіи, что ни единый поставщикъ нарядовъ не приблизится къ ней и выборъ будетъ делаться ея камерфрау, – она получитъ все, что французская промышленность производитъ самаго моднаго и самаго дорогого. Онъ даетъ впередъ ей почувствовать это, посылая приданое и подарки, выбранные имъ

самимъ и запакованные на его глазахъ.

Здесь имеется двенадцать дюжинъ рубашекъ изъ тонкаго батиста, украшенныхъ вышивками, кружевами и валянсьенами, стоющими 19,386 фр., двадцать четыре дюжины платковъ, за которые онъ платитъ 10,704 фр., двадцать четыре кофточки ценою въ 9060 франковъ, тридцать шесть нижнихъ юбокъ – 6,354 франка, двадцать четыре ночныхъ чепчика – 5,652 франка, головные повязки, ночныя косыночки, пеньюары, утреннія косынки, платья (одно за 5,000 франковъ, вышитое на рукахъ), подушечки для булавокъ, щеточки, туалетныя салфетки и т. п. На 94,666 франковъ всякаго белья доставляютъ m-lles Лоливъ и де Бэври.

Затемъ – на 81,199 франковъ кружевъ (Алансонская шаль въ 3200 франковъ, платье изъ ан глійскаго кружева въ 4,500 фр., то же – въ 4,800, то же – въ 8,000!), 64 платья отъ Леруа, ценою в 126,976 франковъ, семнадцать кашемировыхъ шалей за 39,860 франковъ; двенадцать дюжинъ чулокъ, ценою за пару отъ 18 до 72 франковъ; шестьдесятъ паръ ботинокъ и туфель всехъ цветовъ, изъ всевозможныхъ матерій, сшитыхъ по мерке, присланной изъ Вены, и такихъ маленькихъ, что, подвешивая ихъ на пальцы и играя ими, Наполеонъ называетъ ихъ «хорошимъ предвестникомъ».

Все, что есть изящнаго, все, что есть редкостнаго, все, что есть роскошнаго въ Париже, – законодателе вкусовъ и модъ для всей вселенной, – все предлагаетъ онъ ей: на 411,736 фр. 24 сантима нарядовъ. И каждый годъ она будетъ нметь почти столько же, потому что только на свой туалетъ она сможетъ расходовать 30,000 франковъ въ месяцъ или 360,000 франковъ въ годъ.

Въ Вене у нея было несколько жалкихъ украшеній, къ которымъ даже парижская буржуазка отнеслась бы съ пренебреженіемъ: браслеты изъ волосъ, одна парюра изъ мелкаго жемчуга, другая изъ зелёной бирюзы: – драгоценности какой-нибудъ раззорившейся принцессы. Въ Париже она будетъ иметь алмазы, какихъ не имела никогда ни одна государыня: тринадцать алмазовъ, украшающихъ ковъ, колье въ 900,000 фр., две подвески въ 400,000 франк., полная, еще более богатая парюра, состоящая изъ діадемы, гребня, пары сережекъ, двухъ нитокъ алмазовъ и пояса: парюра, въ составъ которой входятъ 2,257 брилліатовъ и 306 розъ. Она будетъ иметь парюру изъ изумрудовъ и брилліантовъ въ 289,865 франковъ, затемъ таковую же изъ опаловъ и брилліантовъ стоимостью въ 275,953 франка, затемъ еще одну изъ рубиновъ и брилліантовъ, одну изъ бирюзы и брилліантовъ, не считая парюры изъ алмазовъ, преподнесенной

короннымъ казначействомъ, ценою въ 3,325, 724 франка.

Въ Австріи она жила въ совершенно простыхъ комнатахъ; она найдетъ во Франціи апартаменты, украшеніе которыхъ производилось по приказанію и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Императора; послѣдній приказалъ обить ихъ совершенно наново, и такъ, чтобы ничто не напоминало о прежней обитательнице ихъ; она найдетъ въ любомъ изъ дворцовъ апартаменты, обставленные одной и той же мебелью, необходимой для повседневнаго употребленія, чтобы она везде могла житъ такъ, какъ привыкла, и иметь подъ рукой те же предметы. Онъ самъ выбиралъ вещи и наблюдалъ за установкой ихъ. Онъ этимъ очень гордится и каждаго своего гостя приглашаетъ все осмотреть. Въ Тюильери онъ вместе съ Баварскими Королемъ и Королевой вступаетъ на узенькую, совершенно темную лестницу, ведущую изъ его кабинета въ комнату Императрицы; Король, со своимъ большимъ животомъ, спускается по ней бокомъ съ великимъ трудомъ; когда они приходятъ, все еще въ темноте, внизъ, дверъ оказывается запертой, и трое Величествъ поворачиваютъ обратно, чтобы подняться, не безъ усилій, вверхъ, въ обратномъ порядке. Въ Колтьене онъ тоже самъ показываетъ Вестфальской королеве ванную комнату, меблированную и обтянутую индійскимъ кашемиромъ: на 400,000 франковъ кашемира!

Оберегая, въ согласіи съ общимъ характеромъ воспитанія, и ея желудокъ, гувернантки запрещали ей всякія лакомства; онъ знаетъ, что она болыпая лакомка, какъ и вообще Венки, которыя въ любое время готовы истреблять пирожное и кофе съ молокомъ, онъ изменяетъ, въ угоду ей, свой обычный столъ, отводитъ более видное место пирожнымъ, конфектамъ, печенію, вообще, кондитерскимъ изделіямъ.

Она щедра, но до сихъ поръ не могла дарить ничего, кроме техъ мелкихъ работъ, которыя сама же исполняла. Она сможетъ теперь осыпать подарками своего отца, своихъ братьевъ и сестеръ, мачиху и всехъ своихъ, сможетъ посылать имъ ежегодно болыпе, чемъ на двести тысячъ франковъ, парижскихъ изделій – туалетныя принадлежности, фарфоръ, книги, несессеры, мебель. Онъ самъ, еще до ея пріезда, далъ къ этому сигналъ.

Она не можетъ знать, любитъ ли она спектакли, потому что никогда ее не водили на нихъ; но она не была бы верна своему времени и своей стране, если бы не полюбила ихъ. Теперь он будетъ пользоваться спектаклями, – музыкой или комедіей, – когда ей будетъ угодно; она сможетъ ездить съ нимъ въ театры, или заставлять актеровъ играть во дворцахъ. Еще что? Все, что она захочетъ: собаки, птицы, учителя музыки, живописи или

вышиванія, эстампы, редкости – все въ ея распоряженіи – лишь бы она подчинилась дисциплине гарема, лишь бы согласилась вести такую жизнь, – жизнь, какую вела, къ тому же, и раньше. Она сможетъ выходить изъ этихъ рамокъ только для большихъ гражданскихъ и религіозныхъ торжествъ, для большихъ баловъ, для спектаклей, для пріемовъ, охоты, для дачной жизни, для торжественныхъ путешествій. Она будетъ появляться, словно божество, во всемъ своемъ величіи, въ разубранномъ алмазами придворномъ платье, охраняемая кортежемъ изъ дамъ и сановниковъ, созерцаемая народами, словно идолъ, лишь издали и снизу.

Такъ золотитъ онъ для нея решетки и украшаетъ тюрьму, такъ мечтаетъ онъ сохранить въ ней ребенка, забавляя ее игрушками; такъ регулируетъ онъ до мелочей всю ея жизнь, чтобы она перешла, не замечая этого, отъ положенія эрц-герцогини, пленницы въ Шенбрунне, къ положенію Императрицы – пленницы въ Париже; такъ обезпечиваетъ онъ себе падающій на нее долгъ верности и претендуетъ поставить жену Цезаря выше и вне упрековъ. И если онъ действуетъ подобнымъ образомъ и съ такой строгостью, то не столько какъ супругъ, сколько потому, что онъ памятуетъ о своемъ грядущемъ отцовстве и готовится къ роли основателя династіи. Жена, которую онъ запираетъ подъ охраной четырехъ красныхъ женщинъ, имеетъ, по его замыслу, спеціальную, можно сказать, единственную миссію: быть матерью, благодаря ему. Она – форма, предназначенная принимать и развивать династическое семя, и все его предосторожности имеютъ целыо обезпечить и доказать законность происхожденія этого семени. Наполеонъ не такъ уже неправъ, потому что въ этомъ – вся доктрина монархизма.

Что Марія-Луиза станетъ матерью, онъ въ этомъ не сомневается. По этому поводу онъ собралъ самыя подробнейшія сведенія. Помимо того, что «она прекрасно сложена», ея родъ даетъ ей хорошіе примеры. У ея матери было тринадцать детей, у ея бабушки – семнадцать, у ея прабабушки – двадцать шесть. Это, какъ сказалъ онъ Шампаньи, какъ разъ такое «чрево», на какомъ онъ хотелъ жениться. За себя онъ спокоенъ. Въ его активе имеется два неоспоримыхъ факта, и всякія тревожныя сомненія устранены. Пусть же едетъ, пусть едетъ скорее та, которая обезпечитъ ему наследственность его трона и завоюетъ будущее его роду!

Но понравится ли ему эта женщина? Сможетъ ли онъ физически желать ее и въ какой степени? Изъ Вены ему прислали ея портретъ: это девушка съ длинными белокурыми волосами, разделенными на лбу на две спускающіяся книзу густыя пряди;

лобъ довольно высокій, глаза – цвета синяго фаянса, лицо со следами оспы и съ легкимъ румянцемъ; носъ у переносицы несколько вдавденный, губы толстыя, подбородокъ тяжелый и выдающійся впередъ, зубы белые, довольно редкіе и съ наклономъ впередъ, красивая, но очень полная грудь, совсемъ, какъ у кормилцы; плечи широкія и белыя; руки худыя, кисть руки маленькая, прелестныя ноги. Для женшины она высока: пять футовъ, два дюйма (1 м., 674 миллим.), всего лишь на четыре линіи (9 миллим.) ниже его. Скорее – представительная женщина, но ни изящества, ни граціи, ни привлекательности въ ней нетъ. Это придетъ со временемъ, – думаетъ онъ, – какъ и тонкій вкусъ, и уменіе держать себя. Впрочемъ, надменность въ обхожденіи не отталкиваетъ его, онъ видитъ въ этомъ нечто царственное. Для него прежде всего важно, чтобы все видели, глядя на нее, какого она происхожденія. Когда Леженъ, адъютантъ Бертье, пріезжаетъ, за несколько дней до прибытія Императора, въ Компьень, Наполеонъ велитъ принести портретъ, полученный имъ изъ Вены, и подробнейшимъ образомъ допрашиваетъ Лежена, который оказывается, на счастье, не только солдатомъ, но и художникомъ, о степени сходства портрета съ нею. Леженъ показываетъ тогда, нарисованный имъ, ея профиль, и Наполеонъ, взглянувъ, восклицаетъ: «О, это какъ разъ австрійская губа!» Онъ беретъ со стола одну изъ сложенныхъ на немъ медалей съ изображеніемъ Габсбурговъ, сравниваетъ профили и восторгается: Это – жена, какой онъ желалъ, это – Императрица!

Съ техъ поръ, какъ договоръ заключенъ, съ техъ поръ, какъ онъ видитъ, что исполняется его мечта, онъ дрожитъ отъ нетерпенія осуществитъ ее вполне. Тщетно проделываетъ онъ ежедневно, чтобы разсеяться, десять-двенадцать миль, охотясь съ борзыми; эта мысль всюду преследуетъ его; онъ говоритъ объ этомъ всемъ и каждому, онъ хочетъ, чтобы приготовленія къ пріему были окончены, когда они еще не начаты. Когда въ Лувре, при устройстве часовни въ Большпомъ Салоне, ему докладываютъ, что не знаютъ, куда поместитъ огромныя картины, онъ отвечаетъ: «Сжечь ихъ, только всего». Онъ заботится – онъ – о томъ впечатленіи, которое онъ произведетъ; онъ заказываетъ себе у Леже, портного Мюрата, придворный костюмъ, покрытый шитьемъ, который такъ стесняетъ его, что онъ не можетъ носить его. Онъ велитъ позвать другого сапожника, чтобы, заказать себе более тонкіе ботинки: онъ хочетъ научиться вальсироватъ и танцуетъ до тошноты. Какъ пишетъ Екатерина Вестфальская своему отцу: «Здесь творятся такія вещи, какихъ ни я, ни вы и вообразить не могли бы».

И по мере того, какъ поездъ Императрицы, следуя изъ Вены,

едетъ по Германіи, потомъ въезжаетъ во Францію, его нетерпеніе растетъ. Онъ хочетъ держать въ своихъ объятьяхъ эту жещину: гораздо болыпе, чемъ жещину, – то, что это женщина представляетъ. Въ каждый изъ городовъ, путь черезъ которые онъ самъ наметилъ, часъ за часомъ, и въ которомъ останавливается Марія-Луиза, онъ шлетъ пажей, шталмейстеровъ, камергеровъ съ письмами, цветами, дичью, имъ убитою. Изъ каждаго – онъ ждетъ писемъ, писемъ отъ Императрицы, писемъ отъ Бертье, писемъ отъ своей сестры Каролины, которая везетъ ему жену, писемъ отъ дамъ, отъ шталмейстеровъ, отъ префектовъ. Онъ былъ бы радъ письмамъ отъ пажей, оть лакеевъ, отъ почтальоновъ.

Въ конце-концовъ, онъ не выдерживаетъ. Марія-Луиза ночевала въ Витри 26 марта. 27-го она должна прибыть въ Суассонъ, только 28-го должна произойти встреча. Церемоніалъ последней уже отпечатанъ. Павильонъ, въ которомъ заочно соединенные супруги должны встретиться, построенъ и разукрашенъ. Приказано явиться войскамъ. Приготовлены обеды. Города ждутъ. Но что ему до этого! 27-го утромъ онъ выезжаетъ съ Мюратомъ изъ Компьена безъ эскорта, безъ свиты, подъ проливнымъ дождемъ. И подъ порталомъ Курселльской церкви онъ ждетъ.

Вотъ огромный берлинъ, запряженный восьмеркой, останавливается для перепряжки. Наполеонъ подходитъ. Дежурный шталмейстеръ докладываетъ о немъ. Каролина представляетъ его. Спускается подножка. Императоръ, весь мокрый, – въ карете. Пускаются въ путь, мчатся, минуя деревни, где меры стоятъ въ ожиданіи на своихъ постахъ, съ заготовленной речью въ руке; проскакиваютъ принявшіе праздничный видъ города, где стынетъ обедъ, прекрасный обедъ, заказанный Боссе. Не евши, въ десятомъ часу вечера, пріезжаютъ въ Компьень; Императоръ сокращаетъ речи, представленія, приветствія, Онъ ведетъ Марію-Луизу въ ея внутренніе апартаменты.

Тамъ ей приходится вспомнить урокъ, преподанный ей отцомъ: «принадлежать вполне своему мужу и во всемъ ему повиноваться!!..»

На завтра, въ полдень, онъ приказываетъ женщинамъ, которыя служатъ Императрце, сервировать ему завтракъ около ея постели. Въ этотъ день онъ говоритъ одному изъ своихъ генераловъ: «Дорогой мой, женитесь на Немке. Это самыя лучшія женпцшы на свете – нежныя, добрыя, наивныя и свежія, какъ розы».

Думалъ ли онъ о томъ, что окружающіе будутъ удивлены темъ, что онъ принялъ въ серьезъ бракъ по уполномочію и не подождалъ даже техъ обрядовъ, которые должны были

последовать? Но здесь у него есть готовое оправданіе: «Генрихъ IY, – говоритъ онъ, – поступилъ точно такъ же»; и это – отвѣтъ на все.

II.

«Я не боюсь Наполеона, – говоритъ Марія-Луиза Меттерниху черезъ три мѣсяца после свадьбы, – но мнѣ начинаетъ казаться, что онъ боится меня».

Этихъ трехъ мѣсяцевъ было, следовательно, достаточно, чтобы разогнать ту жестокую тревогу, которая терзала ее отъ Вены до Компьени въ такой степени, что у нея нарушились все физіологическія функціи, и чтобы совершенно переменить роли. Но какъ это понять? Онъ боится – онъ! – восемнадцатилетней девушки, которую онъ взялъ безъ всякихъ церемоній, по гусарски, въ тотъ самый вечеръ, когда она прибыла, не дождавшись полагавшихся светскихъ и церковныхъ обрядовъ? Это было, несомненно, импульсивное движеніе и чемъ сильнее онъ чувствуетъ въ глубине души робость и смущеніе, темъ больше склоненъ онъ вы сказывать грубость. Не столько женщиной хотелъ онъ обладать, сколько темъ, что эта женщина изъ себя представляла. Чувственности было довольно мало въ его желаніи обладать ею; его честолюбіе придало желанію пылкость. Обладать этой женщиной – это было неисполнимое, неосуществимое, и вотъ почему онъ овладелъ ею сейчасъ же, какъ только она попала въ его руки, словно боясь, чтобы она не ускользнула отъ него. Такъ поступалъ онъ и при другихъ обстоятельствахъ – въ Каире и въ Варшаве, где рѣчь шла не о такой новобрачной, где желаніе было чисто физическое.

Но почти тотчасъ же начинается реакція. Женщина, которую онъ взялъ, овладеваетъ теперь имъ. Чувственность, не игравшая прежде почти никакой роли, теперь господствуетъ. Онъ хочетъ быть любимымъ, боится, что не любимъ или что можетъ показаться таковымъ.

Онъ не довольствуется уже теломъ, которымъ онъ овладелъ и которымъ обладаетъ; онъ хочетъ к душу, онъ хочетъ также, чтобы эта женщина заявила во всеуслышаніе, что она съ нимъ счастлива. Однажды утромъ, въ Тюильери, онъ приказываетъ позвать Меттерниха и запираетъ его съ Императрицей; черезъ часъ онъ открываетъ дверь и входитъ, смеясь: «Ну, хорошо ли побеседовали? Много ли худого говорила обо мне Императрица? Что она, смеялась или плакала? Я не спрашиваю у васъ отчета. Это вашъ секретъ». Но это не мешаетъ ему, на другой же день,

допрашивать Меттерниха и, когда послѣдній отказывается отвечать, основываясь на словѣ самого Императора, Наполеонъ говоритъ: «Императрице не на что жаловаться; я надеюсь, что вы передадите это вашему Императору, и что онъ повѣритъ Вамъ болыпе, чемъ другимъ».

Подбирая себе, такимъ образомъ, свидетелей, приподнимая предъ ними завесу, онъ въ дѣйствительности не Императора Франца хочетъ успокоить, но самого себя. Онъ хочетъ убедить себя, что его жена вся, целикомъ, отдалась ему, что у нея нетъ никакихъ заднихъ мыслей, что ей нравится та чисто буржуазная, какъ онъ говоритъ самъ, жизнь, которую онъ заставляетъ ее вести, что, следовательно, онъ найдетъ около нея то семейное счастье, къ которому стремится.

Между темъ, эта женщина съ ранняго детства испытывала на себе вліяніе недоброжелательства къ нему и разделяла это недоброжелательство. Ея «maman» разсказывала ей, когда ей было шесть летъ, что *Монсинъоре Бонапарте* бежалъ изъ Египта, дезертировавъ изъ арміи, и сделался Туркомъ. Она была твердо уверена въ томъ, что онъ бьетъ своихъ министровъ, что онъ собственноручно убилъ двухъ своихъ генераловъ.

Годъ, предшествовавшій ея свадьбе, – годъ, который былъ свидетелемъ Экмуля, бомбардировки Вены, свидетелемъ Эсслинга и Ваграма, – она считала последнимъ годомъ жизни вселенной, и *Антихристомъ* былъ Наполеонъ. «Гневъ задушилъ бы меня, – писала она после Спаима, – если бы мне пришлось обедать съ однимъ изъ его маршаловъ». Когда свершился разводъ, она ни на одно мгновеніе не допускала мысли, чтобы речь могла идти о ней. «Папа, – говорила она, – слишкомъ добръ, чтобы принуждать меня въ такомъ важномъ деле». Она жалела заранее ту несчастную принцессу, которую онъ выберетъ, «такъ какъ была уверена, что не она окажется жертвой политическихъ разсчетовъ». Когда новость о ея замужестве начала пріобретать определенность, она писала одной своей подруте детства: «Молитесь за меня». и она прибавляла: «Я готова пожертвовать моимъ личнымъ счастьемъ на благо Государству». У нея спросили ея мненіе, но только для формы. Эрцгерцогини не имеютъ мненій помимо мненій ихъ отца. Она подчинилась; но Наполеонъ, темъ не менее, долженъ былъ представляться ея воображенію людоедомъ волшебныхъ сказокъ. Подумайте: онъ – порожденіе Революціи; онъ четыре раза разбивалъ на голову, разрывалъ на части ея родину; онъ два раза победителемъ вступалъ въ Вену; онъ заставилъ ея отца – императора, *Его Апостолическое Императорское Величество!* идти къ нему въ лагерь молить о мире; все ея чувства аристократки и патріотки, принцессы и

дочери, все, что есть самаго священнаго въ человеческой душе и самаго чуткаго – въ гордости аристократа, все должно было порождать въ ней отвращеніе къ нему.

Но после того, какъ онъ на ней женился, неизвестно, думаетъ она объ этомъ, или нетъ; настолько воспитаніе, полученное ею, сделало ее автоматомъ, настолько не богатъ запасъ идей въ ея бедномъ мозгу; настолько пробуждается и беретъ въ ней верхъ, съ первыхъ же дней – чувственность. Приходится спросить себя, не правъ ли былъ Наполеонъ, думая, повидимому, что, если – Марія-Луиза и питала некоторое отвращеніе къ своему замужеству, то это было отвращеніе чисто физическое. «Ей всегда разсказывали, – говоритъ онъ, – что по внешности и возрасту Бертье вполне похожъ на меня. Она проговорилась, что нашла, къ счастыо, разницу». Смыто ли и стерто ли все прошлое темъ, что эрцгерцогиня стала физически его женой, что физически мужъ не оказался ей непріятенъ? Кто знаетъ? Какъ это ни мало вероятно, но съ Маріей-Луизой это могло произойти.

И Наполеонъ старается доказывать ей, что онъ хорошій мужъ. Съ самаго же начала Консулъства онъ упразднилъ общую съ Жозефиною спалъню, ссылаясь на свои занятія, на необходимость работать. Въ действительности же онъ сделалъ это, чтобы иметь больше свободы. Если бы Марія-Луиза потребовала, онъ согласился бы снова быть на привязи, «потому что, – говоритъ онъ, – это – несомненное достояніе, неоспоримое право женщины»; но тогда, какъ онъ постоянно зябнетъ въ комнатахъ и приказываетъ топить летомъ почти такъ же, какъ зимой, она, получившая суровое воспитаніе въ огромныхъ, холодныхъ дворцахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Вены, совершенно не переноситъ жары. Часто онъ, съ нежностью молодого мужа, говоритъ ей: «Луиза, ложись у меня», а она со своимъ резкимъ немецкимъ акцентомъ, отвечаетъ ему: «Тамъ слишкомъ жарко». Иногда, сойдя въ комнату жены, онъ приказываетъ зажечь тамъ огонь; Императрица, входя къ себе, велитъ погасить его, и, такъ какъ «Ея Величество находится у себя», то *красныя женщины* повинуются ей, и Императоръ, которому холодно, уходитъ.

При такихъ условіяхъ ему легко было бы изменятъ ей, но онъ почти и не думаетъ объ этомъ, а если и думаетъ, то прячется при этомъ, какъ обанкротившійся должникъ. Несомненно въ 1811 г. онъ интересуется, повидимому, принцессой Альдобрандини-Боргезе, m-lle де ля Рошфуко, которую выдалъ замужъ съ приданымъ въ 800,000 франковъ за шурина Полины и включилъ въ придворный штатъ. Но въ этой молодой женщине его привлекаютъ только ея юность, бойкость и изящество. По крайней мере, есть основанія думать такъ. Повидимому, его влечетъ также

къ герцогине Монтебелло, статсъ-даме при Императрице, и объ этомъ много шумятъ въ частной переписке, но все это очень маловероятно и къ тому же онъ, повидимому, не нравится герцогине. Въ действительности, онъ позволяетъ себе разве какія-нибудь случайныя схожденія, покрытыя мракомъ неизвестности, о которыхъ никто не говоритъ, потому что никто о нихъ ничего не знаетъ.

Въ Кане, во время путешествія въ Нормандію, встреча – первая ли? – съ г-жей Пелляпра, женой начальника казначейства въ Кальвадосе, фигурировавшаго въ процессе Тестъ-Кюбьера. Онъ увидится съ ней снова въ Ліоне въ 1815 г., при возвращеніи съ Эльбы, и тогда памфлетисты будутъ вволю забрасывать грязью «г-жу Вентрпля».[21] Въ Сенъ-Клу – мимолетное приключеніе съ некоей Лизой Б…, (нечто въ роде лектрисъ былого времени), но безъ схожденій: самое болыпее, три или четыре раза разговоры съ глазу на глазъ. Вотъ и все.[22] Его верность жене настолько несомненна, что каждому встречному онъ показываетъ теперь въ Компьене внутренніе апартаменты, соединенные замаскированной дверью съ коридоромъ, где помещаются комнаты для пріезжающихъ въ гости дамъ, и который сообщается съ его апартаментомъ потайной лестницей, по которой поднимались прежде благосклонныя визитерки.

Онъ делаетъ больше: онъ знаетъ – или думаетъ, – что Маріи-Луизе не нравятся его визиты въ Мальмезонъ и въ улицу Виктуаръ. Последніе обставляются такой таинственностью, что о нихъ никто ничего не знаетъ. Первые, все более и более редкіе по мере того, какъ Жозефина даетъ ему своимъ поведеніемъ все больше поводовъ быть недовольнымъ ею, тоже делаются тайно, и онъ заботливо предупреждаетъ офщеровъ, чтобы они ничего не говорили о нихъ: «Это можетъ быть непріятно, – говоритъ онъ, – моей жене».

Возрастъ, – ведь, ему уже больше сорока, – могъ охладить въ немъ до известной степени пылкость. Кроме того, его молодая жена съ ея свежей кожей, съ молочнымъ теломъ влюбленной и наивной венки, нравится ему физически – даже слишкомъ, какъ говоритъ Корвизаръ. Его верность понятна. Но онъ перестраиваетъ всю свою жизнь. У него до самаго поздняго времени сохранился, – придушенный во времена его беднаго, одинокаго, печальнаго детства, – вкусъ ко всякимъ шумнымъ, буйнымъ мальчишескимъ играмъ. Въ свое время это не проявилось и лишь теперь нашло себе выходъ. Благодаря этому, какъ бы сравниваются восемнадцатилетній возрастъ Маріи-Луизы съ его сорока однимъ годомъ: онъ, съ его страстью ко всякимъ школьническимъ затеямъ, болеѳ дитя, чемъ она. То онъ верхомъ

гонится за нею вскачь по цветникамъ Сенъ-Клу. Лошадь спотыкается, всадникъ падаетъ и вскакиваетъ на ноги, смеясь и крича: *Береги шею!*.

То онъ возобновляетъ игру въ бары, процветавшую въ Мальмезоне, то игру въ мячъ, въ прятки. Къ той жизни взаперти, которую для нея готовили и на которую она вполне согласилась, она попросила внести лишь одну поправку: она хотела ездить на лошади – прихоть, присущая лотарингскимъ принцессамъ, когда оне выходятъ изъ-подъ материнской опеки. То же самое делала Марія-Антуанета, за что и получала выговоры отъ Маріи-Терезы. Наполеонъ не желаетъ никому предоставлять роль учителя въ манеже. Онъ сажаетъ Императрщу въ седло и, держа лошадь подъ уздцы, бежитъ сбоку. Когда ученица несколько научилась сидеть на лошади, онъ каждое утро, после завтрака, приказываетъ приводить одну изъ своихъ лошадей, вскакиваетъ на нее, даже не одевъ сапогъ, и въ шелковыхъ чулкахъ ездитъ по большой аллее, – где черезъ каждые десять шаговъ разставлены на случай паденія конюшіе, – рядомъ съ женой, забавляясь при скачке въ галопъ, ея криками, подгоняя лошадей, падая даже чаще, чемъ самъ этого хотелъ бы. Вечеромъ, въ тесномъ кружке, онъ затеваетъ комнатныя игры; въ это время оне, действительно, процветаютъ: *le Furet du Bois jolt, les Ctseauf c'rdises, Colin-Maillard* во всехъ ихъ формахъ, игры со штрафами, о которыхъ пишутся целыя книги. Онъ играетъ въ нихъ наравне съ другими, но не особенно терпеливо и отказываясь превращаться по воле дамъ, въ *Мостъ Любви, Лошадь Аристотеля, Марокскаго Короля или Монастырскаго Привратника.*

У Маріи-Луизы, до этого времени, былъ только одинъ талантъ, который она могла показывать въ обществе и которымъ очень гордилась: она умела шевелитъ ухомъ, при чемъ ни одинъ мускулъ ея лица не двигался. Талантъ не изъ важныхъ. Теперь она играетъ на билліарде, которымъ оченъ увлекается, и вызываетъ на состязаніе Императора, которому последнее оказывается настолько не по силамъ, что онъ, съ целью подучиться, проситъ одного изъ камергеровъ давать *ему* уроки.

Хочетъ ли она рисовать профиль своего мужа, – который охотно позируетъ для нея, не соглашаясь позировать ни для одного художнпса; садится ли она за рояль и играетъ ему сонаты въ немецкомъ вкусе, – которыя ему мало нравятся; показываетъ ли ему свои ручныя работы, – перевязь или портупею, которую она вышиваетъ для него – а, вернее, не она, а учительница вышиванія, г-жа Руссо, – онъ всегда одинаково внимателенъ съ нею, старается смешить, забавлять ее, «свою добрую Луизу-Марію», и своимъ буржуазнымъ тыканьемъ удивляетъ Дворъ,

настолько чопорный теперь, что принадлежащіе къ нему мужья изъ фобура Сенъ-Жерменъ избегаютъ говорить своимъ женамъ ты.

Все эти привычки нисколько не шокируютъ Марію-Луизу. Она быстро осваивается съ ними, отвечая мужу тыканьемъ на тыканье, давая дружескія, ласкательныя прозвища своимъ золовкамъ, называя свою свекровь *maman,* – но съ однимъ условіемъ: мужъ не долженъ оставлять ее и долженъ быть постоянно къ ея услугамъ. И онъ подчиняется.

Тогда какъ до сихъ поръ онъ сообразовалъ свое существованіе со своими занятіями, теперь онъ вынужденъ подчинять ихъ, – а подчасъ жертвовать ими, – вкусамъ, желаніямъ, иногда капризамъ своей жены. Онъ имелъ привычку завтракать одинъ, наскоро, на уголке стола, когда позволяли ему дела. Теперь, по крайней мере, въ теченіе 1810 и 1811 г. г., потому что потомъ онъ возвращаетъ себе свободу, – это полный завтракъ вместе съ женой въ определенный часъ, завтракъ, къ которому подаютъ супъ, три entrees, жаркое, два блюда пирожныхъ, четыре hors d'oeuvre и полный дессертъ – вместо техъ четырехъ блюдъ, которыя подавались ему раныне.

Въ путешествіяхъ (съ 1810 по 1812 г. – пять большихъ путешествій: въ Нормандію, въ Бельгію, въ Голландію, на Рейнъ и въ Дрезденъ) не она ждетъ Императора, какъ приходилось некогда ждать Жозефине, а Императоръ ждетъ ее. Она никогда не готова, ни на охоту, ни для пріемовъ, ни для спектаклей, и онъ терпеливо, какъ часовой, стоитъ, мурлыча себе подъ носъ, какъ, бывало, въ Фонтенбло, какую-нибудь песенку и полосуя хлыстомъ песокъ на дворе.

Она не позволяетъ ему оставлять ее одну, и онъ остается около нея, хотя событія требуютъ, чтобы онъ отправился въ Испанію и сталъ во главе войскъ. Каждый день онъ собирается ехать. Его походное снаряженіе, въ полной готовности, ждетъ его на границе. Оно прождетъ его тамъ до последняго дня.

Бывало, на охоте, онъ любилъ подолгу, безъ передышки, скакать, куда глаза глядятъ, во весь карьеръ, такъ, чтобы захватывало дыханіе; после упорнаго и продолжительнаго труда это освежало его силы. Теперь, такъ какъ она всегда хочетъ принимать участіе въ охоте, но не желаетъ нарушать обычнаго теченія жизни; такъ какъ непременно надо быть во время къ столу – это ея вечная забота, – то онъ уже не охотится по прежнему, онъ просто гуляетъ, чтобы коляски могли следовать за нимъ, чтобы обедъ не могъ остыть.

Онъ не только верный мужъ; онъ ухаживаетъ за нею, какъ влюбленный, всегда ищетъ случая сделать ей что-нибудь пріятное. Что онъ очень щедръ, что онъ преподноситъ своей жене

на новый годъ парюру изъ бразильскихъ рубиновъ въ 400,000 франковъ, тогда какъ она желала парюру въ 46,000; что онъ подноситъ ей после родовъ жемчужное колье въ восемь нитокъ, въ которомъ 816 жемчужинъ, стоимостью въ 500,000 франковъ и которое украдутъ у Блуа, все это – царскіе подарки, но и только; но что обличаетъ въ муже влюбленнаго – это браслеты съ датами, вензеля изъ самоцветныхъ камней и алмазовъ, бонбоньерки, медальоны, на которыхъ Наполеонъ умудряется во всехъ видахъ помещать свое изображеніе. И разве не показываетъ сама же Марія-Луиза, какъ онъ ее любитъ, когда она заказываетъ Нито обделать ея портретъ жемчутомъ и самоцветными жамнями, образующими слова: *Луиза, я люблю тебя,* и ставитъ этотъ медалъонъ на письменный приборъ мужа?

Если бы онъ не любиль ее такъ, какъ любитъ, онъ не впадалъ бы въ гневъ изъ-за каждой газетной строчки, изъ-за каждаго стихотворенія, въ которыхъ его изображаютъ влюбленнымъ пастушкомъ. Стоитъ ему вообразить, что какое-нибудь слово въ какомъ-нибудь произведеніи печати затрагиваетъ его интимныя чувства, – немедленно же къ министру Полціи летитъ молніеносное письмо, въ которомъ онъ не отрицаетъ, что любитъ, но запрещаетъ говоритъ объ этомъ.

Чтобы расположить къ себе жену, онъ изощряется въ доказательствахъ вниманія къ ея семье: имперагору Францу онъ при всякомъ случае шлетъ книги и гравюры; императрце Маріи-Людовике д'Эсте, – туалеты; эрцгерцоганямъ и эрцгерцогамъ – книги, мебель, платья, оружіе» драгоценныя вещи. Все это – помимо подарковъ Маріи-Луизы, которая съ каждой почтой шлетъ целыя горы всякихъ вещей; мы говоримъ здесь только о подаркахъ самого Наполеона. После свиданія въ Дрездене, где Австрійская Императрица буквалыю опустошила гардеробъ своей падчерицы, за счетъ Императора посылаютъ единовременно восемь несессеровъ, изъ которыхъ одинъ – въ 28,000 франковъ, двое золотыхъ часовъ, девять шалей, матеріи на тридцать одно платье, двадцать шесть платьевъ готовыхъ, тридцать две шляпы – токи и каски: всего на 122,642 фр. 70 сант.

Трудно представить любезность большую той, которую онъ выказывалъ у себя при дворе великому герцогу Бюрцбургскому, дяде своей жены, Меттерниху, Щварценбергу, каждому Австрійцу. Онъ ихъ «осыпалъ алмазами» – это его собственныя слова, и это вполне верно.

Но наилучшее доказательство его любви въ томъ, что, ревнуя, онъ никогда не позволяетъ себе бранить ее. Недоверіе сохранилось у него во всей своей силе, несмотря на то, что прошло уже довольно много времени, несмотря на, все

проявленія ея любви къ нему, на все предосторожности, которыя должны обезпечиватъ ему спокойствіе, и которыя онъ продолжаетъ принимать по прежнему. И еще доказательство: вынужденный, въ виду неизбежности перенесенія военныхъ дѣйствій въ Россію, оставить свою жену, онъ приказываетъ съ каждымъ курьеромъ присылатъ ему подробный отчетъ о ея прогулкахъ, о визитахъ къ ней, о томъ, как она проводитъ вечера; и отчеты эти пишутся низшимъ служашимъ, употребляюіцимъ для этого бумагу изъ-подъ свечей, и пишущимъ Vildavre вместо Ville d'Avray, и онъ, такой требовательный во всемъ, что касается формальностей, ставитъ своей рукой на этой ужасной бумаге, на поляхъ этихъ безсвязныхъ заметокъ, вопросительные знаки и отметки, Таковъ онъ, какъ мужчина, и лучшаго доказательства – не его ревности, а его постояннаго вниманія къ ней – нельзя себе и представить. А между темъ, когда ему что-нибудь въ поведсніи его жены не нравится, онъ сдерживаетъ себя, у него не хватаетъ решимости сказать ей это прямо въ лицо; онъ старается найти посредника, который передалъ бы ей его жалобы. Императрица, гуляя въ парке Сенъ-Клу съ г-жей де Монтебелло, позволила герцогине представить себе одного изъ ея родственниковъ и поговорила съ нимъ. На другой день, утромъ, Императоръ задерживаетъ у себя австрійскаго посланника, разсказываетъ ему объ этомъ происшествіи и, когда Меттернихъ началъ извиняться въ томъ, что не понимаетъ, зачемъ Императоръ разсказываетъ ему объ этомъ, Наполеонъ сказалъ: «Я хочу, видите ли, чтобы вы поговорили объ этомъ съ Императрицей». Меттернихъ отказывается, онъ настаиваетъ: «Императрица молода, *она можетъ подумать, что я хочу держать себя съ ней, какъ ворчливый мужъ*. Если скажете ей вы, это произведетъ на нее более сильное впечатленіе, чемъ если скажу я».

Если у Наполеона была любовница, которую онъ любилъ, о которой можно было бы сказать, что она – единственная владычица его помысловъ. такъ это – власть. И эту власть, въ которой онъ настолъко резко отказывалъ Жозефине, что изъ-за нескольких словъ ея, имевшихъ лишь *видимость* политическаго значенія, онъ обрушился на нее съ самымъ резкимъ осужденіемъ въ Moniteur'e; эту власть, которую онъ оберегаетъ такъ ревниво, что ни самымъ старымъ своимъ сотрудникамъ, ни своимъ братьямъ, ни кому бы то ни было на свете никогда не соглашался уступить хотя бы тень ея; эту власть онъ въ 1813 г., въ самый опасный для его владычества моментъ, – делитъ со своей женой. Онъ торжественно провозглашаетъ Марію-Луизу Регентшей Имперіи: Императрицей, Королевой и Регентшей!

Правда, передача власти скорее здесь видимая, чемъ

дѣйствительная; несомненно, безъ его участія не должно быть принято ни одно рѣшеніе; несомненно, въ Россіи онъ почувствовалъ возможность полнаго разгрома, почувствовалъ, что можетъ тамъ погибнуть, и при возвращеніи, когда пришлось ставить еще болѣе рискованныя ставки, онъ имелъ въ виду обезпечить этимъ, на случай своей смерти, преемственность власти; но, ведь, надо было обобрать для этого самого же себя, и онъ это сдѣлалъ. Теперь, декреты издаются, отъ имени Императора, Императрицей; Императрицей жалуются милости, подписываются назначенія, издаются прокламаціи. Теперь уже нетъ тѣхъ Бюллетеней, со страницъ которыхъ, начиная съ 1800 года, звучало повсюду слово повелителя, въ которыхъ онъ возвещалъ и коментировалъ свои победы, распределялъ награды и отдавалъ отчетъ въ своихъ завоеваніяхъ; теперь уже «Ея Величество Императрица Королева и Регентша получила изъ арміи такія-то и такія-то извѣстія». Рекрута несчастнаго года – ея рекрута: Маріи-Луизы, какъ назьшаютъ ихъ въ народе.

Сверху до низу правительственной лестницы проявляется малодушіе, подготовляются измены, совершаются предательства. Его уже нетъ здесь. Самое имя его исчезло. Имя Маріи-Луизы никому не внушаетъ страха. Оно ничего не говоритъ народу, ничего не означаетъ. Но Наполеонъ, несмотря на все это, не отступаетъ и очень доволенъ сделаннымъ. Его жена одна знаетъ, что здесь нужно, знаетъ лучше, чемъ Камбасересъ, лучше, чемъ все Бонапарты, вместе взятые. Чемъ ближе катастрофа, чемъ грознее опасность, темъ сильнее привязывается онъ къ мысли, что она одна сможетъ все спасти.

И по воле случая, – потому что она не ответственна ни за отъездъ изъ Парижа, ни за капитуляцію, ни за все остальное, – по воле случая все гибнетъ въ связи съ нею. Онъ пишегь ей открыто, въ нешифрованномъ письме, о последнемъ движеніи противъ союзныхъ армій, которое должно решить дело и которое онъ подготовляетъ. Письмо это попадаетъ въ руки блюхеровскихъ разведчиковъ, и Блюхеръ спешитъ сложить его *въ распечатанномъ виде* «къ ногамъ августейшей дочери Его Величества Императора Австрийскаго».

XVIII. Островъ Эльба

Когда Наполеонъ выказывалъ, такимъ образомъ, свое довеpіе, выставлядъ его на видъ и подчеркивалъ, руководило ли имъ при этомъ исключительно чувство любви? Играли ли здесь какую-нибудь роль политическія соображенія? Разсчитывалъ ли онъ, что Австрійскій Императоръ, встретившись лицомъ къ лицу со своей дочерью и внукомъ, отведетъ ударъ и не решится, не сможетъ нанести его? Ставя Императрицу впереди, на сторожевомъ посту, не подготовлялъ ли онъ этимъ, на случай непоправимыхъ превратностей судьбы свое личное отреченіе, спасающее, по крайней мере, династію? Не думалъ ли онъ, что Европейскіе государи, видя на троне уже не его, а одну изъ своихъ, и не изъ наименее знатныхъ, не решатся свергнуть ее, примутъ и подтвердятъ подстановку, произведенную имъ самимъ, и вместо того, чтобы изгнать его сына, сочтутъ себя заинтересованными сохранить за нимъ тронъ.

Все эти соображенія были бы допустимы, если бы Наполеонъ отчаялся въ успехе уже въ апреле 1813 г., до Лютцена, до той первой кампаніи, во время которой онъ на каждомъ шагу съ такой силой выказываетъ веру въ свою судьбу. Что относительно Австріи у него была какая-то задняя мысль, что онъ смотрелъ на Марію-Луизу, какъ на верный залогъ союза, что онъ полагался на родственную связь, на добросовестность Франца II не какъ Императора, но какъ тестя, все это несомненно.

Чтобы разгадать чутьемъ такой заговоръ, какой составила противъ него европейская аристократія, чтобы понять, что эта, брошенная къ нему въ постель, молоденькая девушка была приманкой, придуманной коалиціей олигарховъ, съ целью завлечь его въ западню, нужно было самому обладать такой коварной душой, какой не могло быть ни у единаго Француза Революціи – ни у Талейрана, ни даже у Фуше. Чтобы придумать и разработать этотъ планъ, чтобы объединить въ коалицію вокругъ этого свадебнаго ложа всю ненасытную ненависть старинныхъ дворовъ, необходима была глубина развращенности, возможная только въ аристократическихъ обществахъ, – въ техъ обществахъ, которыя по традиціи и по воспитанію привыкли совершенно не считаться съ совестью, которыя сознательно попираютъ все божескіе и человеческіе законы, не уважая ничего, кроме своихъ интересовъ, и преследуютъ свои цели, не разбираясь въ средствахъ, не считая позорнымъ ни одно изъ нихъ, а темъ менее то, которое у нихъ наиболее въ ходу: любовь. Речь шла о томъ, чтобы дать не любовницу, а супругу. Ее дали: что за беда, если

при полномъ успехе задуманнаго, когда колесница пройдетъ по телу нечестивца, осквернившаго святую святыхъ, – въ ея ступице окажутся куски трепетнаго тела и волосы эрцгерцогини! Если эта женщина останется жива, ей устроютъ ея судьбу, и она утешится. Если погибнетъ, темъ хуже! Для такой игры надо рисковать, и только женщина…

У Наполеона не возникало ни малейшаго подозренія на этотъ счетъ. Никогда онъ не допускалъ, чтобы его жена была въ заговоре съ его врагами; въ этомъ онъ былъ правъ, потому что ее не нашли даже нужнымъ предупредить, и, действуя вполне искренно, она играла свою роль лучше, чемъ если бы ей внушили ее. Только гораздо позже, на святой Елене, Наполеонъ началъ связывать, да и то не вполне (потому ли, что ему противно было углубляться въ подобныя вещи, или потому, что у него не было охоты осветить эту важнейшую причину своихъ пораженій), свой второй бракъ съ событіями, которыя последовали за нимъ. «Это была пропасть, – повторялъ онъ, – которую прикрыли мне цветами». Но онъ словно и не желаетъ останавливаться на этомъ, его нисколько не влечетъ заглянуть поглубже въ эту бездну гнусности. Онъ, повидимому, старается помешать тому, чтобы его жена и память о ней оказались загрязненными, старается, чтобы передъ судомъ исторіи на нее не пала хотя бы доля ответственности въ великой драме, одной изъ главныхъ пружинъ которой было ея неведеніе и которая, если смотреть на нее не предубежденными глазами, встаетъ предъ нами, словно одна изъ драмъ Эсхила, глубокая, простая, естественно-героическая.

По мере того, какъ онъ падаетъ все ниже, онъ не только не ропщетъ на эту женщину, низвергшую его съ высоты власти, но выражаетъ еще въ болыпей степепии доверіе, и любовь къ ней, какъ бы для того, чтобы утешеть ее въ горе, которое должно было причинить нападеніе ея родной страны, во главе съ ея роднымъ отцомъ, что должно было казаться ей предательствомъ ея родныхъ по отношенію къ ней. Даже въ этотт моментъ нельзя сказать, чтобы онъ сомневался въ себе или боялся за свою судьбу: одна изъ основныхъ чертъ его характера – не терять надежды, когда надеяться не на что и, благодаря этой присущей ему добродетели сильныхъ, многіе дни этой войны оказались родными братьями безсмертнаго дня Кастильоне. Только въ самый последній моментъ онъ признаетъ себя вынужденнымъ допустить мысль, что непріятель можетъ вступить въ Парижъ, захватить Императрицу и Римскаго Короля: это было бы мимолетное торжество, такъ какъ кратковременное занятіе Парижа ничего не изменило бы въ задуманномъ имъ стратегическомъ плане; но ему была бы совершенно невыносима

мысль, что его жена и сынъ могутъ стать добычей победителя. И чтобы избавить ихъ отъ подобнаго оскорбленія, онъ даетъ Жозефу решительный приказъ покинуть Парижъ, вывести оттуда все, что способно къ сопротивленію, и всехъ представителей правительственной власти. Онъ губитъ этимъ все свое дело, потому что Талейранъ сумелъ обойти приказъ следовать за Дворомъ. Давно уже Талейранъ стягивалъ въ свои руки все нити; онъ обзавелся соумышленниками среди лицъ близкихъ къ королю Жозефу, къ Императрице, въ сенской префектуре, въ полиціи, везде, – соумышленниками, надъ которыми имеетъ необъяснимую власть и которые связаны съ нимъ словно какимъ-то адскимъ договоромъ. Въ союзе съ ними онъ заканчиваетъ въ 1814 г. то дело измены, которое началъ замышлять въ Тильзите въ 1807 г.

Но сбросить цравительство Императора съ помощью пятисотъ тысячъ чужеземныхъ штыковъ – это лишь половина того дела, которое задумалъ принцъ Беневентскій. Онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ лишь тогда, когда разорветъ узы между Наполеономъ и Маріей-Луизой, созданію которыхъ самъ же способствовалъ. Императоръ веритъ, что ему останется последнее утешеніе – иметь около себя жену и ребенка. Если онъ не предлагаетъ решительно Императрице пріехать къ нему въ Фонтенбло, то потому, что думаетъ еще, что ея слезы будутъ иметь какую нибудь власть надъ Императоромъ Францемъ, и что, благодаря этому, его положене въ будущемъ можетъ улучшиться; но она пріедетъ къ нему, какъ только онъ устроится; она будетъ иметь владеніе, которое будетъ принадлежатъ ей, она будетъ житъ рядомъ съ нимъ, готовымъ, или считающимъ себя готовымъ, покорно принять существованіе мелкаго принца; она пріедетъ, чтобы быть съ нимъ все время вместе я, такъ какъ она его любитъ, такъ какъ «она любила въ немъ Императора меньше, чемъ человека», жизнъ можетъ быть еще счастливой для нихъ и для ребснка, который будетъ рости на ихъ глазахъ.

Марія-Луиза вполне готова разделить эти проекты, эти мечты. Конечно, она любитъ своего мужа и хотела бы ехать къ нему, но на одну душу, способную быть верной долгу, сколько приходится душъ низкихъ и продажныхъ! Пустота образуется вокругъ молодой женщины, которая никогда, начиная съ самого детства, не была пріучена думать самостоятельно; которая, съ техъ поръ, какъ существуетъ, всегда была подчинена дисциплине и умеетъ только подчиняться власть имеющимъ. Ея отецъ накладываетъ на нее свою руку. Она еще борется и пытается освободиться, потому что лгобовь, которую она чувствуетъ къ Наполеону, способна еще бороться въ ея сердце даже противъ дочерней почтителъности. Но Талейранъ находитъ средства убить эту любовь. Среди женщинъ,

окружающихъ Марію-Луизу, есть одна, которая вполне принадлежитъ ему; эта, – одна изъ самыхъ деятельныхъ одна изъ наиболее близкихъ къ политике женщинъ своего времени. Она не знаетъ, что такое совесть, признательность – нечто совершенно чуждое ей. Въ молодости она играла въ любовь, какъ италъянка, теперь она любитъ интригу для интриги и каждый разъ, когда ей удается вмешатъся въ какую нибудъ дипломатическую авантюру, она чувствуетъ себя въ родной стихіи. Придворная дама, она была не изъ техъ, что выходятъ въ отставку и довольствуются чисто личной жизнью. У нея есть более интересное занятіе: оставшись почти одна подле Императрицы, она открьиатъ огонь изъ своихъ батарей, заряженныхъ Талейраномъ, сначала намекаетъ, а затемъ начинаетъ утверждатъ, что Наполеонъ никогда не любилъ ее, что онъ постоянно ее обманывалъ. Императрица не веритъ? Г-жа де Бриньоль вызываетъ двухъ комнатныхъ лакеевъ, которые недавно лишь бросили въ Фонтенбло своего господина и благодетеля, и велитъ имъ разсказывать то, что ей нужно – ложь, придуманную его совместно съ г. де Талейраномъ. И нетъ никого, кто могь бы внушить мужество, вдохнуть энергію въ эту болыпую, вялую жешину, у которой темпераментъ играетъ главную роль, и которая гораздо болыпе обижена, разсказанными ей изменами, чемъ поражена паденіемъ своего трона. Она была отдана въ жертву, эта современная Ифигенія, и она позволила себя отдать, она даетъ себя освободить теперь, когда политика разрушаетъ, какъ сказалъ Шварценбергъ, то, что политика же создала. Это – дело не одного дня: она будетъ еще бороться въ теченіе целаго года противъ всей Европы, яростно нападающей на нее и пускающей въ ходъ все средства, чтобы одолеть сердце девочки, которое бъется въ ней. Гордость, тщеславіе, ревность, зависть – все будетъ пущено въ ходъ, но торжества добьются лшпь тогда, когда принудятъ ее некоторымъ образомъ заменить любовь любовью, когда целомудренный Австрійскій Императоръ принудитъ свою дочь къ открытому наложничеству. Тогда вся монархическая Европа будетъ аплодировать, и самостоятельное Государство будетъ наградой за прелюбодеяніе.

Наполеонъ не имеетъ никакого понятія о всехъ этихъ низостяхъ. Съ каждаго этапа своего скорбнаго пути онъ пишетъ письма своей жене, какъ писалъ тогда, когда она съ такимъ тріумфомъ шествовала по территоріи Имперіи, подъ торжественный звонъ колоколовъ, подъ пушечные салюты, среди арміи и толпъ народа, выстроенныхъ шпалерами на ея пути, во главе съ маршалами отдававпгами шпагой ей честь.

Эскортируемый комиссарами союзниковъ, онъ подвигается теперъ среди криковъ черни, подкупленной Верде и требующей

его смерти, къ острову, который Европа, все еще боясь его предоставила ему, въ разсчете отобрать его у него въ ближайшемъ будущемъ, который будетъ у него оспаривать его большой пріятель, бывшій Зальцбургскій электоръ, бывшій Вюрцбургскій электоръ, его гость въ Компьене и Тюильери, снова ставшій великимъ герцогомъ Тосканскимъ, какъ въ те дни, когда генералъ Бонапартъ сиживалъ у него за столомъ. Но письма, писанныя тогда, холодныя, замороженныя требованіями этикета, адресованныя незнакомой женщине, – можно ли сравнивать съ теми, которыя онъ пишетъ теперь! Только четыре изъ нихъ – известны, четыре письма къ его «доброй Луизе», его «доброй Луизе-Маріи». Забывая о своихъ собственнкхъ страданіяхъ, онъ говоритъ въ нихъ только о томъ, что приходится претерпевать ей; онъ безпокоится о ея здоровьи, потому что его заботливо уведомили, что она нуждается въ леченіи водами Экса; это было средствомъ оттянуть ихъ встречу и – сознательно или нетъ – Корвизаръ игралъ при этомъ на руку врагамъ Императора. Но Наполеонъ и не подозреваетъ этого, какъ, впрочемъ, и многаго другого. Онъ выражаетъ свою радость по поводу преданности Корвизара к изъ Фрежюса обращается къ нему съ писъмомъ, которое делаетъ Корвизару, – буде оно имъ заслужено, – величайшую честь. Онъ не только не противится путешествію въ Эксъ, но торопитъ съ нимъ, желаетъ, чтобы оно скорее закончилось и чтобы жена могла возможно скорее соединиться съ нимъ. Если она не можетъ тотчасъ пріехать на островъ Эльбу, то она, конечно, поторопится устроиться въ Парме, и чтобы она ни въ чемъ не терпела тамъ недостатка, онъ посылаетъ туда, въ качестве охраны для нея отрядъ своей легкой польской кавалеріи и для ея конюшни сотню упряжныхъ лошадей.

Едва прибывъ въ Порто-Ферайо, онъ тотчасъ же ревностно принимается устраивать въ каждомъ изъ дворцовъ – жалкихъ дворцовъ! – предназначенныхъ для его резидевщіи, апартаменты для Императрицы. Въ Порто-Лонгоне они будутъ состоять изъ шести комнатъ, въ Порто-Ферайо – изъ столькихъ же. И онъ торопитъ съ работами, потому что она можетъ прибыть съ минуты на минуту. Онъ ждетъ ее, чтобы жечъ фейерверки, давать балы, совершать прогулки; онъ подчиняетъ этому ожиданію все мелочи своей жизни – настолько, что онъ, обыкновенно такъ неохотно выставляющій напоказъ свои чувства, приказываетъ живописцу разрисовывающему потолокъ салона, изобразитъ на немъ «двухъ голубей, привязанныхъ къ одной ленте, узелъ которой затягивается по мере того, какъ они удаляются другъ отъ друга».

Поэтому же онъ обставляетъ такой тайной визитъ, который нанесла ему 1 сентября г-жа Валевская. Онаедетъ въ Неаполь

ходатайствовать у Мюрата о томъ, чтобы онъ сохранилъ за ея сыномъ даръ Наплоеона, выделенный последнимъ изъ именій, которыя онъ оставилъ лично для себя въ Неаполитанскомъ королевстве; пользуясь остановкой въ Порто-Ферайо, она попросила разрешенія видеть Императора. Съ 20 августа онъ живетъ въ Эрмитаже Мадонны Марціаны.

Последній помещается въ лесу столетнихъ каштановъ; поселиться здесь заставили его сильнейшія жары; около хорошо построенной часовни – домъ, состоящій изъ одного этажа, содержащаго четыре маленькія комнаты. Отшельники, которыхъ Наполеонъ не хотелъ лишать убежища, живутъ въ погребе. Для свиты, весьма малочисленной, состоящей изъ капитана жандармеріи Паоли, Бернотти, офицера-ординарца, нескольких мамелюковъ и только двухъ комнатныхъ лакеевъ, Маршана и Сенъ-Дени, построили подъ каштанами большихъ размеровъ палатку около источника, теряющагося въ ковре изъ свежаго мха, пропитаннаго ароматомъ ландыша, геліотропа, фіалки, всехъ полевыхъ цветовъ. Кухни нетъ; обедать Императоръ ходитъ въ Марціану, где живетъ его мать и возвращается каждый вечеръ обратно, въ свой Эрмитажъ.

По полученіи письма отъ г-жи Валевской,[23] въ большой тайне делаются распоряженія, съ целью строжайшимъ образомъ соблюсти секретъ визита.

Она высаживается поздней ночью 1 сентября; въ порту ее ждутъ карета, запряженная четверкой, и три лошади подъ седломъ. Она садится съ сыномъ въ карету; ея сестра, сопровождающая ее, ея братъ, полковникъ Лагинскій въ польской военной форме, садятся верхами; въ путь двигаются при великолепномъ лунномъ освещеніи. Въ Проккіо встречаютъ Императора, выехавшаго навстречу въ сопровожденіи Паоли и двухъ мамелюковъ. Г-жа Валевская также садится на лошадь, потому что ехать дальше въ карете – и думать нечего; Бернотти беретъ къ себе ребенка и, худо ли, хорошо ли, пріезжаютъ, наконецъ, на вершину горы. Войдя въ домъ и обнажая голову, Императоръ говоритъ прибывшей: «Мадамъ, вотъ мой дворецъ» и предоставляетъ къ услугамъ двухъ дамъ четыре маленькихъ комнаты, которыя въ немъ имеются и въ которыхъ поставлены теперь постели. Самъ же онъ помещается въ палатке, въ которой спятъ два лакея. Къ концу ночи разразилась гроза съ сильнымъ ветромъ, сильнымъ дождемъ. На разсвете Императоръ, совершенно не спавшій, зоветъ Маршана. Последній разсказываетъ ему, что въ Порто-Ферайо распространились слухи, что пріехавшая – Марія-Луиза, и что ребенокъ, привезенный ею, – Римскій Король. Въ виду этихъ слуховъ, докторъ Фуро поспешилъ

пріехать въ Эрмитажъ, чтобы предложить свои услуги, и ждетъ распоряженій.

Императоръ, одетый, выходитъ изъ палатки, Чудное солнце, лучи котораго пробиваются сквозь гущу каштановъ, уже высушило землю. Неподалеку таинственный ребенокъ собираетъ горные цветы. Наполеонъ подзываетъ его и, садясь на стулъ, принесенный Маршаномъ, беретъ къ себе на колени. Потомъ онъ посылаетъ за Фуро, который прогуливается неподалеку. «Ну, Фуро, – говоритъ онъ ему, – какъ вы его находите?» «Но, Ваше Величество, – отвечаетъ докторъ, – я нахожу, что Король очень выросъ». Наполеонъ весело смеется, потому что сынъ Валевской на годъ старше Римскаго Короля, «но красота его лица, его вьющіеся, белокурые волосы, въ изобиліи разсыпавшіеся по плечамъ, придаютъ ему огромное сходство» не столько съ Римскимъ Королемъ, сколько съ портретомъ, который написалъ съ него Изабей, изобразивъ его на немъ, можетъ быть, нарочно несколько постарше.

Наполеонъ шутитъ несколько минутъ съ докторомъ и отпускаетъ его, поблагодаривъ за любезность, съ которой онъ поспешилъ предложить свои услуги. Выходитъ изъ дома и г-жа Валевская. Со времени отъезда изъ Варшавы она несколько пополнела, но талія нисколько не пострадала, и открытое, сохранившее свое спокойное выраженіе, лицо по прежнему привлекателъно. У ея восемнадцатилетней сестры «ангельская головка». Это – молоденькая, белокурая девушка, словно обвеянная ароматомъ редкаго цветка. Столъ поставленъ подъ каштанами: завтракъ доставленъ совершенно готовый изъ Марсіаны и за столомъ царитъ искреннее веселье. Денъ проходитъ въ беседе и въ прогулке по окрестностямъ. Во время обеда, Императоръ выражаетъ желаніе, чтобы ребенокъ, который не завтракалъ съ нимъ, былъ посаженъ около него. Г-жа Валевская возражаетъ. говоря, что ея сынъ большой шалунъ, но Наполеонъ настаиваетъ. Онъ не боится шалостей; онъ самъ былъ очень своенравнымъ мальчикомъ – настоящимъ бесенкомъ. «Я лупилъ Жозефа и заставлялъ еще его делать за меня уроки. Иногда меня наказывали темъ, что давали черствый хлебъ; тогда я отправлялся къ пастухамъ и обменивалъ его на хлебъ изъ каштановъ, или шелъ къ кормилице, которая кормила меня молоденькими осьминогами». Ребенокъ, державшійся сначала очень смирно, скоро набирается смелости, и Императоръ говоритъ ему: «Ты не боишься, значитъ, розогъ; ну, такъ я советую тебе побаиваться ихъ. Я познакомился съ ними всего одинъ разъ, но всегда помнилъ объ этомъ». И онъ разсказываетъ, какъ это было; въ детстве Полина и онъ смеялись надъ бабушкой, и Madame, не

допускавшая шутокъ, высекла ихъ. «Но я не смеюсь надъ мамой», – отвечаетъ смущенно ребенокъ и приводитъ Императора въ восторгъ. Онъ нежно целуетъ его, говоря ему: «Ты хорошо ответилъ».

Наступаетъ вечеръ, и въ 9 часовъ посетители уезжаютъ обратно на судно. Императоръ провожаетъ ихъ до берега; когда онъ обнимаетъ сына, слышно, какъ онъ шепчетъ ему: «Прощай, дорогое дитя моего сердца». Г-жа Валевская увозитъ съ собою чекъ на предъявителя, по которому можетъ получить у казначея Императора 61,000 фр. на издержки по путешествію. Ея прибытіе въ Неаполь темъ более своевремевно, что декретомъ отъ 15 сентября Король Іоахимъ Наполеонъ собирается конфисковать все земельныя пожалованія, сделанныя французскимъ правительствомъ. Только ей одной и удается добиться, по докрету отъ 30 ноября, исключенія въ пользу своего сына и новаго пожалованія на техъ же условіяхъ, которыя ставилъ раньше Императоръ. Ея пребываніе въ Неаполе продлилось довольно долго; въ конце Марта 1815 г. она находится еще тамъ.

Несмотря на все предосторожности, которыя были приняты, несмотря на то, что пріездъ и отъездъ произошли глубокой ночью, событіе не прошло незамеченнымъ, такъ какъ слишкомъ многіе были заинтересованы въ томъ, чтобы знать, какъ проводитъ время Императоръ. Островитяне решили, что незнакомка была Марія-Луиза; англійскій комиссаръ и шпіоны Бурбоновъ, лучше осведомленные, заподзрели, что пріезжала любовница Наполеона. Но они хотели видеть любовь тамъ, где были только нежная дружба и признательность. Притуствіе m-lle Лагинской устраняетъ всякую мысль объ интимной близости. Если у Императора и были любовныя приключенія на острове Эльбе, то, конечно, не съ мнимой графиней де Роганъ, – вульгарной интриганкой, пріехавшей туда, какъ разсказываютъ, съ какими-то требованіями и предложеніями услугъ, – а съ другой, гораздо менее известной, дамой, съ той самой, которую онъ принималъ три или четыре раза въ апартаменте, прилегавшемъ въ Оранжерее въ Сенъ-Клу, и которая сама, по доброй воле, пріехала въ Порто-Ферайо. Была ли она уже въ этотъ моментъ женой полковника де Б… или вышла за него замужъ на острове Эльбе? Неизвестно; но и до замужества, и после она выказывала одинаковую преданность, и весьма прискобно, что о ней известно такъ мало подробностей. Она не удовлетворилась темъ, что пріехала на островъ Эльбу; въ 1815 г. она пріехала въ Рамбулье и просила, умоляла Наполеона разрешить ей следовать за нимъ и была въ великомъ отчаяніи, когда онъ отказалъ ей въ этомъ. Получивъ откуда-то три тысячи франковъ, она выехала,

какъ разсказываютъ, въ Соединенные Штаты, где надеялась встретиться съ нимъ.

Никто, повидимому, и не подозревалъ, что на острове Эльбе Императоръ уделилъ несколько мгновеній этой женшине. Напротивъ, очень часто шли разговоры о мнимыхъ письмахъ Императора, которыя одинъ несчастный священникъ, продавшійся герцогу де Блака, подделалъ, чтобы при дать веру некоторымъ клеветническимъ наветамъ. Безполезно было бы на этомъ останавливаться.

Пребываніе на острове Эльбе было для Наполеона временемъ кризиса и душевнаго, и политическаго, требовавшаго отъ него величайшей осторожности. Онъ хорошо зналъ Марію-Луизу и понималъ, что малейшая неверность, которая дойдетъ до нея, умело раздутая окружающими ее людьми, ранитъ ее въ самое сердце. Онъ послалъ капитана Гюро де Собрей, мужа одной изъ «красныхъ женщинъ», поручивъ ему попытаться увидеть Марію-Луизу въ Экссъ-ле-Бене и передатъ ей кое-что на словахъ. Онъ получилъ некоторыя указанія, позволявшія ему надеяться, что можно будетъ установить правилъныя писъменныя отношенія. Рисковать вызвать скандалъ было бы слишкомъ несвоевременно.

Но время идетъ, проходитъ весь сентябрь безъ писемъ, безъ всякихъ вестей. Онъ решается 10 октября написать великому герцогу Тосканскому, на дружеское расположеніе котораго все еще разсчитываетъ, и на котораго еще 19 апреля указывалъ жене, какъ на естественнаго посредника между ними. Онъ обращается къ нему не со слезницей и по тону, которымъ онъ говоритъ съ своимъ «братомъ и дорогимъ дядей», чувствуется, что самъ онъ все помнитъ и воображаетъ, что и бывшій компьенскій паразитъ долженъ тоже все помнить: «Не получая отъ моей жены известій съ 10 августа, а о моемъ сыке – уже шесть месяцевъ, я прошу Ваще Королевское Высочество сообщить мне, не будетъ ли оно столъ любезно разрешить направлять къ нему каждые восемь дней письма для Императрице и пересылать мне известія о ней, а также письма г-жи графини де Монтескью, гувернантки моего сына. Льщу себя надеждой, что, несмотря на событія, подъ вліяніемъ которыхъ изменилось столько людей, Ваше Королевское Высочество сохранило по отношенію ко мне дружескія чувства. Если Ваше Высочество пожелаетъ выказать мне ихъ, для меня это будеть большимъ утешеніемъ. Въ этомъ случае, я просилъ бы его не отказывать въ своихъ милостяхъ и этому маленькому кантону, который разделяетъ со всей Тосканой расположеніе къ его особе. Пусть Ваше Королевское Высочество не сомневается въ хорошо ему известномъ постоянстве моихъ чувствъ къ нему, какъ и въ совершенномъ почтеніи и въ высокомъ

уваженіи къ нему. Пусть передастъ оно мой поклонъ своимъ детямъ».

Нетъ, это не слезница, и равенство положенія, превосходство въ прошломъ даютъ себя чувствовать, несмотря ни на что; но съ какой ловкостью, съ какимъ мастерствомъ пущено здесь въ ходъ все, что могло бы тронуть его, имей онъ сердце! Речь идетъ только о томъ, чтобы оказать родственную услугу человеку, который признаетъ себя несчастнымъ, поверженнымъ въ прахъ и, чтобы смягчитъ принца, почти что называетъ себя его подданнымъ – подданнымъ принца, который некогда былъ при немъ однимъ изъ самыхъ услужливыхъ куртизановъ.

Никакого ответа. Драма уже свершилась, и Австрійскій Императорскій домъ – достигъ своей цели, опозоривъ навсегда свою дочь, Императрицу Франціи. Наполеонъ знаетъ объ этомъ, или не знаетъ, но никто не можетъ сказать, чтобы это было ему известно. После такого письма къ такому человеку, онъ не можетъ болыпе писать. У него взяли жену, у него взяли сына. Бурбоны не платятъ денегъ, выговоренныхъ имъ въ Фонтенбло. Онъ вынужденъ будетъ вскоре распустить свою стражу и даже не сможетъ оказать сопротивленіе, дать убить себя и вместе съ своими ворчунами броситъ свои жизни къ ногамъ королей, если короли прикажутъ сослать его на какой-нибудь изъ океакническихъ острововъ, напримеръ, на Азорскіе, которые 13 октября предлагалъ избрать для этой цели Талейранъ, потому что «на пятьсотъ миль отъ нихъ, – говорилъ онъ, – нетъ никакой земли».

Ему остается либо умереть, либо дать убить себя бандитамъ, подкупленнымъ Брюляромъ, либо быть схваченнымъ по приказанію королей, которыхъ настраиваетъ противъ кего Талейранъ. Онъ предпочитаетъ поставитъ последнюю ставку вместе съ Франціей и для Франціи. Онъ решаетъ вернуться.

XIX. Сто дней

На Новый Годъ 1815 г. Наполеонъ получилъ отъ Императрицы письмо; она писала ему о сыне, сообщала, что онъ прелестенъ, что скоро онъ самъ сможетъ писать своему отцу. Зачемъ, почему это письмо? Неизвестно. Можетъ быть, угрызенія свести. Какъ бы то ни было, оно устанавливало связь, служило, казалось, доказательствомъ, что Марія-Луиза не отказывалась отъ мысли соединиться съ нимъ, что если она и молчала, то потому, что была вынуждена къ этому. Какъ только она обрететъ свободу, она примчится къ нему. Наполеону достаточно будетъ предложить ей тронъ, чтобы ея тюремщики вернули ей свободу. И какъ только у Императора явилась хотя бы некоторая уверенность въ своемъ предпріятіи, онъ тотчасъ же, изъ Ліона, 12 Марта спешитъ уведомить Марію-Луизу. Но она сделала съ этимъ письмомъ тV же, что делала прежде съ письмами, которыя получала съ острова Эльбы: она передала его своему отцу, а последній – представителямъ союзниковъ. Никакого ответа.

Какъ только Императоръ вступилъ въ Парижъ, онъ тотчасъ же вновь поставилъ на прежнюю ногу домъ Императрицы и отдалъ приказъ привести въ порядокъ ея апартаменты. Черезъ десять дней, 1 апреля, онъ пишетъ Австрійскому Императору, своему «брату и дражайшему тестю», официальное письмо, въ которомъ проситъ вернуть ему «предметъ его нежнейшихъ привязанностей, его супругу, *я* сына». «Меня, – пишетъ онъ, – долгая разлука, вынужденная обстоятельствами, огорчила такъ, какъ не огорчало раньше ничто на свете; точно также должна горячо желать соединенія к добродетельная принцесса, судьбу которой Ваше Величество соединило съ моей». И онъ кончаетъ такъ: "Я слишкомъ хорошо знаю убежденія Вашего Величества, слишкомъ хорошо знаю, какое значеніе придаетъ оно своимъ семейнымъ привязанностямъ, чтобы не питать блаженной уверенности въ томъ, что Ваше Величество охотно поможетъ, каковы бы ни были намеренія его кабинета и его политики, приблизить моментъ соединенія жены съ мужемъ и сына съ отцомъ».

Никакого ответа. Это молчаніе въ ответъ какъ на его официальныя письма, такъ и на те, которыми онъ официозно снабдилъ при ихъ отъезде австрійскихъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при Бурбонахъ, доказало Наполеону, что политическія причины продолжаютъ парализовывать стремленія его жены, и онь решаетъ прибегнуть къ тайнымъ путямъ, чтобы войти съ нею въ сношенія. Онъ отправляетъ въ Вену самыхъ искусныхъ агентовъ, способныхъ проникнуть непосредственно къ

Талейрану и къ Императріце: Флао и Монтрона. Только Монтрону удается пробраться сквозь линіи войскъ. Но когда дело дошло до передачи порученнаго ему письма Маріи-Луизе, то Меневаль, бывшій секретарь кабинета Императора, съ 1813 г. – тайный секретарь Императрицы, последовавшій за нею въ Австрію, воспротивился этому. Онъ знаетъ, какъ обстоитъ дело съ Нейлфергомъ; сжечь письмо, написанное Императоромъ жене, значитъ, оказать Императору услугу. Меневалъ не решается все же написать прямо всю правду, онъ понимаетъ, какой ударъ нанесетъ этимъ своему повелителю; и посредствомъ анонимнаго письма, написаннаго измененнымъ почеркомъ, онъ пытается предупредить лицо, въ неизменной преданности Императору котораго онъ вполне уверенъ: Лявалетта. Императоръ знакомится съ этимъ письмомъ; но Лявалеттъ колеблется, думаетъ, что подобное анонимное посланіе можетъ быть и австрійской проделкой.

Какъ не усумниться и Императору?

Но скоро все выясняется: Баллюэ, ведшій расходныя книги у обеихъ Императрицъ, человекъ честный, на верность котораго можно положиться, едетъ въ это время изъ Вены черезъ Мюнхенъ. где долженъ получить инструкціи отъ принца Евгенія. Императоръ ждетъ его съ такимъ нетерпеніемъ, что отдаетъ приказъ телеграфировать изъ Вельфора о его проезде и ставитъ у его дома въ Париже вестового, которому приказано немедленно по пріезде привезти его въ Елисейскій дворецъ. Валлюэ пріезжаетъ 28 апреля, и Императоръ держитъ его у себя целыхъ два часа; но если онъ нолучаетъ отъ него полезныя сведенія, которыя поручилъ ему передать принцъ Евгеній, то пролить полный светъ на то, что для него наиболее важно, ему не удается. Баллюэ, щепетильно-точный бухгалтеръ, до фанатизма преданный Жозефине, потомъ Маріи-Луизе, слишкомъ робокъ, чтобы репшться поведать то, что въ Вене состовляетъ секретъ Конгресса, Двора и всего Города.

Приходится ждать Меневаля, который, будучи отосланъ изъ Вены, долженъ, наконецъ, пріехать черезъ двенадцать дней. На этотъ разъ – нетъ места никакимъ иллюзіямъ. Сама же Марія-Луиза, поставивъ себя 12 Марта официальнымъ письмомъ подъ покровительство Державъ, вызвала неистовую декларацію, подписанную 13-го союзными послами Въ награду Нейпергъ былъ назначенъ ея придворнымъ маршаломъ. Это она же 18 Марта согласилась выдать своего сына, немедленно же после этого отделеннаго отъ его гувернантки, г-жи де Монтескью, и отъ всехъ слугъ-французовъ. И когда Меневаль прощался съ ней, она поручила ему сказать Императору, «что она никогда не оказала

бы содействія разводу, но льститъ себя надеждой, что онъ согласится на полюбовное прокращеніе сожительства, что это прекращеніе стало необходимымъ, что оно, темъ не менее, нисколько не нарушитъ чувства уваженія и признательности, которыя она продолжаетъ къ нему питать». Она репшлась, ея решеніе непоколебимо, и самъ ея отецъ не имелъ бы права заставить ее вернуться во Францію.

Меневаль вынужденъ былъ прибавить еще кое-какія более интимныя подробности, потому что скрывать правду было уже поздно. Быть можетъ начиналась уже первая изъ техъ беременностей, которымъ суждено было населить аллеи Бурга незаконными, рожденными отъ адюльтера, детьми, которыхъ титуловали, къ стыду Австрійскаго Дома, принцами и величали высочествами. Когда акушеръ Дюбуа заявилъ Наполеону, после рожденія Римскаго Короля, что вторые роды могутъ оказаться смертельными для Маріи-Луизы, Императоръ не заставилъ себе это повторять, какъ ни хотелось ему иметь многочисленное потомство, въ частности второго сына для занятія трона Италіи; г. де Нейпергъ не считался съ этимъ и далъ целый рядъ доказательствъ того, какъ могъ ошибаться баронъ Дюбуа.

Если въ глубине души Наполеонъ не могъ уже сомневаться, то съ политической точки зренія необходимо было, чтобы нація не узнала истину и сохранила по отношенію къ Императрице иллюзіи, которыя, какъ думалъ Наполеонъ, она еще питала. Годъ тому назадъ онъ думалъ, что народныя массы ничто не могло бы такъ тронуть, какъ образы этой женщины и этого ребенка, вверенныхъ попеченію Франціи; теперь же пленъ, въ которомъ ихъ держатъ, насильственная разлука, нарушившая все законы божескіе и человеческіе, покушеніе на супружескую верность и на отцовскую любовь, совершенныя королями, взявшимися съ оружіемъ въ рукахъ возстановлять во Франціи добрые нравы, ему казались способными возмутитъ все, что есть благороднаго въ сердцахъ людей и патріотовъ. Страданія, которыя испытала Императрица, когда, ее оторвали отъ ея долга, тридцать безсонныхъ ночей, которыя она провела въ 1814 г., жизнь, почти ни чемъ не отличающаяся отъ тюремнаго заключенія, нарушеніе фонтенеблосскаго договора королями, отнявшими у него жену и сына, негодованіе старой королевы Маріи-Каролины, сказавшей своей внучке: «Тебе не даютъ выйти черезъ дверь, выйди черезъ окно и ступай къ своему мужу», – отделеніе Римскаго Короля – онъ называетъ теперь его Имперскимъ Принцемъ, отъ матери, изгнаніе г-жи де Монтескью, дрожащей за жизнь своего питомца, – онъ хочетъ, чтобы Меневаль разсказалъ все, въ особомъ докладе, «если Палата выскажется за Римскаго Короля».

Палата!..

Въ теченіе Ста Дней, въ теченіе шести летъ агоніи ни единаго раза изъ его устъ не вырвалось ни единаго слова горечи, ни единаго слова порицанія этой женщине; о ней онъ говоритъ только съ любовью, нежностью, жалостью. Воспоминанія о ней, разукрашеяныя яркими цветами юности и свежести, постоянно приходятъ ему на умъ. Она – сама искренность, сама честность. «Это невинность со всеми ея чарами». Все его товарищи по плену, все безъ исключенія, передаютъ одни и те же разговоры, почти въ однихъ и техъ же выраженіяхъ. Узнаетъ ли онъ изъ газетъ о какомъ-нибудь случившемся съ нею происшествіи, онъ трижды спрашиваетъ объясненія по этому поводу. Бросаетъ ли европейское судно якорь въ гавани Джемсъ-Тоунъ, онъ уверяетъ себя, что получитъ сейчасъ письмо отъ Императрицы, и целый день тревожно ждетъ, нервничаетъ, не работаетъ. Отнимаютъ ли у него одного изъ его слугъ, Ласъ Казасъ или О'Меара, онъ думаетъ прежде всего о томъ, чтобы отправить его къ Маріи-Луизе, и передаетъ, напримеръ, своему врагу такую записку: «Если онъ увидитъ мою добрую Луизу; то я прошу ее разрешить ему гюцеловать ея руки». Въ своемъ завещаніи онъ пишетъ 5 апреля 1821 г.: *«Я всегда былъ очень доволенъ моей дражайшей супругой Императрицей Маріей-Луизой. До последней минуты я питаю къ ней самыя нежныя чувства. Я прошу ее неусыпно бодрствовать надъ моимъ сыномъ, чтобы охранить его отъ испытаній, все еще окружающихъ его детство».* И этого мало; мало того, что изъ своего скромнаго гардероба, въ которомъ теперь все его состояніе, онъ завещаетъ свои кружева; 28 апреля, за семь дней до смерти, онъ выражаетъ желаніе, чтобы Антоммархи вырвалъ сердце изъ тела его: «Вы положите его въ спиртъ, вы отвезете его въ Парму моей дорогой Маріи-Луизе, вы скажете ей, что я нежно любилъ ее, что я никогда не переставалъ ее любить. Вы ей разскажете все, что вы видели, все, что касается моего положенія и моей смерти»…

Нельзя не признать, что Гудсонъ Лоу хорошо поступилъ, приказавъ Антоммархи положить въ гробъ серебряную вазу, въ которой было сердце Наполеона. Что делалъ бы съ нямъ г. де Нейпергъ?

Но за отсутствіемъ этой женщины-иностранки, другія женщины, – и не все ли равняо, откуда оне были: изъ Франціи, Ирландіи; Польши? – другія жеящины въ последніе дни его славы, въ теченіе этого кратковременнаго трехмесячнаго царствованія, окружили Императора своей, оставшейся ему верной, красотой, радовали его сердце своимъ энтузіазмомъ и становясь изъ преданности къ нему, – даже те, которыя меньше всего были

созданы для политики, – его шпіонками и разведчицами, подчасъ давали ему, благодаря не столько пониманію, сколько инстинкту, советы, которые заслуживали иногда вниманія. Таковы указанія Жоржъ насчетъ Фуше; такъ г-жа Пелляпра, поспепшвшая вернуться изъ Ліона, разузнала о некоторыхъ шагахъ герцога Отрантскаго; г-жа Валевская, тотчасъ же пріехавшая изъ Неаполя и немедленно же по пріезде принятая съ сыномъ въ Елисейскомъ дворце, передала порученіе отъ Мюрата. Г-жа *** первой представляется Императору и, властно вернувъ себе свой титулъ и свое положеніе статсъ-дамы, она въ числе другихъ, оставшихся ему верными, съ великимъ нетерпеніемъ ждетъ въ ярко-освещенныхъ салонахъ Тюильери того, который возвращается съ острова Эльбы. И многія другія – г-жа Дюлолуа, г-жаЛавалеттъ, г-жа Ней, г-жа Реньо де Сенъ-Жанъ-д'Анжели, г-жа де Бово, г-жа де Тюреннъ соперничаютъ между собою въ желаніи видеть его и нравиться ему. Въ этотъ моментъ надъ головами нескольких женщинъ, надъ этими прелестными головами, созданными для любви, проносится божественное дуновеніе, которое творитъ героинь и мученицъ, вдохновляетъ на величайшіе подвиги самоотверженности и мужества и делаетъ души способными къ борьбе съ самыми необычайными опасностями.

Въ теченіе всего того злополучного періода, которому по справедливости дано названіе періода Белого Террора и жесткость котораго тщетно пытаются теперь смягчить, въ течевіе этого періода женщины, составлявшія украшеніе и гордость Императорскихъ празднествъ, женщины, бывшія тогда вошюценіемъ изящества и граціи, женщины – расточительницы и мотовки какихъ только виделъ светъ, выказали тогда, среди всеобщей трусости, охватившей мужчинъ, такое мужество, такую энергію, такое присутствіе духа, которыя даютъ имъ право на безсмертіе. Въ Тюильери въ течение Ста Дней, въ Мальмезоне после Ватерлоо оне доказали, какъ оне умели верить и уважать несчастье.

И это приходится сказать не только о техъ, чьи имена известны и славны; были и никому неведомыя, являвшіяся неизвестно откуда, какъ напримеръ, та женщина, которая на смотру федералистовъ приближается къ Императору и вручаетъ ему петицію, въ виде тщательно свернутаго листа бумаги: когда онъ раскрываетъ ее, оттуда падаютъ двадцать пять тысячефранковыхъ билетовъ. И еще та, которая 23-го іюня, накануне переезда Наполеона изъ Елисейскаго дворца въ Мальмезонъ, пишетъ камердинеру Императора, приглашая его придти для важнаго сообщенія въ церковь Сенъ-Филиппъ-дю-

Руль. Маршанъ идетъ на свиданіе, находитъ на условленномъ месте молящуюся женщину, съ лицомъ, полузакрытымъ вуалью, что не мешаетъ, впрочемъ, видеть, что она на редкость красива. Онъ подходитъ и спрашиваетъ, чемъ можетъ служить ей. Съ минуту она молчитъ. Потомъ, въ крайнемъ замешательстве, она говоритъ, что несчастья Императора глубоко трогаютъ ее, что она хотела бы видеть его, утешитъ, высказать ему свое восхищеніе. Наполеонъ, которому была передана эта просьба, улыбнулся и ответилъ: «Это восхищеніе можетъ оказаться, въ конце-концовъ, интригой, надо это оставить безъ последствій». Но это наивное предложеніе въ такой день, въ такой часъ, трогаетъ его настолько, что онъ несколько разъ впоследствіи говорилъ о незнакомке въ церкви Сенъ-Филшшъ дю Руль.

Нашелъ ли онъ, по крайней мере, въ плену женщину, давшую ему то утешеніе, которое можетъ дать мужчине только женщина? Намъ известно о его детскихъ играхъ съ миссъ Элизабетъ Белькомбъ во время его пребыванія въ Бріаръ; есть основаніе догадываться, что онъ сошелся съ одной женпщной, поведеніе которой при Имперіи, казалось, навсегда должно было отнять у нея право даже приближаться къ нему, и которая, будучи дважды разведена съ мужемъ, была изгнана изъ Двора и только потому, что вышла замужъ за одного человека, навлекла на последняго опалу. Но если щедроты, оказанныя ей Императоромъ въ завещаніи, придаютъ некоторый весъ отчетамъ иностранныхъ комиссаровъ; если, что вероятно, присутствіе этой женщины и было причиной раздоровъ, возникшихъ между сотоварищами Императора, если ея отъездъ и былъ лишнимъ скорбнымъ этапомъ, который пришлось Наполеону пройти, – объ этой части драмы, разыгравшейся на Святой Елене, известно слишкомъ мало, чтобы можно было на ней останавливаться. Женщина сыграла здесь свою роль: вотъ все, что можно сказать.

Рядомъ съ этой знаменитой куртизанкой, которую корыстные интересы приводятъ въ Рошфоръ и держатъ на Святой Елене, стоитъ другая женщина, которая, действительно заслуживаетъ восхищенія: г-жа графиня Бертранъ. Счастливая мать, счастливая жена, она находитъ удовлетвореніе въ исполненіи своего долга. Въ Париже, благодаря своему рожденію, благодаря своему родству съ Фитцъ-Джемсами, она была бы одной изъ первыхъ при Дворе и въ Городе. Она живетъ въ доме, вернее въ лачуге, полной крысъ, почти рядомъ съ Императоромъ, не имея даже возможности ухаживать за нимъ, быть ему полезной и хотя бы въ этомъ находить себе утешеніе. Она остается тамъ до самаго конца прекрасная, нежная и величественная., сохраняя, словно римская матрона, въ полной неприкосновенности свою честь, участвуя въ

последнемъ шествіи, которое уноситъ испустившаго, наконецъ, духъ, пленника въ долину Гераніума, подобная статуе Скорби, и она-то, урожденная Англичанка, – единственная женщина, оплакивающая того, кого убила Англія.

XX

Каково же должно быть наше мненіе о Наполеоне съ точки зренія его отношеній къ женщине?

Оно двойственно. Здесь – только физическая сторона; тамъ – и физическая, и моральная, при чемъ моральная госіюдствуетъ надъ физической.

Изъ техъ банальныхъ приключеній, въ которыхъ сказывалось только физическое влеченіе, ничто не было утаено; и не потому, чтобы они позволяли сделать какія-нибудь особенныя заключенія о его характере, а потому, что, умолчавъ о нихъ, мы дали бы поводъ думать, что изъ нихъ можно вывести заключенія неблагопріятныя. Именно потому, что онъ былъ Наполеонъ, его альковъ не могъ таить секретовъ; какъ бы заботливо ни скрывалъ онъ эти случайныя приключенія, статсъ-дамы, камеристки, адъютанты, камердинеры, съ такой жадностью следившіе за мельчайшими событіями во дворце, знали ихъ наперечетъ. Каждый, кто имелъ какое-нибудь отношеніе къ Тюильери, вращался, такъ сказать, въ правительственныхъ сферахъ, хлопоталъ о какихъ-либо милостяхъ или просто занимался собираніемъ новостей, – каждый отмечалъ въ своихъ записяхъ то, что ему удавалось узнать; и такъ какъ все, чего касался Наполеонъ, становилось исторіей; такъ какъ среди его делъ, даже мельчайшихъ, среди мельчайшихъ происшествій, вліявшихъ такъ или иначе на его здоровье, нетъ ни одного, которое не интересовало бы человечество; такъ какъ въ теченіе целыхъ ста летъ почти ничто не волновало общественное мнение всего міра въ такой степени, въ какой волновалъ его онъ, – то все эти более или менее достоверныя свидетельства встречалн довеpіе; авторы всевозможныхъ памфлетовъ черпали целыми пригоршнями изъ этихъ источниковъ для подтвержденія своихъ писаній и немало ложныхъ мненій успело, благодаря этому укорениться среди публики. Единственное средство опровергнуть ихъ это установить факты, собрать все те приключенія, которыя, будучи разсказаны многами, одинъ другого подтверждающими свидетелями, представляютъ достаточныя гарантіи несомненности. Если мы пренебрегли некоторыми изъ нихъ, или только упомянули о нихъ, хотя они и правдоподобны, то поступили мы такъ потому, что о нихъ разсказываетъ лишь одно какое-нибудь лицо, никакихъ же документальныхъ доказательствъ добыть было нельзя, и еще потому, что оне ужъ очень банальны и обычны и были бы лишь совершенно неинтереснымъ повтореніемъ уже изложенныхъ фактовъ.

* * *

Что означаютъ эти приключенія? То, что Наполеонъ – мужчина; ему тридцать летъ въ 1799 г., ему сорокъ летъ въ 1809 г.; обета воздержанія онъ не давалъ. Женщины предлагаютъ ему себя лишь только онъ выразигъ – или другіе отъ его имени – желаніе иметь ихъ. Онъ беретъ ихъ – очень часто потому, что чувствуетъ потребность въ этомъ, иногда потому, что оне будятъ въ немъ сладострастіе; но никогда не доводя себя при этомъ до нервнаго переутомленія, никогда не отвлекаясь для этого отъ своихъ. занятій. Ни одной изъ этихъ женщинъ онъ не растлилъ. Если есть среди нихъ девственницы, то это девственницы уже развращенныя, сами продающія свою девственность. – Да и можно ли быть увереннымъ, что таковыя были?

Замужемъ ли оне или нетъ, связаны ли оне съ театромъ или со Дворомъ, на деле оне – продажны. Оне ищутъ денегъ въ обменъ за наслажденіе, которое даютъ. Онъ платитъ имъ. Следовательно – квиты. Никакого сластолюбія; сластолюбіе существуетъ лшпь тамъ, где начинается утонченное сладострастіе. Онъ же идетъ прямо и просто къ самому акту, не теряя времени на нежности. Его считаютъ грубымъ, потому что ему некогда. Онъ относится къ этому такъ же, какъ къ еде, и если даетъ удовлетвореніе своей чувственности, то лотому, что она этого требуетъ, для этого создана, или потому, что представляется случай, вовсе же не потому, что онъ ищетъ этого, думаетъ, мечтаетъ объ этомъ, вовсе не потому, что онъ превратилъ наслаждения въ привычку, создалъ искусственно потребность въ нихъ.

Соответствуетъ лн это требованіямъ морали? Какой морали? Если мораль видоизменяется сообразно широтамъ, то въ еще болыпей степени – сообразно эпохамъ!

Чтобы судятъ деятелей Имперіи – а особенно Императора! – съ точки зренія лщемерной и узкой морали буржуазіи того времени, нужно было бы, прежде всего, чтобы они жили той же жизнью, какой жила эта буржуазія. Между темъ, если при той жизни, какую они въ действительности вели, постоянно передвигаясь изъ одного конца Европы въ другой, подъ пулями и ядрами, вечно верхомъ, со смертью за спиной; если при такой жизни некоторые и таскаютъ за собой любовницъ – такъ, чтобы Императоръ объ этомъ не зналъ, – то большинство совершенно и не помышляетъ объ этомъ и въ походе, подъ боевыми доспехами, хранитъ целомудріе. Если же после продолжительной войны, при возвращеніи домой, или при остановке въ какомъ-нибудь завоеванномъ городе, буйный порывъ грубой страсти охватываетъ

ихъ и бросаетъ на женщинъ, каковы бы эти женщины ни были совершенно такъ же какъ продолжительный голодъ заставляетъ ихъ набрасываться на корку черствaго хлеба, значитъ ли это, что они безнравственны, и не является ли любой буржуа, имеющій рецутацію нравственнаго человека, въ сто разъ менее воздержаннымъ, чемъ самый разнузданный изъ этихъ людей? Разве при томъ ремесле, которому они отдались по влеченію и которымъ продолжаютъ заниматься изъ честолюбія, они не должны представлять собою и по происхожденію, и до своей природе, совершенно особые экземпляры грубыхъ и примитивныхъ людей? Разве не должны они были, подъ вліяніемъ избранной ими карьеры, развивать и разнуздывать въ себе первобытныя воинственныя, – следовательно, чисто животныя, – склонности? Разве потому, что они – солдаты, у нихъ нетъ техъ же потребностей, техъ же вкусовъ, техъ же аппетитовъ, что у другихъ людей, и должны ли они, изъ уваженія къ моногаміи, постоянно быть верны постоянно разлученной съ ними супруге?

Были и такіе, и имеются поразительные доказательства этого; это время знаетъ удивительные примеры единой любви, даваемые железными людьми съ сердцемъ, проявляющимъ такую нежную верность въ любви, на какую былъ способенъ Великій Киръ; но для большинства изъ нихъ все эти бивуачныя развлеченія, все эти гарнизонныя приключенія не идутъ въ счетъ, какъ не идутъ въ счетъ и въ Париже мимолетныя неверности, которыя они позволяютъ себе и прячутъ такъ тщательно, что раскрываются оне разве после ихъ смерти. И темъ не менее, рядомъ съ животными страстями, которыя приходится удовлетворять, мы видимъ у нихъ поразительныя проявленія наивной сантиментальности и супружеской нежности. Все или почти все они женились по любви, безъ всякихъ корыстныхъ побужденій, и не существуетъ на свете ничего, что они сочли бы для ихъ женъ слишкомъ прекраснымъ, слишкомъ дорогимъ, слишкомъ роскошнымъ. Чтобы удовлетворить ихъ желанія, они грабятъ Европу и бросаютъ добычу къ ихъ ногамъ. Чтобы исполнить ихъ капризы, они способны проявлять терпеніе, хитрость, ловкость, услужливость, которыя были бы смешны, еслн бы не были трогательны.

* * *

Въ смысле щедрости по отношенію къ жене, въ смысле заботливости о ней, въ смысле писемъ, подарковъ, въ смысле несметнаго богатства, которое онъ ей предоставляетъ, Наполеонъ

не даетъ, конечно, никому изъ нихъ опередить себя. Но его сантиментализмъ и по своему происхожденію иной, чемъ ихъ сантиментализмъ.

Ни по своему приосхожденію, ни по воспитанію они не могли быть разборчивыми; они становились таковыми по мере того, какъ въ нихъ вырабатывалось чувство чести – чести солдата, некоторыми сторонами своими отличающейся отъ той, которую Монтескье приписывалъ знатнымъ дворянамъ, хотя они считаютъ, что шпага сделала ихъ равными этимъ последнимъ. Они не могутъ искать правилъ этой чести въ близкой къ нимъ эпохе; имъ и въ голову не приходитъ следовать примеру Лозеновъ и Тилли; они, къ тому же, презираютъ техъ, кого они заместили и, если претендуютъ на благородство, то потому, что считаютъ себя равными предкамъ самыхъ знатныхъ дворянскихъ фамилій. Кто были эти предки? Это были *рыцари-крестоносцы,* и этимъ объясняется огромный успехъ при Имперіи того, что называли тогда *жанръ трубадуровъ.* Откудаэтотъ отзвукъ далекаго прошлаго? Создаетъ ли литература это, такъ сказать, *трубадурское движеніе,* определяется ли оно, напротивъ, соціальными тенденціями, – это неважно. Иметь въ виду здесь надо то, что искусство и литература никогда не отвечали лучше, чемъ въ эту эпоху, на запросы общества, никогда не пользовались такимъ вліяніемъ на нравы, и что вліяніе это было темъ сильнее, чемъ менее культурны были умы, на которые оно действовало.

Въ этомъ жанре, заполонившемъ съ 1806 г во Франціи романъ, исторію, театръ, живопись, моды, речь шла гораздо меньше о трубадуре, чемъ о томъ, чьи подвиги воспеваетъ трубадуръ: о рыцаре; о рыцаре, который исповедуетъ культъ своей дамы, который въ награду за свои подвига въ Святой Земле, за убитыхъ имъ неверныхъ, за побежденныхъ драконовъ, за покоренные города, украшается шарфомъ ея цветовъ и считаетъ себя довольнымъ, если она броситъ на него одинъ взглядъ. Воины временъ Имперіи все стараются походить на этого идеальнаго, созданнаго воображеніемъ, рыцаря. Если они не опоясываютъ себя шарфомъ цветовъ дамы ихъ сердца, зато у сколькихъ изъ нихъ на шпагахъ темлякъ, вышитый дорогими руками, у сколькихъ на сердце портретъ, у сколькихъ мундиръ, въ день битвы, украшенъ какой-нибудь безделушкой, подаренной любимой женой!

Наполеонъ, правда, меньше всехъ другихъ увлекается трубадурами. Онъ не разделяетъ этого увлеченія, подобно своему пасынку Евгенію и некоторымъ своимъ маршаламъ; темъ не менее, окружающая атмосфера действуетъ, въ конце-концовъ, и на него, и въ его отношеніяхъ къ Маріи-Луизе можно было бы

указать некоторыя черточки, неопровержимо доказывающія это. Но это – только въ конце Имперіи, когда новое, раньше совершенно неведомое ему чувство, появляется въ немъ, чтобы придушить и вытеснить всякое другое.

До этого времени его сантиментализмъ связанъ не съ современной ему литературой, а съ литературой недавняго прошлаго. Сантиментальность въ Наполеоне – отъ Руссо и только отъ Руссо. По свидетельству самой же Жозефины, онъ любилъ трехъ женщинъ: ее, г-жу *** и г-жу Валевскую. Возьмите его письма къ Жозефине: это – Руссо; возьмите его письма къ г-же Валевской: это – Руссо. А что сказать о его беседахъ? Разве не встречаемъ мы въ нихъ стиль, которымъ писалъ въ юности поручикъ Бонапартъ, и те же слова, те же фразы, въ которыхъ онъ изливалъ въ Валянсе жалобы на свое одиночество и свою бедность? Разве не та же душа источаетъ эти мысли о недостижимомъ и о тщете жизни? Разве не те же страданія трижды заставляютъ его отдаваться все темъ же мечтамъ? Не проникся ли онъ, какъ ученикъ Руссо, идеями своего учителя въ такой степени, что сделалъ ихъ своими и, достигнувъ всего, даже невозможнаго, въ области матеріальной, онъ встречаетъ въ области чувства лишь тщету, ничтожество и мерзость? Или же, признавая, что, какъ въ источнике его чувствъ, такъ и формъ, которыя онъ имъ придаетъ, лежитъ вліяніе Руссо, следуетъ думать, что его душевный складъ развился въ этомъ направленіи, и что литература здесь не при чемъ? Въ этихъ поискахъ женщины, которая любила, бы его для Hero самого, принадлежала бы только ему, думала бы только о немъ и была бы съ нимъ неизменно нежна, въ этихъ поискахъ онъ, несомненно, искрененъ; но въ какой именно степени онъ повинуется здесь прежнимъ литературнымъ вліяніямъ, въ какой именно степени онъ принуждаетъ себя искать ощущеній, которыя кажутся ему ощущеніями какого-то новаго и необыкновеннаго вида?

Что онъ насилуетъ при этомъ свою природу, можно заключить изъ того, что онъ скоро утомляется этимъ, Онъ не получаетъ того наслажденія, котораго ждалъ; онъ находитъ женщину, которую любилъ, или, какъ ему казалось, любилъ, ниже созданнаго имъ себе идеала. Какой-нибудь случай заставляетъ его насторожиться и встатъ на дыбы. Все рушится. Человекъ, сантиментальный по воспитанію, сталкивается въ немъ лицомъ къ лицу съ человекомъ практичнымъ и положителънымъ, каковъ онъ отъ природы, но при первой же возможности онъ принимается проделывать новый опытъ, вкладываетъ въ него много чувства, увлекается, это даетъ ему удовлетвореніе и на этотъ разъ онъ наслаждаетея вполне.

* * *

Что поразительно въ такомъ человеке, такъ это не постоянство чувственнаго влеченія, а верность сердца. Онъ обманываетъ Жозефину, у него естъ любовницы въ истинномъ смысле этого слова, которыхъ онъ любитъ глубоко, искренно, съ которыми пробегаетъ, не испытывая пресыщенія, всю гамму чувствъ, и рядомъ съ этимъ, въ какомъ-то уголке своего я онъ хранитъ по отношенію къ той, которая была въ его жизни первой любимой женщиной, такую нежность, такую страсть, такую глубокую привязанность, что забываетъ все, что она замышляла, говорила и делала противъ него; онъ не прощаетъ, онъ забываетъ все это, чтобы больше никогда не вспомнить.

Онъ не могъ не знать, какъ она жила; въ ея жизни было то, что должно было бы больше всего возмущать его, – были любовники, была продажность, были долги; но все это онъ вычеркнулъ изъ своей памяти. Онъ знаетъ только, что эта женщина, которую онъ сделалъ первой въ Европе, которую онъ возвелъ на тронъ, которая, по его воле, была помазана на царство папой, которую онъ пріобщилъ къ своей совершенно необычайной судьбе, – что эта женщина есть воплощеніе самой нежности, самого изящества; онъ приписываетъ ей разныя достоинства и даже добродетели; онъ украшаетъ ее всеми качествами, какія только способенъ страстно влюбленный приписывать своей любовнице, и, если онъ упрекаетъ ее въ расточительности, то не есть ли это средство показать, какъ онъ ее любитъ: ведь, это онъ далъ ей возможность быть расточительной?

Какова въ действительности эта женщина, которую онъ покрываетъ мантіей безсмертія, распространяя о ней, имъ же вымышленную, легенду, этого онъ не знаетъ совершенно; и если онъ обманываетъ потомство, то потому, что обманывается самъ. До самаго конца, до самой смерти, онъ непоколебимо хранитъ эту иллюзію, и на Святой Елене у него всегда носится передъ глазами, живетъ въ его сердце, владеетъ его чувствами образъ той Жозефины, которую увиделъ въ первый разъ генералъ *Вандемьеръ* въ маленькомъ отеле улицы Шантерейнъ, Жозефины, которую онъ зналъ въ Милане и Момбелло, женщины, которая первая, можно сказать единственная, вызвала въ немъ целую бурю страсти и дала ему познатъ и испытать любовь.

* * *

Это была действительно любовница; потому что онъ любилъ

ее, какъ любовникъ, любовью непочтительной, не знающей удержу, требующей немедленнаго удовлетворенія, не боящейся ссоръ. вспыхивающей вновь и вновь, любовью, которая не мешаетъ признаваться въ изменахъ и, въ конце-концовъ, превращается въ дружбу со старой любовницей, къ которой можно обратиться съ просьбой помочь разорвать какую-нибудь связь, которой можно делать смелыя признанія, съ которой можно жить свободно, ничемъ не стесняясь. Это въ такой степени любовь именно къ любовнице, что при каждой перемене въ его судьбе онъ все сильнее чувствуетъ, что онъ долженъ порвать эту связь, которую онъ не считаетъ бракомъ; онъ понимаетъ, что это не можетъ длиться вечно, что онъ долженъ покончить съ этимъ, долженъ, наконецъ, устроиться прочно. Его суеверное пристрастіе къ условностямъ позволяетъ ему считать себя не женатымъ, разъ не было церковнаго брака; а если позже, черезъ восемь летъ, онъ и предсталъ предъ священникомъ, то это было по принужденію. Договоръ, заключенный между ними, онъ считалъ бы действительнымъ, если бы родился ребенокъ. Тогда обязательство стало бы неоспоримымъ. Но разъ нетъ ребенка, нетъ договора. И даже, оставивъ ее, онъ все-таки обращается съ ней, какъ съ любовницей, утешаетъ ее, даря ей огромныя суммы денегъ, обезпечивая ей широкую, роскошную жизнь.

Несмотря на все его слабости къ этой женщине; несмотря на то, что онъ съ такой охотой осыпалъ ее милостями, принялъ ея детея, сажалъ на троны ея племяннщъ и кузинъ, – приходится все же спросить себя, смотрелъ ли онъ когда-нибудь на нее, какъ на действительнаго члена *своей семьи:* настолько чувство, которое питалъ онъ къ ней, разнится отъ того, которое развивается въ немъ после женитьбы на Маріи-Луизе, и особенно после того, какъ Марія-Лиза сделала его отцомъ. Тогда *чувство супружескаго долга* захватываетъ его, господствуетъ въ немъ, поглощаетъ его целикомъ. Конечно, онъ никогда не любилъ Марію-Луизу той страстной любовью, какой любилъ Жозефину. Никогда она не была для него любовницей; но съ самаго же начала она стала для него супругой. Съ техъ поръ – ни одной неверности, а если онъ и позволялъ себе таковыя, то такъ тщательно ихъ скрывалъ и въ то же время оне такъ сомнительны, что свидетельствуютъ лишь о желаніи хранить видимое уваженіе къ взятымъ на себя обязательствамъ. Никакихъ откровенностей сомнительнаго свойства, никакихъ развлеченій вне общества своей жены. Когда онъ доходитъ до такой небрежности, что отказывается ехать въ Испанію лично устраивать дела, приходится спросить себя, не служитъ ли нежеланіе разлучаться съ женою одной изъ причинъ. мешающихъ ему ехать? Тогда какъ Жозефине онъ отказывалъ въ

какомъ бы то ни было участіи въ управленіи Имперіей, Маріи-Луизе онъ это управленіе поручаетъ, делаетъ ее регентшей; онъ открываетъ въ ней больше ума, болыпе находчивости, больше здраваго смысла, чемъ имеютъ, по его мненію, его старые сотрудники, даже его братья. И не потому онъ такъ обращается съ нею, что *она* – мать его сына, – хотя и кажется, что именно поэтому, – но потому, что онъ испытываетъ къ ней своего рода супружеское уважепіе, котораго у него не было по отношенію къ Жозефине.

Тогда какъ по отношенію къ Жозефине – даже после ея смерти, – онъ остается неизменно *любовникомъ,* по отношенію къ Маріи-Луизе онъ всегда – *супругъ.* Въ отношеніяхъ къ Жозефине имъ владеетъ то, что дало ему его сантиментальнымъ воспитаніемъ, протекавшимъ целикомъ подъ вліяніемъ Руссо; въ отношеніяхъ къ Маріи-Луизе беретъ верхъ корсиканскій атавизмъ, старая традиція горцевъ. Онъ только прибавляетъ къ этому, но лишь въ виде придатка, въ качестве, такъ сказать, завершенія, монархическій штемпель. Но и одного званія супруги въ его глазахъ достаточно разъ оно освящено и, такъ сказать, очищено материнствомъ.

Онъ не допускаетъ, чтобы его жена могла его оставитъ; онъ не желаетъ знать, что она его обманываетъ; она – его жена, и этого довольно, чтобы считать ее выше обычныхъ соблазновъ. И такъ могуче въ немъ это супружеское чувство, что на Святой Елене онъ до конца, до оамой смерти (свидетель – его завещаніе) действуетъ такъ, какъ если бы онъ ничего не зналъ; такъ могуче, что у него, страшно ревниваго по отношенію къ каждой женщине, которой онъ обладалъ (онъ, напримеръ, горько жалуется, когда г-жа д'Орнано выходитъ замужъ), – у него для его жены, для Маріи-Луизы, имеются только слова нежности, снисхожденія и любви. Не потому ли это, что онъ до самаго конца хочетъ охранять въ ея лице принципъ монархизма, который налагаетъ обязательство уважать коронованныя головы? Или потому, что ему нравится баюкать себя последней иллюзіей, которая ему осталась, или потому, что онъ находитъ особыя оправданія ошибкамъ Эрцгерцогини, или, наконецъ, потому, что воображаетъ, что секретъ, котораго не выдаетъ онъ, будетъ поэтому лучше сохраненъ и исторіей? Можетъ быть, все эти причины действуютъ совместно; но главную роль играетъ здесь его желаніе не знать. потому что эта женщина – его супруга, супруга же не можетъ грешить.

* * *

Такимъ образомъ, если оставить въ стороне проявленія грубыхъ физическихъ страстей, доставляющихъ лишь мимолетныя развлеченія, – мы находимъ въ Наполеоне способность любить столь же сильную, сколь силны въ немъ способности мыслить и действовать, мы видимъ въ немъ любовника и мужа столь же необыкновеннаго, сколь необыкновененъ онъ, какъ воинъ и государственный деятель. Будучи супругомъ, онъ, чтобы избавить свою жену оть осужденія потомства, принуждаетъ себя къ молчанію и осуждаетъ себя съ 1815 по 1821 г. играть странную комедію, чтобы сберечь честь супруги. Онъ веренъ, онъ почтителенъ, онъ неженъ. Въ немъ проглядываетъ заботливая боязнь молодого мужа и, будучи – таковъ его темпераментъ – невероятно ревнивъ, онъ пересиливаетъ себя, чтобы не выказать это, пока жена его живетъ съ нимъ, чтобы делать видъ, что онъ питаетъ полнейшее довеpіе, когда его жена отделена отъ него океаномъ, когда она его покинула и когда она его обманываетъ.

* * *

Какъ любовникъ, онъ еще более поражаетъ насъ силой ощущеній, которыя онъ испытываетъ и, такъ сказать, содержательностью своей способности любить. Нетъ ни одной ноты въ гамме человеческихъ чувствъ, которой онъ не пытался бы брать съ женщинами и особенно съ женщиной, которую онъ любитъ, какъ любовникъ. То – какое-то чувственное бешенство, физическал страсть въ самыхъ буйныхъ ея проявленіяхъ; то – одухотворенная страсть въ самыхъ нежныхъ, въ самыхъ мягкихъ ея проявленіяхъ. Все оттенки чувства ему доступны, ничто въ этой области ему не чуждо, и для себя самого, поскольку онъ – мужчина, и съ своей точки зренія – эгоистъ, онъ – любовникъ par excellence. Что касается женшинъ, то оне судили объ этомъ, несомненно, иначе, и этотъ любовникъ могъ внушать имъ такое резкое отвращеніе, что ни одна изъ нихъ, вероятно, не любила его. Но женщина никогда не станетъ любить человека, въ которомъ она будетъ чувствовать существо высшее, господина, желающаго подчинить ее своей воле и не желающаго считаться съ ея волей, навязывающаго ей свои чувства и не соображающагося съ ея мненіями. Можетъ ли кто-нибудь знать, любимъ ли онъ, и не великая ли это вещь – испытать лично для себя любовь физическую и любовь духовную въ такой степени, какая неизвестна болыпинству мужчинъ, и во всехъ видахъ, въ какихъ человеку дано ихъ испытать?

* * *

Остается еще одинъ пунктъ. Подвергался ли Наполеонъ, какъ супругъ и какъ любовникъ, со стороны женщинъ, которыхъ любилъ, давленіямъ, отражавшимся на его политике? Имели ли женщины вліяніе на его идеи и его деянія? Вліянія прямого, повидимому, не было со стороны любовницъ, даже со стороны жены; но что те впечатленія, которыя оне на него производили непосредственно или косвенно, разговоры, которые онъ съ ними велъ, всевозможныя побочныя обстоятельства, сопровождавшія ту или иную изъ его связей, способствовали зарожденію въ его уме некоторыхъ новыхъ идей, заставляли его изменять то или иное мненіе, имели известное действіе даже на его жизнь. – это не можетъ бытъ оспариваемо.

Какъ ни сильно была любима Жозефин, ее нельзя все же поставить впереди всехъ, кого мы можемъ считать виновниками известныхъ политическихъ решеній. Высказывались предположенія, что это она толкала его вправо, что, окружая его полу-дворянской средой, она иногда заставляла его жертвовать интересами Революціи традиціямъ стараго режима; но эти предположенія ошибочны; это онъ, онъ самъ собираетъ вокругъ себя аристократовъ, хотя и не сомневается въ томъ, что они способны изменить ему, продать, предать его. Жозефина рекрутируетъ ихъ для него, но по его приказанію; Жозефина распределяетъ милости, но это потому, что онъ воображаетъ, что при такомъ условіи оне будутъ лучше приняты, произведутъ лучшій эфектъ. Онъ умышленно предоставляетъ Жозефине делать изъятія изъ эмигрантскихъ списковъ, возвращать имущества, все те милости, съ помощью которыхъ онъ надеется добиться признательности или, по крайней мере, нейтралитета со стороны жантильомовъ и знатныхъ дамъ; но онъ вполне отдаетъ себе отчетъ въ томъ, что делаетъ, такъ какъ, – за исключеніемъ техъ случаевъ, когда онъ оказывается захваченнымъ врасплохъ, – онъ допускаетъ до себя лишь техъ просителей, чьи ходатайства онъ заранее решилъ удовлетворить; онъ не принадлежитъ къ числу королей древняго рода, способныхъ наслаждаться отказомъ женщине, умоляющей въ слезахъ пощадить голову ея мужа или брата. Кое-какія мелочи, ошибочныя впечатленія, кое-какія сведенія, среди которыхъ немало неточныхъ, вотъ, по-видимому, все, что ему удавалось извлечь изъ Жозефины.

А другія, было ли ихъ вліяніе значительнее? Не потому ли, что m-lle Денюэль де ля Плень забеременела отъ него, решается онъ на разводъ и не потому ли делаетъ определенные шаги къ разводу, что г-жа Валевская стала, благодаря ему, матерью? Не

освещается ли новымъ свѣтомъ вся его политика по отношенію къ Польше, когда мы вспомнимъ, кто былъ его любовнщей въ 1807, въ 1808 и въ 1809 г. г.; точно также, не объясняется ли долго терпеніе его по отношенію къ Бернадотту старыми воспоминаніями Дезире?

Съ того момента, какъ онъ сочетался бракомъ съ Маріей-Луизой и черезъ нее вступилъ въ Австрійскій домъ, онъ считаетъ связь съ последнимъ такой же крепкой, какъ крепка связь, соединяющая его отъ рожденія съ его собственной семьей; – разве не объясняются этимъ его довеpіе, его увереннность, что за нимъ пойдутъ до конца, те обязательства, которыя онъ взялъ на себя, и какъ онъ самъ себя выдалъ. Если чувство семьянина имеетъ такую власть надъ его воображеніемъ, что онъ считаетъ семейные союзы единственной прочной гарантіей союзовъ политическихъ, – такъ онъ смотритъ на свои отношенія съ Баваріей, съ Баденомъ, съ Виртембергомъ, а впоследствіи и съ Австріей, – то насколько въ большей степени руководствуется онъ чувствомъ, семьянина въ вопросахъ внутренней политики! И Марія-Луиза, – не благодаря своему прямому вліянію, но благодаря тому месту, которое онъ ей отводитъ въ своихъ планахъ, благодаря престижу, которымъ онъ ее окружаетъ, – оказываетъ, такимъ образомъ, фактически не имеющее себе прецедентовъ вліяніе и на его внешнюю, и на его внутреннюю политику.

Былъ ли бы онъ мужчиной, если. бы действовалъ иначе, и не потому ли именно его паденіе было такъ ужасно и такъ глубоко, что онъ взялъ въ человеческомъ то, что въ немъ есть лучшаго, что онъ привязался къ этому лучшему и отдался ему целикомъ, что хранилъ верную и нежную память о своей первой любви, былъ семьяниномъ въ томъ смысле, въ какомъ это свойственно его расе, и былъ проникнутъ чувствомъ супружескаго долга, согласно собственному инстинкту и веленіямъ моногамической морали?

Если бы женщина не играла никакой роли, въ его жизни, Наполеонъ не былъ бы темь, что онъ есть – самымъ изумительнымъ представителемъ мужского генія. Онъ былъ бы какой-то безполой особью, чемъ-то особеннымъ, исключительнымъ; онъ не представлялъ бы интереса для человечества, потому что не испыталъ бы его страстей, не отвечалъ бы его традиціямъ, не разделялъ бы никакихъ общихъ съ нимъ чувствъ. Таковъ, каковъ онъ есть, – онъ, по силе своей мыслительной активности, стоящій выше всехъ известныхъ намъ людей; онъ, которому судьба служила, какъ никому, который всегда находилъ въ своемъ уме средства стоять на высоте своего назначенія; онъ, выполнившій величайшее дело, какое только дано было когда-нибудь выполнить смертному, – онъ есть въ

истинномъ смысле этого слова человекъ, которому ничто человеческое не чуждо.

Человеку свойственно познать женщину, верить въ женщину, любить женщину, испытывать, благодаря женщине и для женщины, всю гамму чувствъ и ощущенiй, которую женщина можетъ дать. Наполеонъ позналъ все эти чувства и ошущенiя, и въ этомъ смысле, какъ и во всехъ прочихъ, онъ стоитъ выше всехъ другихъ существъ.

notes

Примечания

1

По техническим причинам для корректного отбражения текста во всех форматах и устройствах для чтения буква «ять» заменена на букву «е». В остальном оригинальная орфография начала XX века сохранена. – *прим. OCR.*

2

Dame – междометіе употребляемое бретонцами и означающее: что поделаешь! – Перев.

3

Испытаете – зачеркнуто.

4

Я полагаю, что это – та же дама, которая упоминается, какъ жена смотритедя содяного амбара, подъ имевеиъ г-жи Пріэръ въ статье Lá Warens de Bonaparte въ Revue Bleue оть 23 іюня 1894 г.

5

Я нашелъ пикантныя и интересныя подробяости о пребываніи г-жи Тюрро въ Венеціи въ термідоре V г. въ неизданномъ дневнике Сенъ-Сиръ-Нюгъ.

6

После выхода въ светъ последняго изданія этой книги. г. Ф. Бувье опубликовалъ въ овоихъ Souvenirs et Mémoires интересное и документированное изследованіе о Луизе-Филицате-Маріи-Шарлотте Готье. Тюрпо, какъ видно изъ кииги графа Вижье (Davout, maréchal d'Empire, duc Austerstaedt, prince d'Eckmuht), развелся съ матерью Даву и женился на M-lle Готье.

7

Никакого. доверія не заслуживаетъ романъ, разсвазанный въ брошюре: Quarante lettres inédites de Napoléon, собранния Л.*** Ф.*** Парижь, 1825 r. in. 80. Нельзя также придавать никакого значенія той легенде, которую опубликовало Revue du Nord и согласно которой Наполеояъ много разъ влюблялся, живя въ Дуэ; самый фактъ пребыванія Наполеона въ Дув более, чемъ сомнителенъ; я полагаю, что мне удалось доказать это въ §§ 9 bis и 11 моихъ Notes sur la jeunesse de Napoléon въ Napoléon inconnu.

Суіцествуеть еще одна легенда, которой посвящены многочисленныя комедіи, куплеты и даже одна поэма въ четырехъ песняхъ: Les premières amours de Napoléon, принадлежащая Жанъ-Жаку Фосильонъ (Парижъ, 1822 г. т. – 80). Въ Брієнне, будто бы, Наподеонъ былъ влюбленъ въ молодую девушку по имени Лорансъ и хотелъ на ней жениться. Ему было десять летъ, когда онъ явился въ Брієннъ, и пятнадцать, когда онъ уехалъ оттуда.

8

Сообщеніе г. Феликса Верани, автора интересной брошюры La Famille Clary et Oscar II, Marseille, 1893, m – 12, позволило мне исправить день рожденія Дезире и дадо мне несколько ценныхъ указаній.

9

Одинъ хроникеръ, – котораго я цитирую только потому, что въ подобныхъ делахъ необходимо учесть, по возможности, все, – утверждаетъ, что въ то утро, когда Бовапартъ принималъ въ Милаве присягу оть офицеров гражданской гвардіи, въ его комнате находилась актриса-любовница одного пьемонтскаго генерала, которую, желая развлечься, велелъ привести къ себе главнокомавдующій фравцузской арміи. Бонапарть, принявъ присягу, вышелъ, будто бы, пешкомъ, отправился къ ювелиру Маннни, въ пассажъ Фидживи, и купилъ ва 128 ливровъ женскихъ украшеній. Кроме того, разсказываютъ, будто-бы до взятія Милава онъ обладалъ иэумительво-красивой дамой, маркизой Бьявки, явившейся къ нему требовать возврата 25 лошадей, принадлежавшихъ ея мужу и отобранныхь у вего въ Парнезане; разсказываютъ также объ одвой певице Рикарди, которой онъ послалъ, будто-бы, черезъ Дюрока карету, запряжовную шестыо лошадьми; далее, – объ одной танцовщице семвадцати летъ, m-lle Терезе Кампиви; наконецъ, о дочери одвого меховщика съ Юга, вышедшей замужъ за некоего Кола, пьемонтскаго патріота. Итого, по такому счету, было-бы пять. Ни одна изъ этихъ ававтюръ не кажется аутентической, ни одна не кажется психологически естественной и верной.

10

Въ моей книге Josephine répudiée (n. 1) можно найти доставленное мне доказательство этихъ дружескихь сообщений – или доносовъ, – сделанныхъ Бонапарту.

11

Г. Монье съ замечатольной добросовестностью и большимъ знаніемъ деда разследовалъ происхожденіе семьи Раншу, мужа г-жи Фуресъ, и его приключенія:...Раншу, говоритъ онъ, занимали въ XVIII столетіи очень скромное положеніе, какъ земледельцы въ деревняхъ Бужернъ, Соляжъ и Раншу въ окрестностяхъ Крапонны. Отъ деревни Раншу они получили свою фамилію. Въ 1651 г. одинъ изъ нихъ достигъ должности консула въ Крапонны и тогда они породнились съ местными буржуазными семьями. Въ начале XVIII столетія Пьеръ Раншу поселился въ Пюи въ качестве врача; у него было пять сыновей, одинъ изъ которыхъ былъ наставникомъ графа Майи; другой бьиъ каноникомъ въ Шартре; третій переехалъ на острова, поселился на Сенъ-Доминго, женился на m-lle Дененъ дочери корабельщика въ Бордо; отъ этого брака родился Пьеръ-Анри, будущій мужъ г-жи Фуресъ.

Перъ-Анри, родившійся на Капъ-Франсе, рано пріехалъ во Францію, где за его воспитаніе взялись его дяди; но съ шестнадцати летъ онъ начинаетъ удивлять ихъ всевозможными выходками. Его принимаютъ кадетомъ въ Анжуйскій полкъ, черезъ годъ онъ получаетъ званіе подпоручика и въ 1781 г. отправляется въ Индію; тамъ онъ храбро сражался и былъ тяжело раненъ. Его мать умираетъ, оставляя ему тридцать тысячъ франковъ; онъ пріезжаетъ во Францію проедать ихъ. Когда наследство было спущено, онъ очутился у дяди въ Шартре, откуда уезжаетъ въ 1787 г. въ Константинополь, получаетъ званіе майора турецкой арміи и участвуетъ въ молдавской и валахской кампаніяхъ. Въ 1796 г. онъ находится еще въ Константинополе, где заведуетъ военной школой и обучаетъ европейскому строю турецкій армейскій корпусъ.

Во время египетской кампаніи онъ является въ Парижъ и предлагаетъ свои услуги Директоріи, которая, кажется посылаетъ его съ порученіями въ Венгрію. Въ 1800 г., по возвращеніи изъ Венгріи. онъ встречаетъ г-жу Фуресъ, которая выходитъ за него замужъ, прельщенная прибавкой де и титуломъ кавалера, который присвоилъ себе Раншу и которые она смело превратитъ потомъ въ титулъ графини.

После паденія Имперіи ведомство иностранныхъ делъ даетъ еще несколько порученій Раншу, но вскоре отъ него находятъ нужнымъ отделаться: съ этой целью ему даютъ въ 1816 г. привилегію на содержаніе театра въ Нанте. Онъ обанкротился тамъ, снова решилъ пристроиться къ ведомству иностранныхъ делъ и заваливаетъ министровъ своими ходатайствами: «Его

безконечныя просьбы, читаемъ мы на поляхъ его последняго прошенія, заставляютъ думать, что онъ сошелъ съ ума; отныне не следуетъ отвечать на нихъ».

Темъ не менее, онъ получилъ, повидимому, въ 1816 г. нештатное место съ окладомъ, но въ томъ же году онъ оказывается въ госпитале Сенъ-Луи, откуда еще разъ, – вероятно, последній, – взываетъ о помощи. Эта біографія мужа г-жи Фуресъ дополняетъ біографію ея самой и кладетъ на нее последній штрихъ.

12

«J'airae les jolies bêtes» – непереводимая игра словъ: bête значитъ въ одно и то же время животное и глупый.

13

Въ тексте «un royal manteau»; здесь – игра словъ: royal значитъ королевскій (намекъ на Реставрацію, связанную съ нашествіемъ) и въ тоже время – пышный, великолепный. Перев.

14

Императоръ решительно утверждалъ, что не обладалъ другими актрисами помимо Жоржъ. «Я думалъ вместесо всемъ Парижемъ, сказалъ емуГурго, что Ваше Величество обладали m-lle Сентъ-Обенъ, m-me Гаводанъ; прибавляли даже имена Бургуенъ и Вольне». – «Никогда; оне же сами, конечно, распустили эти слухи, чтобы поднять себе цену».

15

Темъ не менее, было найдено нужымъ несколько замаскировать отставку мододой особы и Жозефина взяла это на себя, Письмо, которое она велела по этому случаю написать Гортензіи, заслуживаетъ, чтобы съ нимъ познакомиться; оно должно было доставить Дешану не мало веселыхъ минутъ, когда онъ писалъ его.

«Madame, – пишетъ онь изъ Байоны 20 мая 1808 г., Е. В. Императрица путешествуетъ не одна, но сопровождаетъ императора, н поэтому не нуждается въ столь многочисленной свите; боясь-же, чтобы m-lle Гильебо не оказалась слишкомъ одинокой, она предпочла возвратить ее пока ея матери. Императрица поручила мне предупредить объ этомъ Ваше Величество и уверить Васъ, что будучи далека отъ какого-либо недовольства m-lle Гильебо, она, напротивъ, удовлетворена ея усердіемъ и способностями. Въ виду этого ймпературида предполагаетъ снова призвать ее къ себе после возвращенія и проситъ Ваше Величество не оставлять ее и впредь своими милостями, а также допустить ее служитъ Вашему Величеству».

16

Поднейшее безкорыстіе г-жи… подтверждается следующимъ разговоромъ между Наполеономъ и Гурго (28 іюня 1817 г.): Посіе обеда Императоръ разсказываетъ о своихъ любовныхъ умеченіяхъ. Г-жа Д… всегда отказывалась принять чтобы то ни было, даже брилліантовое колье. Я считаю такое поведеніе благороднымъ.

17

Г. Поль Жинисти разсказалъ въ своихъ удивительно осведомленныхъ статьяхъ (Gil Bias отъ 8 и 15 янв. 1894 г.) о последнихъ дняхъ несчастнаго Леона. Онъ далъ много трогательныхъ подробностей о теперешнемъ положеніи его дочери, учительницы въ Коммунальной школе для девочекъ въ Богари, въ ажлирскомъ департаменте. Но какую-бы жалость ни внушалъ намъ печальный конецъ графа Леона и положеніе его потомковъ, я думаю, все-же, что тотъ, кто возьметъ на себя трудъ просмотреть написанныя имъ брошюры, придетъ къ выводамъ еще более суровымъ, чемъ те, за которые упрекалъ меня г. Жинисти.

Biche – лань. Прим. перев.

19

Документы, которые были у меня въ рукахъ, не говорятъ ничего объ имени этой молодой дамы, но я очень склоненъ думать, что речь идетъ здесь о г-же Абрамовичъ, которой Наполеонъ, будучи въ 1812 г. въ Вильне, поручилъ представить ему дамъ изъ местнаго общества. Въ Варшаве въ 1807 г. говорили, что г-жа Абрамовичъ, будучи очень близка съ г-жей Валевской, составляла письма, которыя последняя писала Наполеону; Императоръ будто-бы сказалъ ей по этому поводу: «Пишите мне такъ, какъ хотите, но я не хочу, чтобы въ наши съ вами отношенія вмешивалось третье лицо».

20

Графиня Потоцкая въ недавно вышедшихъ мемуарахъ очень курьезно разсказываетъ о чувстве зависти, которое вызвала среди женщинъ, принадлежавщхъ къ высшей польской аристократіи, связь между императоромъ и r-жей Валевской. Нетъ такихъ обвинений, которыхъ она не взводила бы на нее; но все то, что она передаетъ, целикомъ подтверждаетъ нашъ разсказъ, главные элементы котораго – надо ли объ этомъ говорить? – почерпнуты изъ бумагъ и автобіографическихъ заметокъ главнаго заинтересованнаго лица.

21

Ventreplat – угодница, подхалимка, – Прим. перев.

22

Въ другомъ полушаріи наделало некотораго шума мнимое письмо Наполеона, найденное въ душегрейке, которую носила некая г-жа Амели Боншанъ, умершая въ Порто Авегре (Бразилія) сто одного года отъ роду. На заметку, появившуюся по ѳтому поводу 15 декабря 1894 г. въ газете O. Paiz, въ Pio-де-Жанейро, указалъ мне одинъ изъ моихъ корреспондентовъ въ Новомъ Орлеане, почтенный г. Алленъ Эетисъ; но это письмо, перепечатанное въ Focha Nova, а позже и во многихъ итальянскихъ газетахъ, кажется мне апокрифическимъ. Написано оно было, будто-бы въ обстановке разгрома во время бегства изъ Россіи; Наполеонъ, будто-бы, объявляетъ себя въ немъ побежденнымъ Цезаремъ и изливается въ жалобахъ по поводу своего паденія; это совсемъ не въ его характере.

23

Весьма возможно, весьма вероятно, что братъ г-жи Валевской, полковнникъ Лагинскій, прибылъ на островъ Эльбу или же былъ тамъ раныпе. Какой-то полковникъ Лагинскій получилъ отъ Императора 4 августа какое-то порученіе. Привезетъ-ли онъ письма отъ г-жи Валевской? Поручено ли ему привести ее? Это возможно. Возможно также, что сопровождалъ ее не этотъ Лагинскій, – такъ какъ г-жа Валевская имела двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ, повидимому, генераломъ въ Польше и по крайней мере полковникомъ во Франціи, другой же былъ несомненно полковникомъ въ арміи Великаго Герцогства. Столь славная исторія Наполеоновской Польши ѳще ждетъ своего историка, по крайней мере во Франціи.